

СЕМЬЯ И ШКОЛА

6/1972

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Не трудна дорога
и не тяжела ноша,
если в походе рядом
надежное плечо
взрослого.

А после долгого
дневного пути
час отдыха,
вечерний час
тишины.

О многом
можно рассказать
в этот час,
и навсегда
останутся
в ребячьей памяти
этот вечер
и эти слова...

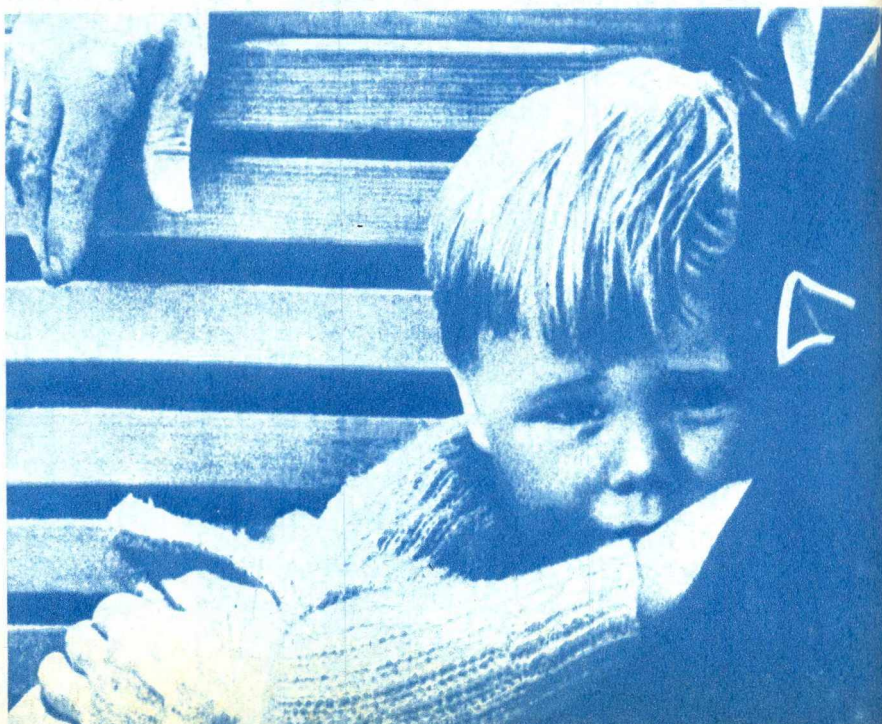
Никто не вырастает без слез.
Игрушку отняли, зуб болит,
экзамен не сдал —

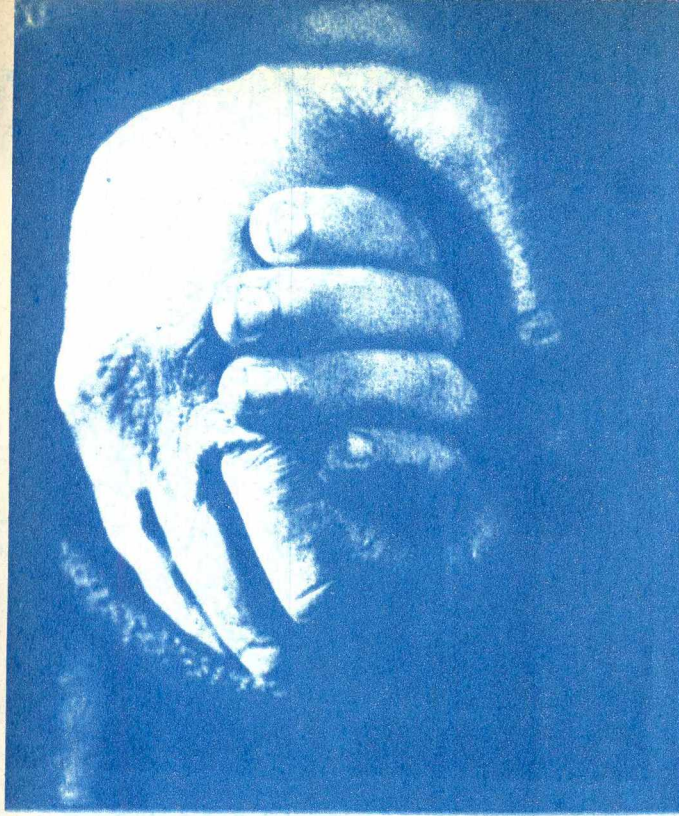
все это
уважительные причины.
Но если плачет малыш,
услышав рычание самолета
над головой,
самолета, несущего бомбы?
Но если от голода — слезы?
От страха, что могут выгнать
из школы,
потому
что ты — черный?

Не в силах уберечь своего малыша
от этих слез
родители во Вьетнаме, США, Сирии,
Анголе.

Но с каждым днем
все больше людей становятся
в ряды борцов против войн, голода,
расовой дискриминации.

Потому что только так
можно защитить детей
от детского горя.

Дети и море ...
 Комсомол
 заботится
 о пионерских
 здравницах
 на тёплом юге.
 Профсоюзы
 выстраивают
 на побережьях
 дома отдыха,
 в которые можно
 поехать теперь
 всей семьей.
 Да, конечно,
 и о солнечных
 витаминах
 и о крепкой
 солёной купели
 думаем мы,
 везя детей
 к благодатным
 волнам.
 Но подумаем ещё
 и о другом —
 о том, что море
 для детей —
 это встреча
 с неизведанным
 и потому зовущим,
 вечным как жизнь
 и пока
 безбрежным ...

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Бехтерев. Каждому быть здоровым и сильным	2	<i>Природа</i> А. Онегов. Дары, а не жертвы	40
Б. Леонидова. Мы советские!	6	«Добро пожаловать» или «Посторонним вход воспрещен»?	42
<i>Все мы — воспитатели</i> А. и О. Лишины. «Каравелла» и прочие пилигримы	8	Н. Марковских. Ученый кот, днем и ночью	43
М. Волович, Л. Ковинько. Завтра — математика	11	<i>У врача</i> Р. Тонкова-Ямпольская, Л. Голубева. Толстый и тонкий	44
<i>У нас во дворе</i> М. Ямницкий. От комнаты до комплекса	13	<i>Дети разных народов</i> С. Арутюнов, А. Телешевская. Под крышами Японии	46
<i>Почта</i> Е. Булавин. Эта милая речка	14	В. Комаров. Солнце и мы.	48
И. Морев. Вредная жалость	14	<i>Старинные наставления</i>	51
П. Детков. Платя для кукол	14	<i>Листая журналы</i>	52
И. Ковердлева. Рука на плече товарища	15	<i>Книги</i> Н. Кожемякин. Рассказ о партийном съезде	54
<i>На острую тему</i> Рюмка? Две? Ни одной! (Ответ на письмо читательницы Т. Павленко)	16	А. Лаврова. Сквозь войну	54
Б. Анин, М. Кашаев. Вишневый сад	18	Г. Румянцева. Чтение на лето	55
<i>Наши права, наши обязанности</i> Г. Медынский. Не дожидаясь жестокого толчка	21	С. Дубровская. Сфера и атмосфера	56
П. Довгаль. Где же ты был раньше?	24	Н. Щербатых. Сказать один раз...	57
<i>Событие семейного значения</i> Г. Терехова. Охотники за чудесами	25	Н. Кузин. Память об истоках	58
<i>Родительский опыт</i> М. Насонова. Утро и вечер с сыном	26	А. Светов. Интересные снимки; Т. Васильева. Фотографируем без фотоаппарата	58
Е. Черник. В поход — всем вместе	28	С. Глязер. Змеи, которые летают	60
В. Панова. Про Митю и Настю	31	<i>Детство замечательных людей</i> В. Шатчинин. Демосфен	62
<i>Музыка и каждый из нас</i> Ф. Розинер. Сложный мир шести гитарных струн	36	<i>Раз, два — и в дамки!</i>	63
		<i>Картины нравов</i> Е. Овдак. Потомок Рорика	64
		На 2-й странице вкладки фото С. Тапкина. На 4-й странице обложки фото Б. Раскина.	

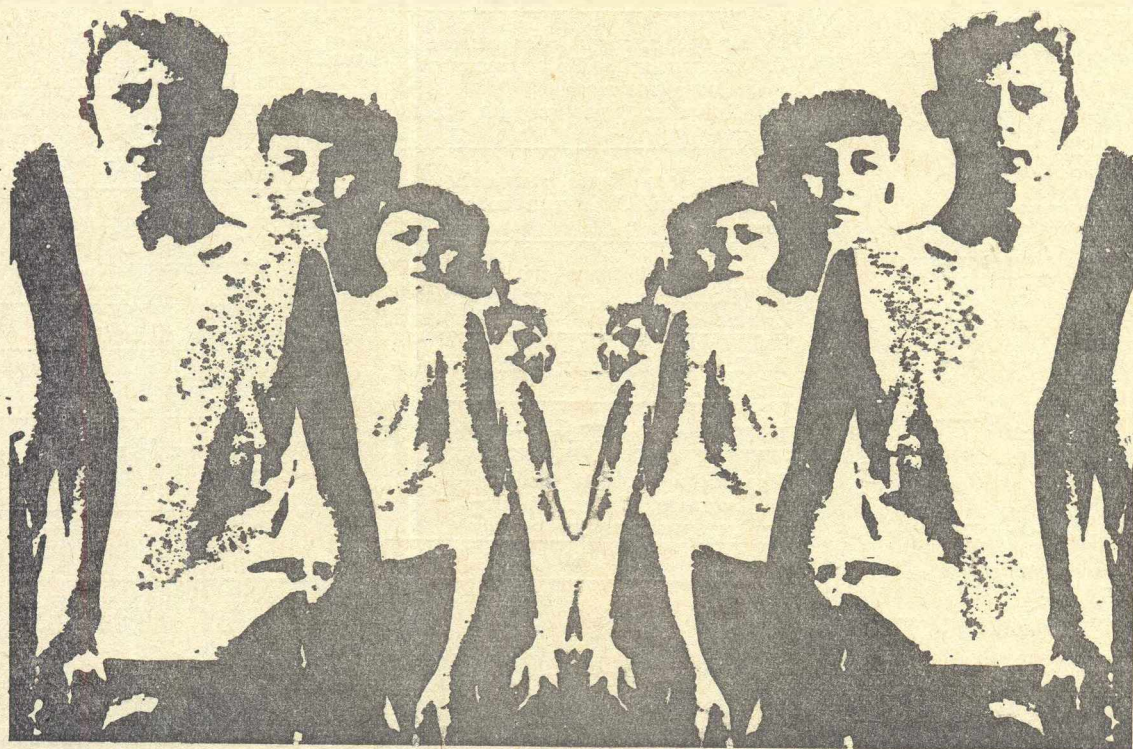

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
 для родителей
 Академии
 педагогических наук СССР
 Июнь 1972 года
 № 6 27-й год издания

*Убыстряющийся темп жизни,
небывалый прогресс науки и техники
предъявляют всё более высокие требования
не только к умственным, но и физическим возможностям
человека, живущего в семидесятых годах двадцатого века.
Ещё более высокими станут эти требования
через десять-двадцать лет,
когда в самостоятельную жизнь
вступят наши дети.*

каждому быть здоровым и сильным

Если бы в один погожий день все стадионы Советского Союза, все бассейны, все спортивные залы, велотреки, корты и кордромы, тир, трассы и просто все спортивные площадки оказались заполненными тренирующимися, соревнующимися, просто занимающимися сугубо оздоровительными упражнениями людьми, их было бы — подсчитали статистики — 20 миллионов человек. 20 миллионов вместились бы сразу, а в неделю спортивные комплексы страны могут «пропустить» до 50—60 миллионов.

Цифра, что и говорить, впечатляющая. Но ведь это всего четверть населения страны...

Вспомним, что говорят о развитии физкультурного движения Директивы XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану: «Улучшить условия для занятий широких масс трудящихся физической культурой и спортом, развернув строительство новых и повысив использование действующих спортивных сооружений». Это забота о том, чтобы все люди смогли укрепить свое здоровье, стать сильными, ловкими, смелыми, чтобы сумели развить свои физические способности.

Есть ли условия для этого сегодня?

Несомненно, есть. У нас почти три тысячи стадионов, полмиллиона спортивных залов, 1230 бассейнов, около 90 тысяч футбольных полей. Прибавьте к этому микростадионы при школах и училищах, спортивные площадки, создаваемые жэками во дворах. Прибавьте туристские базы, оздоровительные детские и молодежные лагеря...

Впрочем, надо ли доказывать, что при желании каждый — и в первую очередь это относится к подрастающему поколению — может приобщиться к физической культуре и спорту.

Особое место в работе по физическому воспитанию наших детей занимает общеобразовательная школа. Именно она закладывает основы здоровья человека, его трудоспособности и трудового долголетия. На улучшение постановки физкультуры в школе ежегодно выделяются миллионные средства. Вот еще один, показательный для наших дней пример: все школы — и в городе, и на селе — теперь строятся только со специальными спортзалами, а к школам старого типа такие залы пристраиваются. Программы проведения спортивных занятий в годы школьного обучения все совершенствуются.

И однако... Однако сегодня мало и этого.

Мало потому, что программа общеобразовательной школы — это лишь минимум, необходимый нашим детям для того, чтобы вырасти здоровыми и сильными. Занятия физической культурой должны сопутствовать человеку всю жизнь.

А ведь эти занятия, даже в самых так сказать оздоровительных пределах, требуют и серьезной самодисциплины, и самоограничения кое в чем, и, конечно, силы воли, на что, увы, способен далеко не каждый. Серьезным стимулом для занятий физкультурой и спортом, стимулом, который придает им общественную значимость, является новый комплекс ГТО — «Готов к труду и обороне СССР». Он недаром считается основой спортивной работы. В комплексе ГТО заложены условия, которые впервые создают строгую научно разработанную последовательность в физкультурной и спортивной деятельности, четко очерчивают границы и возможности каждого возраста. Его нормативы разработаны с учетом накопленного опыта и широких медицинских и

социологических исследований, проект его обсуждался в течение года и получил широкое одобрение.

Комплекс вступил в силу с первого марта этого года. А уже в конце весны появились первые значкисты ГТО всех пяти ступеней. Да, в теперешнем комплексе их пять. В старом же — многие хорошо это помнят — было всего две, а потом три ступени.

Многие из нас и сегодня бережно хранят полученные в школьные и студенческие годы значки «ВГТО», «ГТО—I» и «ГТО—II». Со времени принятия первого комплекса — с 11 марта 1931 года, — миллионы советских людей стали обладателями таких значков. В свое время Климент Ефремович Ворошилов назвал значок ГТО своего рода «почетнейшим физкультурным орденом». И действительно, в суровую пору борьбы с германским фашизмом значкисты ГТО проявили себя на фронте сильными, умелыми, ловкими воинами. Отличились они и в годы послевоенного восстановительного периода: закалка, полученная на стадионах, в спортивных залах, лыжных и туристских походах, помогала советским людям преодолевать многие трудности. Только за последние десять лет нормы комплекса ГТО (с 1931 года он не раз совершенствовался и уточнялся) сдали свыше 80 миллионов физкультурников.

Однако жизнь предъявляет к человеку повышенные требования, изменились и представления о его физических возможностях. Новый комплекс «Готов к труду и обороне СССР» учитывает это.

Вот три «кита» комплекса: добиться, чтобы занятия физкультурой стали повседневными в каждой семье; привлечь к физкультуре всех, всех, всех — от пионеров до пенсионеров; способствовать массо-

вому развитию спорта и воспитанию спортивных талантов.

Если коротко, то требования прежнего комплекса были «помягче». Впрочем, и в новом комплексе, помимо возрастных различий по пяти ступеням, сделаны «послабления» — можно сдавать нормы на золотой, а можно и на серебряный значок.

Пять ступенек в спорт. Это тоже новинка. Требования здесь — в строгом соответствии с возрастными возможностями организма. О ступенях этих стоит рассказать подробнее.

Вот первая. Ее название «Смелые и ловкие», а значок этой ступени могут получить ребята в возрасте 10—13 лет. Задачи: формирование у детей сознательного отношения к занятиям физической культурой, развитие основных физических качеств и жизненно необходимых умений и навыков, выявление спортивных интересов.

Сдавать нормы ребята будут, разумеется, в школе, однако и взрослым небесполезно знать, по каким видам соревнований им придется держать свой первый спортивный экзамен. Программа включает бег на дистанции 30 и 60 метров, прыжок в длину и в высоту, метание теннисного мяча. Ребята должны будут проплыть (любым стилем и без учета времени) 50 метров, пробежать на лыжах 1 и 2 километра или (в тех районах, где не бывает снега) проехать на велосипеде 5 километров. Надо еще уметь подтянуться на перекладине не меньше трех раз и лазать по канату.

Есть упражнения, которые выполняются по выбору (в возрасте 10—11 лет — два вида, в возрасте 12—13 лет — три вида). Это — полоса препятствий, гимнастические упражнения, турпоход на 5—6 километров, стрельба, бег на простых конь-

ках на дистанцию 100 метров, соревнования по спортивным играм.

Вот сколько разных вещей должны уметь самые юные спортсмены, и естественно, что основы этих навыков и умений должны закладывать родители, еще задолго до первых стартов.

Вторая ступень называется «Спортивная смена». Она предназначена для подростков 14—15 лет и ставит целью дальнейшее повышение их физической подготовленности. Тут уж не просто бег, прыжки, преодоление препятствий, а еще и первые теоретические сведения: знать и выполнять правила гигиены — личной и общественной, знать основные правила гражданской обороны и уметь пробить в противогазе 30 минут, знать и выполнять комплекс упражнений утренней гимнастики. Нормы второй ступени включают в себя бег на дистанцию 60 метров, кросс, прыжки, лыжные гонки, плавание, подтягивание на перекладине, турпоход на 12—16 километров, а для получения золотого значка требуется еще иметь спортивный разряд по любому виду спорта.

Название третьей ступени «Сила и мужество». Это спортивный и военно-прикладной экзамен для юношей и девушек 16—18 лет. Задачи ступени — совершенствование физической подготовки молодежи, необходимой для последующей трудовой деятельности и службы в Вооруженных Силах СССР. Здесь требования уже значительно повышены: бег на 100 метров, кросс, бег на коньках, метание гранаты, прыжки, лыжные гонки или велокросс, плавание, упражнения на спортивных снарядах, стрельба из мелкокалиберной винтовки и боевого оружия, турпоход и, наконец, разряд по одному из военно-прикладных видов спорта.

IV и V ступени рассчитаны на взрослых людей.

«Физическое совершенство» — так названа четвертая ступень. Самые сложные нормативы собраны здесь. И они должны быть под силу тем из нас, кто находится в возрасте 19—39 лет (мужчины) и 19—34 года (женщины). Задачи ступени, как они сформулированы в комплексе, — «достижение высокого уровня физического развития и физической подготовленности населения для высокопроизводительного труда и выполнения священного долга по защите Родины». Для особо отличившихся при сдаче норм ГТО IV ступени, помимо серебряного и золотого значков, введен еще золотой значок с отличием.

Спортивные нормы в этой ступени выше, чем в прежнем комплексе. Раньше, например, для отличной оценки мужчинам, достигшим 19 лет, достаточно было пробежать стометровку за 14,5 секунды, пройти 5 километров на лыжах за 30,5 минуты, прыгнуть в длину на 430 сантиметров, проплыть 100 метров без учета времени. Сейчас значок можно получить, только выполнив те же упражнения за соответственно: 13 секунд, 24 минуты, 5 метров, а норма пловца — 1 минута 50 секунд.

«Бодрость и здоровье» — «ступенька» для старшего возраста бабушек и дедушек. Ее градации — две группы 40—49 и 50—60 лет для мужчин и 35—44 и 45—55 лет для женщин. Задачи ступени — сохранение на долгие годы крепкого здоровья и высокого уровня физической подготовленности трудящихся для обеспечения их трудовой активности и постоянной готовности к защите Родины. (Кстати, в Москве именно бабушки и дедушки первыми стали сдавать нормы нового комплекса — это те люди «в воз-

расте», которые занимаются в оздоровительных группах на стадионе в Лужниках).

Посильны ли нормы для «среднего» гражданина этого возраста? Судите сами: вот некоторые из них. Сначала — для женщин. Если вам 35—44 года, вы должны суметь пробежать 60 метров за 12,8 секунды, а 300 метров — за 1 минуту 25 секунд. Вы отличная прыгунья, во всяком случае прыгнуть на полтора метра вам ничего не стоит. И граната должна быть вам послушна — 18 метров — самое близкое расстояние, на какое вы ее должны кинуть. Вы можете пробежать 2 километра за 18 минут на лыжах, проплыть 100 метров и пойти в двадцатикилометровый туристский поход. Для тех, кто старше 44 лет, нормативы более легкие: ускоренная ходьба на 200 метров за 1 минуту 20 секунд, легкий бег — 8 минут, прыжок в длину на 130 сантиметров, толкание двухкилограммового набивного мяча на 6 метров, двухкилометровая прогулка на лыжах без учета времени, плавание на 50 метров и легкие гимнастические упражнения. Турпоход на 10 километров тоже входит в зачет.

У мужчин, разумеется, требования посложнее. Но и они вполне доступны, если вы не теряете дружки со спортом.

Если вам 40—49 лет, то вы должны пробежать 60 метров за 12 секунд, а кроссовая дистанция в 800 метров должна покориться вам за 3 минуты 15 секунд. Норматив прыжка в длину — 190 сантиметров. Граната весом 700 граммов должна лететь на 32 метра. Дистанция для лыжного похода в 5 километров проходится за 35 минут. В бесснежных районах ее заменяет смешанное передвижение: ходьба-бег на 5 километров за 40

минут. В числе других нормативов — плавание без учета времени, гимнастические упражнения, стрельба из малокалиберной винтовки и туристский поход на 20 километров.

Для тех же, кому перевалило за пятьдесят, нормативы, естественно, несколько облегчены.

А теперь — о сдаче самих норм. Нашим детям это проще: школа, техникум, вуз, армия помогут им приобрести значки всех ступеней, вплоть до «физического совершенства». Готовить их будут опытные тренеры, преподаватели кафедр физического воспитания, военной подготовки и гражданской обороны. На заводах, в колхозах и совхозах, на стройках и в учреждениях за дело примутся инструкторы, советы коллективов физкультуры. Комсомол и ДОСААФ позаботятся, чтобы массовые соревнования на предприятиях, в городах и селах проходили живо, увлекательно.

Ну, а если человек вышел из юношеского возраста, ему помогут подготовиться и сдать нормы ГТО комиссии, создаваемые при всех предприятиях и учреждениях. В эти комиссии войдут авторитетные специалисты по физкультуре и врачи. Они-то и будут принимать зачет ГТО. На сдачу норм по IV и V ступеням нам «отпускается» по два года. Результаты запишут в индивидуальные карточки. Конечно, прежде чем браться за подготовку к сдаче норм, надо посоветоваться с доктором. И коль медицина не имеет возражений, смело выходите на беговую дорожку, становитесь на лыжи, беритесь за гимнастические снаряды. Тренируйтесь, закаляя тело и волю и показывая пример детям.

Ю. БЕХТЕРЕВ,
судья республиканской категории
по спорту

**«Мы
хотим
всесторонне
развить человека,
чтобы он умел хорошо
бегать, плавать,
быстро и красиво ходить,
чтобы у него все органы
были в порядке,
словом, чтобы он был
нормальным
здоровым человеком,
готовым к труду
и обороне».**
М. И. КАЛИНИН

МЫ СОВЕТСКИЕ!

Столетиями воду реки Нарвы баламутили пушечные ядра и людская вражда. Два берега грозно щетинились толстыми зубчатыми стенами — бойница в бойницу. На одном берегу — Нарва, крепость, побывавшая за шестьсот лет в руках датчан, немцев, шведов, а на другом — Ивангород, крепость, воздвигнутая царем Иваном III для охраны и укрепления северо-западной границы русского государства.

Все это ушло навсегда. Сохранилось лишь на страницах книг да в музейных залах. Правда, старые, совсем уже обветшалые крепостные стены по-прежнему отражаются в нарвской воде, да кто из теперешних нарвитян воспринимает их иначе как деталь старинного колорита!

А вот добротный широкий мост через реку Нарву, мост Дружбы, — это сегодняшний день города, это необходимость, потому что многие из тех, кто работает в Нарве, живут в Ивангороде, и наоборот. Никого не смущает, что дважды в день приходится переходить границу: Нарва расположена в Эстонии, Ивангород — в России, в Ленинградской области.

Да и почему такое обстоятельство должно кого-либо смущать? И там и тут — советская земля, и советский человек ступает по ней спокойно и уверенно, независимо от того, русский он или эстонец, или латыш, или белорус, или украинец... Пожалуй, не стоит называть всех, потому что перечисление более чем тридцати национальностей, представителей которых можно встретить в Нарве, согласитесь, несколько затянет наш рассказ.

Откуда здесь такой «интернационал»? Ни благодатным климатом, ни щедрой почвой, ни льготами дальних краев привлечь к себе этот небольшой прибалтийский город не может.

Но сложилось так: война разрушила Нарву почти полностью. Восстановить ее силами одной Эстонии было бы нелегко. И тогда, как это заведено в нашей стране, республика призвала на подмогу всех, кто не боялся расстаться с насиженным местом, кто любил начинать все сначала. И потянулся на берега Нарвы народ со всех концов необъятной нашей земли — больше, конечно, молодежь, она легче на подъем.

Нарва стала ударной комсомольской стройкой. На месте руин вырос новый город. Восстановили и крупнейшее его предприятие — знаменитую Кренгольмскую мануфактуру. Потом строили Прибалтийскую ГРЭС имени Ленинского комсомола, сейчас в полную силу идет строительство мощнейшей Эстонской ГРЭС, на сланцах. И всё едут

и едут сюда люди... Кто-то потом возвращается в родные места, кто-то рвется опять в неведомые края, а многие остаются — интересная работа, да и передружились, пережились... Таким вот образом население Нарвы с 1968 года увеличилось на одиннадцать тысяч человек — это при естественном его приросте в одну тысячу!

— Растем и строимся, — сказала мне секретарь Нарвского горкома партии Светлана Константиновна Бобренко. — Национальный вопрос как решаем? Да признаваться, никаких трудностей у нас в этом вопросе и не возникает. Нарвитяне — народ дружный!

То же я услышала в городском отделе народного образования.

— Есть у нас, — объяснили мне, — эстонская школа, есть русские... А национального вопроса нет, есть интернациональное воспитание.

— Живем одним рабочим коллективом, — сказали мне и в фабрике Кренгольмского комбината, где работают люди тридцати семи национальностей. — А как же иначе? Мы при Советской власти выросли.

Но мне еще хотелось и самой узнать, как люди каждый для себя в повседневной своей жизни ощущают, если можно так выразиться, отсутствие национального вопроса. И тогда из официальных учреждений я пошла в семьи; в одну, другую, третью...

...Маргарита Александровна Мозгилис и муж ее, Янис Викентьевич, работают на Кренгольме. Она нормировщица, он электромонтер. Когда в 1947 году они, эстонка и латыш, поженились, то родители, и ее и его, были не в восторге.

— А теперь я — самая лучшая невестка! — весело смеется женщина. — Хотя у остальных братьев Яниса жены — латышки.

В кухне вкусно пахнет кофе. Клетчатая скатерть на столе, коричневые керамические чашки, кувшинчик со сливками... Хозяйка гостеприимна и радушна. Рабочий день юнчился, еще не поздно, можно поговорить не спеша...

Маргарита Александровна, или Мэта Нурк, как ее звали в девичестве, рассказывает:

— Я ведь родом из Новгородской области. После отмены крепостного права в России безземельных эстонцев, то есть попросту батраков, «распределили на свободные земли» — так это называлось. Привезли силком на чужое голое место — живите. Многие убежали, не выдерживали. Да разве убежишь! Рядом аракчеевские земли. Беглецов ловили, возвращали, били нещадно. Баба моя рассказывала, что деревня

наша свое название «Ложитово» получила потому, что каратели, наказывая беглецов, кричали: «Ложитово, бить будем!»

Восьмиклассница Лидя, дочка Мозгирисов, слушает, широко раскрыв глаза, и потом вздыхает:

— Ой, как страшно!

— Повторю я и сейчас очень люблю, — говорит Маргарита Александровна. — Люблю его простор, Волхов, зелень изумрудную. У нас там дочка старшая в пединституте учится. Русскую литературу преподавать будет.

...В семье Петросянов, как и следовало ожидать у однофамильцев экс-чемпиона мира по шахматам, Таисия Васильевна и девятилетний Володя сидели за шахматной доской. Глава семьи, Ваня Казаросович Петросян, наблюдал за играющими.

Он стал жителем Нарвы самым обыкновенным образом: уроженец Закавказья нес военную службу в Эстонии. Там женился на русской девушке, работавшей на Кренгольме. После демобилизации и Ваня поступил туда, сначала учеником, а теперь уже много лет работает помощником мастера. В 1961 году стал членом Коммунистической партии.

У Петросянов два сына. Старший, Артуш, уже в армии, младший, Володя, во втором классе.

— Мы сразу так решили, — говорит Таисия Васильевна, — первому ребенку дать армянское имя, второму — русское.

— А как решили вопрос с их национальностью?

— Очень просто: пришло время Артушу паспорт получать — как записать? Стал он перед зеркалом: глаза темные, волосы черные — вылитый отец! «Да и зовут меня по-армянски, — сказал Артуш. — Значит, записываюсь в паспорте армянином!»

— А Володя, — с мягким акцентом замечает Ваня Казаросович, — придет время — сам решит, как захочет. Мы в этом направлении никакой работы не ведем. И так хорошо, и так неплохо.

Володя тихонько трогает отца за рукав. Тот поднимается.

— Извините меня. У Володи сегодня утренняя школа, я выступаю. Обещал ребятам рассказать о службе в рядах Советской Армии, ждут они меня.

— Ваня Казаросович, последний вопрос: не тянет вас на родину?

Он обнимает жену за плечи.

— Вот на пенсию выйдем, может, и переберемся поближе к солнышку, косточки греть. А пока нам и здесь хорошо! Работа, друзья наши — Александровы, Абисогомяны, Кубья...

...В трехкомнатной квартире Ислановых вся семья, усевшись на тахте, покрытой ярким ковром, смотрит телевизор. Хозяйка, Найми Исланова, небольшого роста, с косышкой на косах, в мягких чулках, торопливым говорком рассказывает:

— Сами-то мы из Горьковской области, татары. Приехали работать на стройку в Таллин, потом сюда, в Нарву. Сначала тоже строили, потом я пошла на Кренгольм работать, а Хасан, — она кивает на мужа, — строителем на завод бетонных изделий. Трое детей у нас. Сын в армии, а девочки...

Девочки рассказывают о себе сами. Хасанэ учится в восьмом классе, Нейлэ — в седьмом. Старшая уже выбрала себе профессию — после восьми классов пойдет учиться на портниху. Обязательно в Таллине! («Знаете, как там замечательно шьют!»). Младшая собирается кончать десятилетку и еще не знает, кем хочет стать. («Пока больше всего люблю русский язык и литературу!») Каждое лето девочки выезжают в пионерский лагерь.

— Хорошо вам в лагере живется?

— Ага! — дружным дуэтом отвечают они. — Здорово!

— И друзей много?

— Много! — так же дружно раздается в ответ.

— А в школе вашей есть еще татарские ребята?

Девочки задумываются.

— У меня в классе есть один мальчик, а в школе, сколько, я не знаю точно, — неуверенно говорит Хасанэ. — Можно узнать. В школе, наверное, знают.

В школах Нарвы, где учится более десяти тысяч ребят, интернациональному воспитанию уделяют не меньше внимания, чем в любой школе Советского Союза. Ребят воспитывают в духе любви и уважения к трудящемуся человеку, независимо от его национальности и расы. Гуманизм и благородство интернационализма кажутся естественным и единственно возможным мировоззрением для этих ребят, которые сидят рядом на партах, носят одинаковые красные галстуки, не испытывают и никогда не испытывали национального унижения и неравенства. Для ребят, чьи отцы и матери каждое утро встречаются в проходных фабриках и заводах, на стройках, вместе работают, вместе отдыхают...

У Кренгольмского комбината два клуба: для взрослых — имени русского революционера Василия Герасимова и детский — имени Амалии Крейцберг, эстонской революционерки, зверски замученной царским правительством,

Директор детского клуба — обаятельная, оживленная Нина Александровна Луккина — очень логично излагает свою точку зрения:

— Конечно, это прекрасно, что у нас нет никаких национальных трений. Но это еще не причина снижать требования к работе по интернациональному воспитанию. Чем больше ребята будут знать, чем больше вложим мы в них положительного опыта, тем выше и надежнее будут моральные качества человека нового общества.

...Это был удивительный вечер в клубе имени Амалии Крейцберг. Нина Александровна, разумеется, с помощью своих ребят умудрилась собрать вместе представителей всех пятнадцати союзных республик. И вот я держу в руках рукописную книгу — итог того вечера — под названием «Мое отечество — СССР».

Крупным, детским еще почерком на разлинованных от руки страницах записаны выступления. Слова торжественные и простые, образные и скучные, фотографии, рисунки, подписи... О севере и юге, о горах и пустынях, о цветах и лесах, о новых и старых обычаях, о природных богатствах и об отважных людях — обо всем можно прочесть на этих страницах. Есть и воспоминания о блокаде Ленинграда и о восстановлении Нарвы...

— У нас весь год идет «Путешествие по Советскому Союзу», — рассказывает Нина Александровна. — Хотя мы путешествуем мысленно, но очень интересно! Заглядываем в разные уголки страны, знакомимся с людьми, бытом, обычаями разных народов. Ребята наши должны знать не только место, где живут сегодня, но и все наше отечество...

Да... Только старые камни крепостей да перекрещенные мечи на древнем гербе напоминают теперь о горестной, полной вражды и злобы истории города. Сегодня у Нарвы завидная судьба. Люди, живущие здесь, называют себя нарвитами. Они не знают ни вражды, ни распри. Они советские люди, интернационалисты в самом глубоком понимании этого слова — они просто не допускают мысли, что может быть иначе. И хотя по-разному звучат языки, не одинаковы лица, отличаются имена — все равны в своем отечестве, которое носит такое прекрасное, такое гордое название — Союз Советских Социалистических Республик!

Б. ЛЕОНИДОВА,

специальный корреспондент
«Семьи и школы»
г. Нарва — Москва

*все мы —
воспитатели*

КАРАВЕЛЛА И ПРОЧИЕ ПИЛИГРИМЫ

Капитану предложили подать в отставку. Он стоял перед Советом и всё как будто бы не верил, что это всерьез.

— Ты в отряде не первый день, — сказал командор. — Ты знаешь наши законы.

Да, он знал законы. «Никто не пройдет мимо плачущего малыша». «Никто не обидит слабого...»

— Но я же не хотел... эту белку!

— Еще бы ты хотел! Ты только поймал ее и вместе со своими дружками сделал из нее игрушку. Вы затаскали ее до смерти. Ты обязан был думать, что делаешь!

Он обвел глазами комнату. Сережа Новоселов, Ира Чеснокова, Саша Бабушкин, Оля Свалова, командор Слава — писателя Владислава Петровича Крапивина никто из ребят не звал иначе. Все смотрели на него...

Мальчишка повернулся, громче, чем надо, захлопнулась за ним дверь.

А вообще-то дело было не только в мальчишке, который хлопнул дверью. Корреспондентский пионерский отряд «Ветер» подошел к какому-то рубежу. Старые дела стали привычными. Еще каждое утро в семь часов по сигналу горниста сбегались из соседних домов ребята на линейку, еще шла съемка последнего фильма и не все налюбовались стеной газетой «Тигренок Санька», получившей первую премию на всесоюзном конкурсе «Пионерской правды». Но чувство привычности, от которого недалеко до скуки, говорило: или отряд постепенно угаснет, или надо придумывать что-то новое...

А с чего начинаются такие отряды?

На косогоре, за домом Крапивина в Уктусском поселке на окраине Свердловска качаются под ветром сосны. Каждая из них выросла по-своему, обогриваясь в лучах солнца и пробиваясь корнями к водоносному горизонту. Пока они еще были маленькими, их равнодушно мог пригнуть и сломать каблук случайного прохожего. Но они пробились и выросли. И шумят, смолистым ветром обдавая лицо. Любая из них — особая. Крапивин это знает. Этот человек умеет удивляться неповторимости. Наверное, поэтому тянутся к нему ребята. Так возникает их дружба, никем не предписанная, просто из интереса друг

к другу, к общим затеям, мечтам, делам. Так возникает отряд.

Их немало по нашей стране, и у истоков каждого стоит взрослый человек, любящий детей, наделенный энергией и воображением. Официально они числятся по разделу: «Работа по месту жительства». И называются: «Самодетельные подростковые объединения». Мы назовем их проще и короче: отряды. Хотя среди них есть и клубы, и команды, и даже театры.

*

В войну к черноморскому городу Туапсе рвались через горы фашистские части. Севернее Туапсе есть высота Семашко. Здесь стояли наши морские пехотинцы. Большинство погибло, но враг в Туапсе не вошел. А спустя двадцать четыре года Галя Черновол и Володя Черновол, муж и жена, географ и геолог, вожатые «Орленка», прошли по школам и предложили мальчишкам и девчонкам: пойдем с нами в горы!

Так начался клуб «Пилигрим». Сегодня ему уже пять лет. У ребят в пионерских галстуках есть своя песня, они проходят через леса, луга, поднимаются на ледники, штурмуют отвесные скалы. И вместе с тем учатся дружбе и верности, пониманию красоты цветов, птиц и человеческих отношений. В одичавших садах они прививают побеги хороших плодовых пород, создали интересный краеведческий музей.

Стать членом клуба нелегко, «кандидатский стаж» длится до тех пор, пока в тебе не признают «своего»: человека верного и честного. Для этого надо без слов понимать, кому нужно помочь, стойко держаться на маршруте и не отлынивать от дела на привале. Надо еще уметь здорово работать, улыбаться, когда тебе самому нелегко, чтобы не расстраивать других, уметь выслушать жесткие слова на вечернем сборе и самому их сказать, если надо. Тогда тебе вручат значок, похожий на флаг, развернутый ветром.

*

В Пскове жила дружная семья Вершининых. Елена Александровна, инженер-химик, бывший партийный работник, из-за болезни сердца перешла на пенсию. В юно-

сти она увлеклась сценой, хорошо пела, и с ее легкой руки возник домашний театр — сначала свои четверо детей, потом их друзья, потом и друзья друзей. Театр рос, число участников измерялось десятками, потом перешло за сотню. Сами делали декорации и шили костюмы, учились фехтовать, «делать» гром и стрельбу. «Если мальчишка играет доброго и смелого героя, — говорила Елена Александровна, — он непременно станет и сам в чем-то на него похожим». Так нередко и случалось. Но не все ее понимали. Когда самодеятельный ТЮЗ стал народным театром (а это была большая победа), туда на ставку — в помощь Елене Александровне — пришел новый режиссер. У него был взгляд профессионала: зачем гнать несколько постановок в году? Хватит одной-двух, как и положено. Зачем возле театра крутятся больше сотни ребят? Что они — все таланты? Сомнительно...

Режиссера этого уже нет в театре. Нет и Елены Александровны, она умерла. Теперь душой ТЮЗа стала Наташа Вершинина, дочь Елены Александровны, студентка педагогического института. Идет новый набор, но живут прежние традиции. А на Дальнем Востоке собрал вокруг себя мальчишек, брат Наташи, летчик Вершинин...

*

В Свердловске живет студент-искусствовед Герман Зверев. Занимая скромную должность воспитателя группы продленного дня, он руководит детским клубом «Лири». В одном из московских жэков создал изостудию «Мир глазами детей» архитектор и художник Валерий Кореневич. Оба, независимо друг от друга, пришли к выводу: нет ребят, в ком не теплилась бы искра художественного таланта. Только найди вовремя и раздуй. И вот уже работам одиннадцатилетних (без выбора) художников дивятся опытные мастера кисти. В клубе «Лири» играет немудреный оркестр детских инструментов. Но сами дети — композиторы, дирижеры и исполнители.

И Зверев, и Кореневич твердо убеждены, что через искусство лежит прямой путь к творческому началу в человеке. Надо лишь учить

так, чтобы техника не убивала изображение и личное, неповторимое видение. Одна девочка овладела техникой рисунка, но изображала она стандартные кукольные личики, цветочки, кошечки. Воспитатель как-то сказал девочке: «Слушай, а зачем ты их рисуешь? Смотри, вот открытки: те же личики, цветочки, кошечки. У них и краски ярче, и бумага глянцевая. Нет уж, если рисовать, то что-то свое. И так, чтобы каждый увидел: «Это — ее!» Девочка заплакала. Неделию она не притрагивалась к кисти и карандашу. А потом села и нарисовала... бурю в пустыне. Стоит кактус и крутятся над ним оранжевые вихри песка. Так художник в детской душе победил ограниченность.

*

Конечно, есть школа, семья. Но есть и улица, двор, где не всегда найдется добрый и умный друг для подростка. Очень надо, чтоб он нашелся!

Взрослые обычно берутся за такую работу по одной причине: они считают ее своим человеческим и гражданским долгом. Отсюда и стремление включиться в трудное дело воспитания, и готовность взять на себя заботу о чужих детях. Все это переплетается с насущной потребностью передать детям то, что для тебя самого дорого и увлекательно, становится неотъемлемой частью собственной жизни. И вот уже забыл человек, как чертыхался в душе, что нет ни минуты покоя. Забыл, потому что появляется в дверях невысокая фигурка: «Слава, я к тебе. Можно?» И вот на смену «Ветру» приходит «Каравелла», теперь уже морской корреспондентский пионерский отряд.

*

Кто помогает дворовым отрядам? Им помогает комсомол. Энтузиастов-взрослых как своих соратников встречают в райкомах и горкомах комсомола, помогают им добывать средства, помещения, инвентарь.

Жэки выделяют для подростковых объединений комнаты. Их берут под свое шефство партийные, комсомольские и профсоюзные организации предприятий. В лучших

школах руководителя такого отряда приглашают на заседания педагогов, и вместе с ним решают не одну запутанную ребячью судьбу.

Бывает, мальчишка, чья репутация в классе далека от благополучной, приходит в школу в морской пионерской форме, подтянутый и строгий. Рассказывает, как они ходят под парусом, какой фильм снимают сами, какие бастионы в Севастополе, где они побывали. Ребята почтительно прикасаются к нашивкам «Каравеллы» на рукаве форменной рубашки. И вот уже к парню возвращается утерянное было самоуважение — то, без чего подросток превращается в замкнутое и озлобленное существо.

*

А что мешает отрядам? В первую очередь — непонимание. Чаще всего оно связано с привычкой к педагогическому шаблону. Мы сами, работая с ребятами, слышали от завуча одной из школ:

— Зачем вы собрали в своей команде двоечников и хулиганов? Они и так от рук отбились, а вы их еще больше от учебы отвлекаете.

Хорошо, что сегодня такое слышишь все реже. Люди начинают понимать: если мальчишка или девочка увлечены хорошим коллективным делом, «потерянное время» с лихвой окупится становлением характера. А характером, в конечном счете, решаются и успехи учения. Права была Валерия Матвеева Сомова, мать одного из учеников «каравелльцев», когда, выступая на родительском собрании, говорила:

— Слабые отметки — не вина «Каравеллы». И без нее ребята бегали бы по улицам и учились на те же тройки, да еще неизвестно, под чье бы влияние попали. Вон Саша К. был на учете в детской комнате милиции. Стал каравелльцем — сняли его с учета. Крапивина надо благодарить, что взял заботу о наших ребятах...

В основе подобных конфликтов лежат, как мы уже говорили, непонимание и недоверие к всепоглощающей ребячьей увлеченности, которая будто бы мешает учению, разбивает школьный коллектив. Сколько по этому поводу было споров, и в каждом из них по сути

дела сталкивались разные взгляды на воспитание.

С одной стороны, это, условно говоря, «педагогика наполнения». Воспитателю она отводит в основном роль «воспринимающего устройства», или, говоря проще, губки, впитывающей знания. В нем, в первую очередь, ценятся качества внимательного слушателя и дисциплинированного исполнителя, интерес к знаниям. Не потому ли в школьном активе аккуратные и послушные девочки, а непоседливые мальчишки составляют стойкую «оппозиционную» группировку?

Естественно, те, кто ставил себе задачей завоевание беспокойных мальчишеских сердец, должны были искать другие пути, такие, где романтика сочетается с дисциплиной, высокие моральные принципы со ставкой на максимальную мальчишескую активность и самостоятельность. Эти пути также условно можно определить, как «педагогика пробуждения». Главное в ней — пробудить в подростке готовность к добрым действиям по собственной инициативе. Но здесь и требуется определенная педагогическая смелость, связанная с элементами риска.

Иногда мы чрезмерно опасаемся такого сознательного риска, упускаем смысл мудрого замечания А. С. Макаренко: «Нерискованное действие — самый страшный риск». И действительно, добиваясь от ребят главным образом послушания и исполнительности, мы рискуем пустить их инициативу по «подземному руслу».

Конечная цель воспитателя — выработать у подростка такой уровень самоконтроля, при котором наедине с собой он поступит точно так же, как поступил бы на глазах целого коллектива. А для этого нужно, чтобы его жизнь была насыщена событиями, требующими проявления мужества, честности, товарищества. Чтобы в этих событиях он мог раскрыться как уважающая себя и других личность. Поэтому «педагогика наполнения» обязательно должна соседствовать с «педагогикой пробуждения». Как это делается, и подсказывает опыт самостоятельных подростковых объединений и их руководителей, о которых мы хотели рассказать.

Аркадия ЛИШИНА,
Олег ЛИШИН

ЗАВТРА- МАТЕМАТИКА

У двери кабинета директора школы чинно сидят рядом с взволнованными родителями будущие первоклассники. А в кабинете идет торжественная запись в школу. За одним столом директор беседует с родителями. А за другим...

Здесь, пожалуй, интереснее! Давайте прислушаемся к разговору учительницы с ее будущим учеником.

— Ты умеешь считать?

— Да, хотите до ста сосчитаю?

— Кто тебя этому научил?

— Папа. Мы с ним всегда считаем. Как я собою, он заставляет опять начать сначала: один, два...

— А сколько будет к одному прибавить один?

— Три.

— Неправильно. Подумай, пожалуйста.

Алеша подтирает голову, топорщит бровки...

Что важно сейчас для учительницы? Установить степень готовности ребенка к школе, узнать, с каким багажом явится в школу первого сентября ребенок, чтобы не упустить момента, когда ему станет трудно. Беседа с Алешей заставляет насторожиться: он явно из тех, кого надо не упустить из виду. Счет для него не более, чем «считалочка», набор слов, заученных в определенном порядке. Правда, до школы еще достаточно много времени, еще многое можно исправить...

Занятия начинаются, когда папа приходит с работы, после семи, то есть когда Алеша набегался, устал и его голова переполнена событиями дня. Папа тоже устал, и потому Алешкина непонятливость и рассеянность его особенно раздражают.

— Так сколько будет: три прибавить два? — перспрашивает он не предвещающим ничего хорошего голосом.

Алеша молчит, пытается вспомнить, что папа говорил на этот счет, и повторяя про себя: «Три прибавить два, три прибавить два...»

— Пяать! — папа с досадой тычет пальцем в лоб Алеша, как бы пытаясь вбить правильный ответ. Алеша обиженно ревет...

Готов ли к школе ребенок? Над этим вопросом задумываются в каждой семье. Но часто, как и родители Алеша, не знают, с чего начать. Подготовка сводится к эксплуатации детской памяти, способной вобрать в себя огромное количество слов, пусть даже и непонятных (так вот «учат считать» до ста и дальше).

Но как разумно подготовить ребенка к восприятию математики?

Основа основ математики — понятие числа. Поэтому прежде всего

давайте задумаемся, что означают слова «один», «пять», «тридцать два». Они означают, что рассматривается 1 какой-либо предмет (или 5 предметов, или 32 предмета). Это может быть 1 трактор или 1 яблоко, 5 вагонов или 5 человек. Важно только, что указано сколько предметов рассматривается.

Известно, что человечество далеко не сразу научилось отделять числовую характеристику от всех других характеристик. Даже в настоящее время есть народы, в языке которых числа, обозначающие некоторые предметы, имеют особые названия. Например, «один», когда речь идет о крокодиле, обозначается одним словом, а «один», когда речь идет о человеке, — другим. Так вот, к тому времени, когда ребенок переступит порог школы, он должен проделать путь, на который человечеству понадобилось потратить многие тысячи лет. Задача родителей — помочь ему в этом, сделать так, чтобы в сознании ребенка числа связывались с какими угодно предметами.

Достичь этого можно, например, пересчитывая самые различные предметы. Никаких специальных занятий по пересчету организовывать не надо. «Уроки» могут проводиться по дороге в детский сад и кино, за столом и в процессе игры. Вот несколько типичных ситуаций:

«Давай посчитаем, сколько машин нам встретится».

«Сколько слов я сказал?»

«Сколько здесь кубиков?»

«Я буду называть числа, а ты игрушки, которых ровно столько же».

«У тебя сколько кукол? Пять? Сколько надо испечь пирогов, чтобы каждой досталось по пирогу? Тоже пять? Молодец! Неки пироги, только, когда их будешь считать, не сбейся».

«Принеси три глубокие и две мелкие тарелки. Сосчитай, сколько всего тарелок на столе».

«Прошлый раз мы сосчитали, что по дороге в детский сад надо пройти мимо шести домов. Мимо двух мы уже прошли. Сколько домов до детского сада?»

В общем, возможность пересчитать что-либо подвывается ежесекундно. Да и не только пересчитать предметы — здесь подготавливается еще понимание сложения и вычитания.

Еще один «источник» выработки понятия числа у дошкольников — измерения с помощью единичных отрезков — мерок.

Мерки или мерные палочки могут быть изготовлены из любого материала. Набор может включать

от двух до десяти палочек. Одна палочка — единичная. Остальные — в два, три, четыре — до десяти раз длиннее.

Сначала пусть ребенок научится определять длину заранее начерченных или указанных ему отрезков, считая единичной любую палочку набора. Измерения производятся следующим образом. Ребенок прикладывает палочку к отрезку, отмечает карандашом или замечает точку, в которую попадает конец приложенного отрезка, и прикладывает отрезок снова концом к точке. Число, показывающее, сколько раз палочка отложилась на отрезке, и есть длина отрезка. Чтобы удобнее было различать отрезки, их можно покрасить в разные цвета. В этом случае ребенок может называть результат, например, так: длина листа равна двум, если мерить красной палочкой; шести, если мерить белой и т. д. Здесь же ребенок научится устанавливать, сколько раз одна палочка откладывается на другой.

Второй этап — измерение короткой палочкой и подсчет, сколько в указанном отрезке уложится более длинных палочек. Например, когда ребенок уже твердо знает, что на синей палочке белая укладывается три раза, можно предложить измерить начерченный на бумаге отрезок белой палочкой, отмечая карандашом концы отрезка, а затем предложить, не выполняя дополнительных измерений, узнать, сколько в том же отрезке можно уложить синих палочек. Задача может оказаться слишком сложной. В этом случае взрослый может помочь дополнительными вопросами:

«Если наложить синюю палочку, где будет ее конец?» (Ребенок должен показать третье деление. Если же он затрудняется это сделать, надо действительно приложить синюю палочку и еще раз обратить внимание, что белая на ней укладывается три раза).

«Если второй раз приложить синюю палочку, где будет ее конец?» «Где будет конец синей палочки, если приложить ее четыре раза?»

В случае, когда и эти дополнительные вопросы не помогают, можно предложить найти длину, воспользовавшись непосредственно синей палочкой и отмечая положение концов цветным карандашом прямо на отрезке, расчлененном на части белой палочкой.

Описанная работа не только наполняет реальным смыслом слова «один», «два» и т. д., но и подготавливает знакомство с принципом десятичности.

Хотя такая работа требует и специального времени, и специальной

подготовки (набор палочек), это вовсе не означает, что с ребенком должны быть организованы учебные занятия. Измерения должны стать игрой. Например, ребенку можно сказать, что самая маленькая палочка — шаг Мальчика с пальчик, а самая большая — шаг великана, и предложить узнать, сколько шагов надо сделать тому и другому, чтобы пройти указанный путь. Можно придумывать целые сказочные сюжеты-задания, в ходе которых ребенок будет делать измерения и докладывать взрослому о результатах. Например: «Великан гонится за Мальчиком с пальчик по дороге. Мальчик успел уже сделать 40 шагов. Успеет ли он спрятаться в крепости? За сколько шагов великан может пройти этот путь? Успеет ли великан догнать Мальчика?»

В ходе пересчета предметов и измерений у ребенка должны быть сформированы такие понятия, как больше — меньше, длиннее — короче, шире — уже, выше — ниже, старше — младше, дальше — ближе, толще — тоньше.

Вот несколько примеров, помогающих понять, как можно сообщить ребенку о количественных и качественных соотношениях.

По дороге в детский сад остановка между двумя домами, девятиэтажным и пятиэтажным:

«Какой дом выше? А у какого дома больше этажей? Правильно, у этого дома 9 этажей, а у этого только 5. Значит, этот ниже». (Тот же разговор можно вести к тому, что у одного дома больше этажей, целых 9, а у другого меньше, всего 5).

Короткая остановка во время прогулки:

«Вот сломанные ветки. Какая длиннее? Правильно, эта. А почему? Не знаешь? Посмотри, а их воткну в землю рядом. Здесь место осталось. Значит, эта короче, а та длиннее. А какая дорога короче? Почему ты так считаешь?»

После встречи с соседским мальчиком:

«Как, по-твоему, кто старше, ты или Петя? Правильно, Петя младше, ему всего 4 года, а тебе уже 7».

После того как установлено, что длина одной «дороги» 7 белых мерок, другой — 8 тех же мерок:

«Волк бежал к бабушкиному дому по этой дороге, а Красная Шапочка шла по этой. Кому было дальше идти? Почему ты считаешь, что волку было ближе?»

Важно, чтобы ребенок научился сравнивать одни и те же предметы по разным признакам: высоте, толщине, вместимости.

На столе стоит чашка и стакан:

«Что выше, чашка или стакан?»
«У чашки или у стакана верхняя часть уже?»

«Куда больше войдет воды, в чашку или в стакан?»

Полезно сравнивать предметы вначале на глаз, а затем проверять правильность своих выводов. Например, сравнив ширину чашки и стакана, потом приложить чашку к стакану; сравнив вместимость чашки и стакана, налить в один из сосудов воду и перелить в другой. Часто оказывается, что глазомер подводит детей. Взрослые должны понимать, что это естественно, вызвано недостатком жизненного опыта, и потому ругать и стыдить детей за ошибки ни в коем случае нельзя.

Сравнивать объекты по какому-либо признаку, например вместимость чашки и стакана, не обязательно непосредственно. Вместо того чтобы переливать воду из одного сосуда в другой или сравнивать длины отрезков непосредственно наложением, можно выбрать какую-либо общую мерку и с ее помощью выполнить измерения. Например, можно посчитать, сколько в каждый из сосудов вмещается больших ложек (или кукольных чашечек).

Работа эта, как видите, не требует никаких специальных знаний. Она под силу любой семье, в которой считают, что ребенка к школе нужно готовить. Суть такой работы сводится не к опережающему изучению программы 1-го класса, а к углублению тех знаний, которые нужны каждому ребенку, поступающему в школу.

**М. ВОЛОВИЧ,
Л. КОВИНЬКО,**

научные сотрудники
Института школьного оборудования
и технических средств обучения
АПН СССР

у нас во дворе

ОТ КОМНАТЫ ДО КОМПЛЕКСА

Ребята всегда любили свою «комнату школьника» имени Ю. Гагарина при жэке № 5. Можно прийти сюда поиграть в настольный теннис, шашки, шахматы. Есть кружки выпиливания, выжигания, художественной самодельности, кукольный...

Но вот несколько лет назад частыми гостями здесь стали молодые учителя и пионервожатые соседних школ. Вместе с воспитателем жэка и родительским комитетом затеяли немало интересных краеведческих дел: знакомство в выходные дни с историческими местами родного города, многодневные походы по области в каникулы. Наметили и путешествия по ленинским местам, по партизанским тропам Крыма, Карпат, Белоруссии.

К серьезным походам — серьезная подготовка. Ребята овладевали туристской техникой, спортивным ориентированием, знакомились с литературой и фильмами «по теме». Деньги для походов зарабатывали сами, от-

правляясь в выходные дни на молокозавод.

Вот как готовились к лыжно-му походу по партизанским тропам С. А. Ковпака. Разбились на группы — каждая имела свое задание (собрать материалы о военных действиях на Украине, о партизанском движении, наладить переписку с музеем в Яремче, со школами). Ребята читали книги С. А. Ковпака и П. П. Вершигоры, собирали вырезки, картины, посвященные партизанскому движению, разыскивали его участников.

Мы беспокоились даже, не обеднит ли такая солидная подготовка живых впечатлений от увиденного в походе. Но ребята с интересом слушали рассказы экскурсоводов и местных жителей, делали записи, фотографировали. Каждый вел личный дневник. Поход закончился у могилы комиссара Руднева за селом Заречье. Хвойные венки, минута молчания... Надолго осталось это в памяти всех ребят.

Прошло уже более восьмидесяти «походов выходного дня», девять походов по партизанским тропам Белоруссии и Крыма, по местам боевых сражений за Киев, Одессу, Брест. После каждого многодневного путешествия — отчетный вечер-концерт. Народу на нем всегда много — приходят родители, учителя, ветераны войны. Они не только слушают детей, но и сами рассказывают.

Популярность «комнаты школьника» росла и росла. Нужно было расширять детские «владения». Помещение дали. Сил в его переоборудование вложить пришлось, конечно, немало — и ребятам, и родителям. Зато теперь у нас целый комплекс «Юность». Большое помещение с залами, раздевалками, душевыми. Отдельные комнаты у туристов, шахматистов, любителей настольного тенниса. Секция атлетической гимнастики располагает залом со всеми необходимыми снарядами. Своими силами сооружен стадион с футбольным полем, беговыми дорожками, волейбольными площадками. Занятия ведут учителя и родители-общественники.

В микрорайоне около полутора тысяч детей школьного возраста. Треть из них регулярно бывает в «Юности».

М. ЯМНИЦКИЙ,
учитель 39-й восьмилетней школы
г. Запорожье

Эта милая речка

Как-то я прочитал очерк Василия Пескова. Он писал про речку, на которой вырос. И мне тоже захотелось написать про «речку моего детства».

Река Судость мало чем отличается от сотен других небольших речек. Но для меня Судость — главная река. С нее началось мое познание мира. С ней связаны детство и юность. Извилистая тропинка на росистом лугу, зеркальная гладь воды и сумрачная стена соснового бора на другом берегу — эта картина на всю жизнь врезалась в память.

Сейчас я вместе с семьей живу во Львове. Здесь нет речки. Но мне хочется, чтобы мой сын прочувствовал и пережил все то, что испытал когда-то я в детстве. Поэтому каждое лето мы все вместе приезжаем на Судость наслаждаться неповторимой красотой тихих берегов, слушать ласковый шепот воды в жаркий летний день.

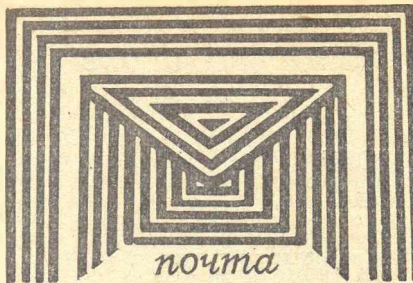
— Папа, а почему реку называли Судость? — интересуется сын.

Я и сам не раз задумывался над этим. То ли заходили в старицу сюда суда с самого Черного моря, поднимаясь по Днепру и Десне, то ли просто собирались люди на берегу, как говорится, судить да рядить? А может, река сама была судьей?..

— Знаете, откуда начинается Судость? У села Пясочна из небольшого ручейка вытекает. Несет свои воды через всю Брянскую область, а потом возле города Белая Березка сливается с Десной. А слышали ли вы про такие города: Погар, Гремяч, Почеп, Жирятино, Липенка, Курово, Посудищи? Всех их река Судость объединяет.

...У родной реки я снова становлюсь беззаботным деревенским мальчишкой. Река проверяла нас на смелость и выносливость, закаляла характер. Крутой берег всегда манил смельчаков. На первых порах мы осваивали прыжки «солдатиком»: вертикально, ногами в воду. А потом пробовали прыгать вниз головой. Сначала острый страх пересиливал, и мы, поднимая столб брызг, плюхались в воду плашмя, изрядно отбивая животы. Но все равно поднимались на «вышку» и к концу лета прыгали уже по всем правилам.

Осенью долгие часы мы тоже проводили на реке. Шел желтый дождь. Склонившиеся над самой водой плакучие ивы, кражистые вяза, стройные тополя и ветвистые липы роня-

ли листья. В ясный погожий день под лучами осеннего солнца река как бы вспыхивала багряными кострами. Крутясь в водоворотах, листья медленно и величаво плыли вниз по течению. Пораженные и очарованные, мы, мальчишки, впервые приобщались к великому таинству красоты.

А потом приходила зима — снежная, холодная, с завыванием пурги и трескучими морозами. Они заточали реку в ледовый панцирь. Но и зима имела свои прелести. Целыми днями носились мы на коньках по чистому голубоватому льду. И снова наступали радостные безмятежные дни, проведенные на реке и именуемые счастливым детством.

...Прошли годы. Много сменилось на земле зим и весен, много воды утекло в реке Судость. За это время я изрядно поколесил по земному шару. Видел Днепр и Дунай, Днестр и Вислу, Неву и Волгу. И понял я, что река Судость не такая уж большая и могучая, как казалось мне когда-то. Но это не изменило моего отношения к ней. Напротив, с годами она стала мне еще ближе, еще дороже, как лучший друг детства.

Мне хочется, чтобы и сын тоже полюбил эту милую речку.

Е. БУЛАВИН,
ревизор по безопасности движения
г. Львов

вредная жалость

Слушается дело о разводе. Перед судьей стоят супруги, прожившие вместе три года. Высокий, стройный молодой человек отвечает на вопросы о причине развода. Валентина оказалась плохой хозяйкой. В доме грязь, беспорядок, а она демонстративно брала книгу и усаживалась на диван. Нет, он вовсе не считает, что жена должна его обслуживать. Сам мыл посуду, наводил порядок. Но всегда только он один. Вечером Валентина

уходила либо в кино, либо к подругам. Дмитрий возвращался после занятий в вечернем институте поздно, а дома даже еды не было. Пытался говорить с женой, но она только твердила: «Я у мамы дома ничего не делала, делать не умею и не буду. Не для того выходила замуж».

Но разве труд для общего семейного блага и то моральное удовлетворение, которое испытывает при этом каждый, не есть то хорошее, что дает семья. Ведь именно неумение трудиться как раз и лишило Валентину радостной и счастливой жизни.

Мне часто приходится бывать со старшеклассниками в походах. И здесь сталкиваешься с тем, что многие девочки, не говоря уже о ребятах, абсолютно не умеют хозяйничать. Даже не могут приготовить суп или щи из мясных консервов. Не знают, как варить кашу, то в холодную воду насыпят манку, а то бухнут столько крупы, что ложка не проходит. Я уже не говорю о более сложных блюдах. И все потому, что никогда не приходилось этим заниматься дома, так как «мама сама готовит». Выяснилось, что только немногие выполняют различные хозяйственные поручения: моют полы, стирают, покупают продукты.

Думаю, что детям не только полезно выполнять трудовые обязанности по дому, но и участвовать в обсуждении финансовых расходов семьи на неделю, месяц. На таком «семейном совете» они узнают и о семейном доходе, и о стоимости вещей. Ведь расчетливо вести хозяйство тоже надо уметь.

А почему бы не поручить младшим членам семьи составлять меню с учетом необходимых наборов продуктов и их стоимости?

Я знал одну семью, где двое детей: девочка одиннадцати лет и мальчик девяти. Так они наравне со взрослыми несут вахту. Вахтенный встает раньше остальных, готовит завтрак, подает к столу, моет посуду. Брат и сестра всегда помогают матери и отцу и в больших работах: стирке, ремонте мебели.

Правы родители, которые с ранних лет возлагают на детей определенные обязанности. Откладывать на шестнадцатилетие подростка лет нельзя, так как подростки уже привыкли быть иждивенцами. Они только требуют и ничего не хотят давать взамен. От этого страдают не только родители. Но и сами взрослые дети, когда начинают жить самостоятельно. Счастливой и дружной семьи не выходит.

И. МОРЕВ
Ленинград

платья для кукол

Мать ученицы восьмого класса пожаловалась мне:

— Дочь у меня и в кино почти не ходит. Я в ее возрасте замуж готовилась, а она с куклами возится. С чего бы это?

Я знал, что девочка учится слабо, замкнута, подруг избегает. Про куклы услышал впервые. Поговорив с ученицей, попросил разрешения прийти домой и посмотреть ее куклы.

— Кто куклам шьет платья? — спросил я.

— Сама.

— Я вам не все сказала, — вмешалась мать, — она одевает этих кукол, даже выпрашивает у соседки лоскутки. Соседка — портниха — еще потакает, говорит: «Талант!» Доберусь, спалю в печке эти тряпки, — раздраженно заключила мать.

Девочка заплакала. А в моих ушах звучало: «Талант!»

Оказалось, девочка любит шить, мать же ничего не поняла. Внушила дочери, что она не такая, как все, вот и причина замкнутости.

— Почему учительница заставляет мою Крошечку мыть пол? — спросила меня одна родительница. — У нее и так слабое здоровье.

Речь шла о шестикласснице. Знал я ее хорошо. В классе она была выше и сильнее всех. Мать же называла ее Крошечкой. Так это прозвище и утвердилось за ней в классе.

— Ваша дочь совершенно здорова, — убеждал я мать.

— Что вы, что вы! Я лучше сама буду за нее мыть пол в классе.

— Но ведь вы читаете ее достаточно взрослой, когда позволяете ходить с накрашенными ногтями.

— Двадцатый век, — улыбнулась мать.

— Век-то двадцатый, но что будет делать в нем ваша дочь?

— Не знаю, еще рано об этом думать, — сказала мать.

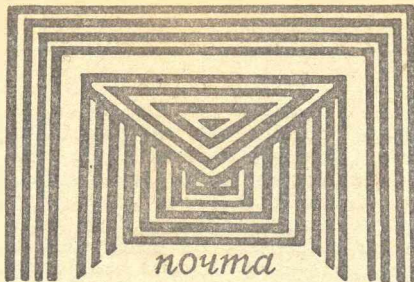
Сама же девочка относилась к этому иначе. На вопрос, кем ты хочешь стать, Крошечка весело ответила:

— Колдуньей.

— Ко-о-олдуньей? — удивилась мать. — Какой еще колдуньей?

— Как какой? Ты же сама говорила, что у меня глаза большие и черные, как у колдуньи. Я уже у бабушки научилась маленько колдовать.

— Колдуньей? — спросил я осторожно. — Ну, расскажи, что ты научилась колдовать.

— Вот, к примеру, у вас болит зуб. Мы с вами выходим на улицу, когда на небе только родился молодой месяц, и я вам заговариваю зубы, чтобы они прошли.

— Что ты любишь больше, чем колдовство? — поинтересовался я.

— Коров, — и, помолчав, шестиклассница добавила. — Но мама не разрешает мне ходить на ферму к тетей Нюрой и помогать ей доить коров. Мама говорит, что это позорная работа. А мне коровы нравятся.

...Мне часто приходится бывать в одной семье. Мальчику всего шесть лет, а он всю возится с молотком.

— Плотником станешь? — спросил я, когда мы только познакомились.

— Кузнецом я буду, — ответил мальчик. — Папа мой кузнец, и я буду кузнецом. — Он ударил по железке. — А это я стал проверять. Звонит — хорошая, а не звонит — плохая. Так говорил папа. Сейчас сделаю подкову и буду ковать коняшку, как папа в кузнице.

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы каждый родитель учил ребенка именно своему делу. Тут другое важно — похвала, внимательное отношение к интересам ребенка. Именно они помогают утвердиться в призвании. Вот почему одной маме я посоветовал обязательно побывать на ферме. А другой — пойти в магазин, купить для дочери материи разной, ниток, иголок. Кстати, теперь эта девушка — лучшая портниха у нас на селе.

П. ДЕТКОВ,
директор школы
село Кочковатое
Одесской области

рука на плече товарища

С самой войны, с эвакуации я живу на Алтае. И хотя родилась в Ленинграде, эти места стали близкими сердцу, любимыми. Здесь я живу, учу ребят, хожу с ними в походы. Как красив Алтай! Вернешься

в город, но еще долго слышится грохот бурной горной Катунь или стелются перед глазами бескрайние долины, синют гребни дальних гор. А разве можно забыть Телецкое озеро и его водопады!

Мне кажется, что и на душе самого «нечуткого мальчишки» становится трепетно и радостно. Прибавились новые краски в представлении о том великом и близком, прекрасном и простом, что зовется Отчиной, родным краем.

Но природа не только дает, она и требует от человека воли, мужества, выносливости. Эти свойства трудно пробудить в подростке только словами. Нужна тренировка, тренировка через трудности. А где их взять городскому школьнику, который бесхлопотно пользуется удобствами благоустроенных квартир? Вот почему еще я за походы!

Вспоминается такой случай. Небольшой отряд туристов-старшеклассников преодолевает горный перевал. Не переставая идет мелкий дождь. Мы промокли до нитки. Ноги скользят по травянистой тропе, за плечами тяжелые рюкзаки. И вдруг по ту сторону перевала нас неожиданно окутывает плотный туман. Ничего не видно. Инструктор передает команду положить руку на плечо идущего впереди. Выясняется, что мы сбились с пути. Сколько надо проявить выдержки, смелости, веры в товарищей, чтобы сохранить самообладание, не удариться в панику! И как же радуется сердце педагога то, что порой равнодушный к жизни класса Валерий сейчас самоотверженно жертвует девочкам свое оставшееся сухим одеяло, а лентий и лежебока Миша озорливее других разжигает костер и ставит палатку. И таких примеров масса.

Нет, неизвестно, нам, взрослым, каким человеком растет сын или дочь, пока они лицом к лицу не столкнутся с трудностями. В них закаляется характер. Вот почему я благодарна тем родителям, которые вместе с нами делили и радости, и тяготы походной жизни, были рядом с ребятами. Это библиотечка Светлана Константиновна Чурина, кинемеханик Галина Алексеевна Селиверстова, слесарь Геннадий Васильевич Титов.

Ярко запоминаются ребятам летние маршруты. Потом в школе они чувствуют себя единой семьей, сплоченной общими трудностями, радостями, воспоминаниями, больше дорожат друг другом, гордятся интересной жизнью своего класса. Ради всего этого не жалко ни времени, ни сил.

И. КОВЕРДЯЕВА
г. Бийск

на острую
тему

**рюмка?
две?
ни одной!**

Раньше мы не сталкивались с особыми трудностями в воспитании сына. А вот в десятом классе появились серьезные проблемы. В день рождения сына у нас дома собралось восемь одноклассников, мальчики и девочки. На столе обычное угощение и бутылка сухого вина. Показывали диапозитивы — сын снимал всякие забавные школьные моменты.

Но вот сын пошел на день рождения к товарищу, возвращается, чувствую сильный запах вина. Начала расспрашивать, оказывается, на десять школьников родители приготовили восемь бутылок вина. Разве одной бутылки сухого вина недостаточно?

Учеников в классе много, и каждый месяц, а то и чаще, сын отправляется на очередной день рождения. Мне совершенно не хочется запрещать ему встречаться с товарищами, но каждый раз я волнуюсь и думаю, что такая привычка к выпивке по поводу дня рождения может привести к другой привычке — потребности в алкоголе.

На родительском собрании пыталась поговорить с родителями и в ответ услышала: «Лучше пусть при нас выпьют, чем в подворотне. Все равно через два года они станут совершеннолетними и будут делать все, что захотят».

Муж старался убедить сына, что можно иначе веселиться, потанцевать, спеть, приводил в пример нашу семью. Но получил ответ: «Все другие родители, исключая тебя и маму, никогда не возражают. Вы люди другого поколения, а вот Сашина мама говорит, что все пьют, и молодежь от этого хуже не стала». Что я могу на это возразить? Сказать, что родители неправы? Сравнение-то будет не в нашу пользу: получается, что неправы двадцать взрослых и только мы с отцом не погрешимы.

Правда, сын ни разу не пришел пьяным. Но ведь вред алкоголя не только в том, что человек шатается или буянит. Начав с малого, трудно остановиться. Я боюсь за сына. Но как уберечь его, если вокруг молодежных праздников с солидными запасами алкоголя царит атмосфера невозмутимого спокойствия, а иногда и просто поощрения со стороны взрослых!

Т. ПАВЛЕНКО
г. Кишинев

Тревогу матери, без сомнения, разделяют многие родители. Плохо это, плохо, когда ребята-школьники считают, что праздник без вина — не праздник, когда возвращаются домой навеселе. Да и тот факт, что родители других учеников оказались так «заботливы», тоже огорчителен. Что же делать?

Для начала попробуем разобраться в одном вопросе. Вы пишете: «В день рождения сына было обычное угощение и бутылка сухого вина...» И несколько ниже спрашиваете: «Разве одной бутылки вина на десяток школьников недостаточно?»

Конечно же, недостаточно! Рюмка вина едва ли доставила ребятам вкусовое удовольствие. Допинга для настроения тоже не получилось. А что получилось? Все было как положено за взрослым столом: разлили вино, провозгласили тост, чокнулись и выпили. Верно? Как ни говорите, но ведь это — символическая (по количеству) и настоящая (по форме) — выпивка. Значит, по одной рюмочке выпить можно, и в этом ничего страшного нет, а вот две и больше — это уже, простите, перебор, потворство дурным привычкам. В этом разница между вами и другими родителями? Но разве дозу спиртного можно лимитировать, установить шкалу: для подростков, юношей и взрослых; для женщин,

мужчин. Вы сами прекрасно понимаете, стоит только начать, потом захочется повторить, дальше — больше.

А теперь попробуйте встать на место вашего сына и посмотреть на «проблему выпивок» его глазами. Ведь вы поставили сына в трудное, даже в смешное положение перед товарищами. В день шестнадцатилетия разрешили выпить, но только чуть-чуть, потому что еще мал, не дорос. А такое отношение всегда больно бьет по самолюбию. Естественно, в компании он не хочет отстать от других.

У тех ваших «противников», что ставили ребятам «по восемь бутылок», цель была ясная: пусть пьют на наших глазах, так спокойнее. Это — неверная позиция, позиция слабости, но в основе ее лежит реальность: родители понимают, что уже утратили власть над детьми. А пока... пока стараются хоть как-то уберечь свои чада от соблазнов окружающей среды. Это не лучший выход из положения.

Вы сто раз правы, тревожась за сына, осуждая выпивки в среде молодежи. Но вся беда в том, что этих ваших взглядов, чувств сын не разделяет. Он принял сторону Сашиной мамы, которая утверждает, что все пьют и иначе нельзя. Оказывается, какая-то Сашина мама авторитет для сына, а родная мать — не в счет, «другое поколение».

Ах, как бывает горько услышать такое из детских любимых уст! А потом смотреть в полной беспомощности, как растет невидимая, но непреодолимая стена и делит теплый семейный дом надвое: по одну сторону взрослеющие, но чужие дети, по другую — стареющие родители.

И тут мы подходим к главному. Не покупать ребятам спиртного ни в какие праздники, конечно, это в наших возможностях. Но ведь дело

не только в той злополучной бутылке вина, которая появилась в день рождения на столе. Она даже могла быть, если бы вы были уверены в сыне. В конце концов он может и не пить дома. Ну а станет ли он вести себя достойно там, где власть родителей кончается? Ведь действительно, став совершеннолетними, дети будут делать все, что захотят. Захотят ли поступить хорошо?

Конечно, родители, которые поощряют, потворствуют выпивкам, поступают плохо. И с этим нельзя мириться. Но ведь согласитесь, рано или поздно может случиться, что сын встретится, скажем, при других обстоятельствах с таким пороком. Останется ли тверд в своих убеждениях, не пристрастится ли сам к вину, не сломает ли свою судьбу? Ведь именно это и волнует вас в первую очередь.

Слов нет. Для отца и матери нет горя горше, чем сын-выпивиха. Но думать над этим надо раньше, пока дети еще не стали взрослыми. Потом ни запреты, ни слезы уже не помогут.

Можно поверить, что ваша семья отличается благопристойностью. Но что противопоставили вы «противникам», чтобы сын и его друзья оказались на вашей стороне? Одну бутылку вина, разбавленного приятными моментами отдыха, вместо восьми. И только-то!

«Обязательные» выпивки на вечерах и вечеринках — это мода, требующая куда более серьезного отношения, чем многое другое, включая брюки-клеш и длинные волосы.

О борьбе с пьянством взрослых мы много говорим и пишем, кое-что делаем. А вот о профилактике ранних выпивок что-то забыли. Напрасно. Врачи справедливо утверждают, что для здоровья детей любой алкогольный напиток губителен. Выпивки в юном возрасте могут дать са-

мые неожиданные и печальные последствия, пагубно отразившись на физическом и нравственном здоровье молодого организма. Как этого избежать? Точного рецепта дать не могу. Но кое-что посоветовать можно. Почему бы не повести с ребятами разговор, вооружившись до зубов «противоалкогольными» знаниями, — перечитав всю возможную литературу, поговорив предварительно с учителями и врачами, работниками детской комнаты милиции. Кстати, они сами тоже могут прийти в школу, в класс. Если вы сумеете подойти к ребятам, а не станете их только попрекать и ставить в пример свою добродетельную трезвость, со временем они станут вашими сторонниками.

А почему бы старшим ребятам не поручить шефство над младшим школьником, у которого отец-пьяница? Можно вечерами проводить рейды по дворам, помогать детскому работнику милиции или, скажем, выпускать научно-популярный журнал. Многого можно сделать. Формы работы могут быть самыми разными. Но обязательно интересными.

— Немыслимо, — скажете вы. — По силам ли это одному человеку?

А одному и не надо. Есть родительский комитет, и всегда найдутся люди, которые поддержат вас.

Ребята сами должны увидеть, откуда идет пьянство, какое это зло, сколько горя оно несет людям, какие убытки терпит от него общество. Только такая «наука» пойдет им на пользу и сформирует соответствующие убеждения.

Главное не надо бояться: в школе, и — ах, какие ужасы! — показывают изнанку жизни. От жизни ребят все равно не спрячешь. Да и нельзя этого делать. Наша задача — воспитать у них сопротивление злу. Любому, и пьянству в том числе.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

ВИШНЕВЫЙ САД

Когда наша беседа с Валерией Викторовной уже подходила к концу, мы на всякий случай поинтересовались:

— А почему бы вашему Толе не ходить в парк? Это ведь совсем недалеко... Да и детский стадион тоже рядом...

Разумеется, мы понимали, что наша собеседница может с полным основанием сказать, мол, стадион стадион, но если ребенку хочется поиграть в салочки или прятки, то для таких игр годится только двор.

Но Валерия Викторовна говорит о другом:

— Матери нелегко отпустить сынишку в парк. Мне нужно выглянуть в окно и сразу его увидать!

И, словно желая разглядеть играющего во дворе сына Валерии Викторовны, мы смотрим в окно. Но двор пуст. Никто не нарушает строгую парадность дорожек. Никто не прячется за стволами раскидистых яблонь и не выслеживает бабочку на цветке. Никто не прислоняется к узорному штакетнику, ограждающему многочисленные вишневые деревья. Выхрастый второклассник Толя все-таки убежал в парк. Не видно и других ребят. И весь этот аккуратный сад с его четкой планировкой и завидной ухоженностью напоминает хорошо вырисованные декорации. Красиво, чисто и пустынно.

Жильцы дома № 9 по Обуховской улице гордятся своим двором.

— Такого красивого двора, как у нас, нет нигде по соседству, — говорит пенсионер Иван Петрович Тарасов. — Да, пожалуй, и не только по соседству...

— Вот приехали бы вы, когда вишня цветет, — добавляет его жена Прасковья Степановна. — Такой вокруг дух, что прямо не надышишься. За город ехать не надо...

Ирина Андреевна Сибирцева, техник-смотритель жэка, тоже не радуется:

— Раньше строительный мусор свален был. А теперь, сами видите... На славу поработали здесь жильцы. Особенно Тарасовы. Они и сейчас больше всех с садом возятся... За этот двор у меня никогда голова не болит. Тут и прибрано, и цветы высажены, и вообще порядок...

— Уж лучше была бы щебенка, — без тени сомнения высказывается пятнадцатилетний Илья Орлов.

В письме инженера Валерии Викторовны Филипповой, которое привело нас в чудесный вишневый сад, есть такие строчки: «Может быть, вообще не стоило сажать в нашем дворе и вишни и яблони. Может

быть, тогда легче бы дышалось здесь детям». Вот те и раз! Казалось бы, хорошо, что дети играют не в пыли! Играют? Валерия Викторовна показывает карикатуру в газете: стоят среди цветочных клумб и огородных грядок вооруженные до зубов деревянным оружием мальчишки и недоумевают: куда им теперь отправиться? И в своем письме Валерия Викторовна сетовала на то, что двор превращается в эдакий фруктовый заповедник, где за деревьями не видно уже детей.

Выходит, не так все просто.

Попробуем же разобраться в споре, который возник вокруг вишневого сада во дворе.

За штакетником, отделяющим вишенки от последних метров еще не поднятой целины, есть свои ограждения, разбивающие сад на несколько участков. Постороннему взгляду это абсолютно незаметно, но жильцы отлично ориентируются в невидимых границах. Вишни в саду закреплены за теми, кто их посадил. Эти-то садоводы и ухаживают за деревьями и собирают с них урожай. От четвертой вишни, возле угла гаража, до пятнадцатой, скромно примостившейся у грядки с огурцами, разбитой на месте бывшей песочницы, протянулся участок Тарасовых. Это самый большой и образцовый участок. Кроме Тарасовых совладельцами вишневого сада являются еще три семьи. «И вот, — пишет В. Филиппова, — сидит целыми днями на единственной скамейке старожил нашего дома Прасковья Степановна Тарасова и смотрит, чтобы ребята, и такие, как Илья Орлов, и такие, как мой Толя, упали бже, не подошли к дереву. Ей все кажется, что ребята обязательно чего-нибудь сломают, а то и вообще польстятся на чужие ягоды. Вот и получается, что с тех пор, как в нашем дворе появились деревья, детям прохода нет».

Вообще-то, всякому очевидно, когда во двор приходят деревья, кусты, клумбы, то детям вряд ли становится просторней. Точнее, как признался в разговоре с нами техник-смотритель Сибирцева, «даже совсем наоборот». А когда чуть ли не каждый корень в саду безоговорочно закреплен за переполненным амбицией соседом, то как-то неловко и неуверенно начинают чувствовать себя во дворе и взрослые.

Так, может быть, все очень просто? И действительно весь вопрос в том, чтобы оформить, наконец, всем жильцам дома полный допуск к деревьям? Может быть, и впрямь тогда перестанут чувствовать себя незваными гостями во дворе и Ва-

лерия Викторовна Филиппова, и ее муж, и родители Илья Орлова, и все те, у кого не числится за штакетником даже самого хилого ростка? А уж если восстановить еще и небольшую детскую площадку, оккупированную сейчас грядками с огурцами, то, наверное, совсем хорошо заживут во дворе и дети?.. Скамеечка, на которой основала свой наблюдательный пункт бабушка Тарасова, сегодня пуста. И присаживаясь на нее, мы тоже получаем возможность спокойно понаблюдать за жизнью двора. Мы видим, как, опасливо оглядываясь, возвращается из парка Толя Филиппов, как, с независимой дерзостью помахивая книгами, спешит домой Илья Орлов, как, осторожно объезжая стоящую посреди двора яблоню, направляет к подъезду детскую коляску какая-то женщина.

Бежевая «Волга», нарушив тишину двора отрывистым гудком, тоже аккуратно отгибает яблоню и замирает у подъезда. Высокая пожилая женщина в светлом, под масть машины, джерсовом костюме, с сумкой через плечо, не спеша, с достоинством ступает на асфальт. И через несколько минут мы уже беседуем с ней у нее дома, в уютной квартире на первом этаже.

— Двадцать годков мы уже с Иваном Петровичем в этом дворе проживаем, — рассказывает хозяйка квартиры, вынимая из своей огромной сумки с яркой надписью «АЭРОФЛОТ» кефир и бутылку с подсолнечным маслом. — Первый этаж у нас, отсюда все видно. Раньше у нас какие дети были? Уважительные. Бывало, пострадаешь: сейчас, значит, в милицию сдам. Враз уgomонятся! А нынче что? Никакого сладу нет. То мяч футболили, теперь, слава богу, сад появился, не разбегаешься. Говорят, мне ягод жалко! Что мне ягоды! Мне во дворе порядок подавай! Ведь пишут: не проходите мимо! Зачем же тогда писать?

Мы не будем здесь приводить дословно весь разговор с владелицей вишневого сада. Прасковья Степановна Тарасова одинаково плохо охарактеризовала нам почти всех беспаспортных жильцов дома от трех до шестнадцати лет. И ни один из них, даже воспитанник младшей группы детского сада Вова Божко, не удостоился от нее маломальского приличного отзыва. Поистине, на своем наблюдательном пункте во дворе Тарасова чувствует себя не иначе, как окруженной целой ордой профессиональных хулиганов. Правда, она уже понимает, что порой дети, ломая ветки и срывая ягоды, делают это просто в ответ на ее «профилактические»

окрики и замечания. Как выражается она сама, на зло ей. Но над этим Прасковья Степановна как-то не задумывается.

На шкафу у Прасковьи Степановны, прислонившись к большому фарфоровому мопсу, стоят бутылки с вишневой наливкой. Когда поспевают вишня, бабушка Тарасова встает в четыре часа утра, чтобы, укрывшись от посторонних взглядов, спокойно вынести в сад стремянку и собирать урожай. Конечно, мы верим Прасковье Степановне, что ей дорог не лишний стакан вишен, а порядок во дворе. Однако думается, что пыл, с которым охраняет она зеленые насаждения, значительно поостыл бы, если бы были сняты невидимые ограды, раздробившие вишневый сад. И все-таки... Впрочем, прежде чем продолжать разговор, два небольших примера.

Ведь озеленяется не только двор дома № 9. Но в других домах почему-то не возникает конфликтов. Мы поинтересовались, что делается там, для того чтобы сад не тяготил, а радовал детей да и дети не вредили, а помогали саду.

— Ну что делается? — проводив очередного посетителя, отвечает на наш вопрос секретарь райисполкома Серафима Семеновна Савченко. — Возьмем хотя бы наш двор. У нас тоже фруктовый сад, но недоразумений нет. Поспел, скажем, черешня — собираемся все вместе, расставляем столы, устраиваем для ребят Праздник урожая. Печем пироги, покупаем конфеты. Меня вот последний раз за лимонадом командировали. Целую корзину принесла.... Или вот, к примеру, еще сад в другом дворе. Да, пожалуй, даже уже и не сад, а целый опытный участок. И не мудрено. Ведь тут уж который год кружок юннатов работает.

Мы пошли по этим адресам. И в глаза бросилось, что взрослые вместе с детьми заботились о саде, хотя там, где жила Серафима Семеновна, деревья тоже были закреплены за отдельными жильцами. И все-таки двор был общим достоянием. Дело не только в том, что здесь была общая радость праздника урожая, здесь и в будни умели думать обо всех. Думать не только о том, чтобы в саду был порядок, а чтобы во дворе все вместе и каждый чувствовал себя домашнему, просто и свободно. Догоняя друг друга, мимо пронеслась шумная ватага ребятишек: «Палочка-выручалочка, выручи меня!» Разве можно представить детство без этого?

Но вернемся снова на Обужовскую. Конечно, здесь тоже могут

появиться юннаты и можно отметить праздник урожая, но, прежде чем поставить во дворе большой праздничный стол, жильцам дома № 9 просто необходимо сойтись за круглым столом переговоров, сойтись для того, чтобы во многом разобраться, о многом подумать. Пока во дворе идет «холодная война». Каждая из сторон стремится доказать свою правоту. И когда тот же Толя слышит, как бабушка Тарасова называет его мать кляузницей, он не может оставаться к этому равнодушным. Те невидимые ограждения, которые отделяют друг от друга участки с вишнями, существуют и между жильцами: разобщенность и отчужденность друг от друга. Поэтому тесно ребятам. Плохо им в такой обстановке, и они бегут со двора.

В доме с вишневым садом восемнадцать квартир. Деревья закреплены всего лишь за четырьмя семьями. Но многие, очень многие жильцы дома вовсе не спешат прислушаться к Филипповой и поддержать ее.

— Начиталась газет и журналов, вот и изобретает, выдумывает сама не знает чего, — говорит о Филипповой техник-смотритель Ирина Андреевна Сибирцева. — Лишь бы свое «я» показать.

Но ведь на глазах у всех, не прячась от посторонних взглядов, занимает свой пост на лавочке бабушка Тарасова, чтобы покричать на детей и угрожать им. Так трудно ли понять: что-то во дворе все-таки надо бы изменить?

— Прасковья, знаю, не без греха. И пошуметь люблю, и своего не упустит, — рассказывает нам одна из жительниц дома — Антонина Андриановна Пучкова. — Однако выйдешь во двор, про работу спросит, про здоровье осведомится. Словом, не смотрит поверх тебя. А Филипповы или вот Орловы, что ж... Люди они образованные, спокойные, худого не скажешь. Но вот какие-то они нам незнакомые, равно не вместе, не в одном дворе живем. Или о себе много думают, или сердятся?.. Вот слышишь иной раз: не проходите мимо. Мимо бандита или хулигана, конечно, не пройдешь. Но если просто обычный человек, почему тогда не подойти, не спросить: как дела, Андриановна, как внуки?

Что отстаивает Филиппова: свою гордость или интересы ребят? О чем она думает? Ведь не о себе, а о детях, и не об одном своем Толе, а обо всех ребятах дома. И хочет чтобы у детей не только появилось место под сенью деревьев для игр и встреч, но чтобы не осталось места во дворе окрику, чтобы

исчезло то отношение к ребенку, при котором он всегда на подозрении, всегда мешает.

Но в одиночку изменить что-либо действительно трудно. Конечно, двор нельзя сравнивать с производственным коллективом, где существуют твердые, сложившиеся нормы человеческих отношений. Но ведь это и не улица, где редко заметишь в толпе прохожих знакомое лицо. Никто, разумеется, не станет советовать Валерии Викторовне обязательно коротать время на скамеечке, чтобы добиться взаимопонимания с ее завсегдатаями. Так уж случилось, что вместе живут разные люди. Однако ведь вместе. Значит, надо, чтобы тебя они поняли. Не замечать их значит отказаться и от помощи, поддержки.

Все меньше и меньше становится у нас коммунальных квартир. Люди переселяются в новые дома, в отдельные квартиры. Но дворы-то все равно остаются общими. Каждый с своим особенным, с присущим только ему микроклиматом. И все-таки, чем бы ни выделялся двор — цветами, садом ли, спортивной площадкой, детство в нем не будет солнечным, если взрослые не сумеют вычеркнуть из своих отношений недоверие, взаимную неприязнь, отчужденность. В вишневом саду дома № 9 дружат пока только дети. Жаль, что взрослые до сих пор так и не последовали их примеру...

**Б. АНИН,
М. КАШАЕВ,**
специальные корреспонденты
«Семьи и школы»
г. Воронеж — Москва

наши права,
наши обязанности

не дожидаясь жестокого толчка

Григорий МЕДЫНСКИЙ

Отдел ведет
член коллегии
Министерства
внутренних дел
СССР,
доктор юридических наук
профессор
И. И. КАРПЕЦ

Давно я пишу, а еще больше думаю о том, что нас всех так беспокоит, — о трудных детях, о трудных семьях, о трудных судьбах и целом клубке трудных проблем, с которыми все это связано. Часто я давал себе зарок: хватит, сколько же можно, но снова брался за ту же ручку, за ту же тему, за те же, не дающие покоя, больные вопросы. Так и теперь! Куда же уйдешь от писем, где спрашивают: как спасти сына? Чем помочь ему, если он попал в колонию?

В другом такая же просьба, и в десятом. Ну, а как протянешь руку помощи и туда, и сюда, в случаях всегда разных, всегда особенных, с разными людьми, с разными условиями и обстоятельствами, которых не видишь, не проверишь, а без этого трудно разобраться, невозможно дать совет.

Поэтому будем говорить о том, что лежит за этими, вернее, в основе всех этих драм и несчастий, о каких-то общих проблемах, процессах и явлениях, из которых думающий читатель может делать свои, приложимые к его семейным условиям и обстоятельствам выводы. А читатель не думающий, попутно говоря, не сумеет применить и использовать с толком даже самые умнейшие и подробнейшие рекомендации. И потому первое, что — без обид! — вытекает отсюда: каждому, кто оказался причастен к такой драме, надо самому постараться честно понять ее истоки, пострадать над поисками исхода — как теперь жить да быть... Одним словом, нельзя упрощать вопрос,

ЧЕСТНО ПОНЯТЬ

Пути такого упрощения могут быть разные. «Куда смотрит милиция?» Это, пожалуй, наиболее часто встречающаяся форма такого обывательского упрощения — как будто можно около каждого дома поставить по милиционеру и как будто все дело сводится к тому, чтобы поймать и посадить преступника, одним словом, свалить все на милицию. Но борьба с преступностью — это далеко не милицмейская, вернее, не только милицмейская, а широко общественная задача, и заключается она в изучении причин и условий, а через это — в предупреждении преступлений.

Другая, противоположная форма упрощения: во что бы то ни стало защитить от милиции.

«По привычке озорников-школьников эти ребята, еще дети — ведь дети же! — выпившие по случаю проводов в армию, не имея никакого злого умысла, свои озорные поступки по-детски оценивали, как шалости, а их, этих разгулявшихся юнцов, никого не нашлось остановить на улице, а из дома взяли и увели, и вот они вместо армии в тюрьме» — так со слезой описывает бабушка несчастье, постигшее ее внука, и во всем этом описании нет ни слова понимания того, что, в сущности, произошло (кого-то избили, что-то разбили), ни слова упрека разгулявшемуся детке-сол-

дату, или себе, или школе, в которой он проучился десять лет, а, наоборот, только упреки тем, кто не остановил, кто не предупредил, кто задержал, судил и наказал.

Одним словом, не защищать провинившегося любой ценой от милиции, а предупредить такое знакомство с милицией, с правосудием — вот задача. И здесь я считаю необходимым подчеркнуть главную, на мой взгляд, цель воспитания: разбудить у молодых людей сознательное к себе отношение, развить в них вкус к самовоспитанию. Если этого не сделать, то ничего не получится.

Воспитывать — это не значит просто выполнять определенные обязанности: посещать родительские собрания, просматривать школьные дневники сына или дочери, прогуливаться часок с ними в выходной день, — хотя все это, безусловно, нужно; это не значит прочитать им «мораль»: «Что я тебе говорил и чему учил? А ты? Как тебе не стыдно, да как тебе не совестно?»

Подлинное воспитание заключается в развитии нравственной личности, способной по собственному внутреннему суждению, разумению и побуждению самостоятельно решать, как ей поступить в одном случае и как в другом. И подлинная воспитанность — это не «пять» по поведению. Пробуждение взглядов на жизнь, на людей, нахождение и определение своей нравственной позиции, умение отличать добро и зло, сопротивление злу. Это и есть самовоспитание.

И здесь начинаются подлинные трудности воспитания, особенно в том сложном переломном возрасте, когда кончается детство и начинается формирование человека как личности. Это не значит, конечно, что пора детства не имеет значения. Наоборот, именно в самом раннем детстве, в домашней духовной атмосфере закладываются первые, так сказать, почки будущего характера человека. Но растет человек, и эти почки начинают развиваться — усложняются его отношения с внешним миром, обостряются противоречия, выпирают острые углы, проявляются задатки будущей личности со всеми ее плюсами и минусами.

Подросток хочет, подросток торопится быть взрослым, но он еще не знает, он не совсем понимает, что значит быть взрослым. Он не представляет того бремени, которое лежит на плечах взрослого, — и труда, и многообразной ответственности и перед собой, и перед семьей, и перед обществом. Для подростка быть взрослым — значит проявить себя и утвердить себя в

жизни. Желая познать как можно больше, он бросается тогда от одного увлечения к другому, из одной крайности в другую, этим он как бы сам себя развивает, накапливает опыт и в то же время проверяет, просеивает познанное, выявляет то, что ему больше по душе, к чему он наиболее способен. Он ищет свое место в коллективе, в жизни, он вырабатывает свой нравственный облик.

А бывает иначе: быть взрослым для него значит прежде всего быть самостоятельным, независимым от той ежеминутной опеки, которую он чувствовал, будучи маленьким, особенно если опека эта была чрезмерна и недостаточно разумна. Отсюда — желание проявить себя в свободе от «давления», от «морали». Для него быть взрослым тогда — это и закурить, и выпить, и вообще распорядиться собой.

Подросток ищет себя, сам стремится сформировать свою личность, пусть даже отрицательную, даже сознательно, демонстративно отрицательную личность, лишь бы все-таки не потеряться, не превратиться в ничто, не быть хуже других, хотя что значит хуже, что значит лучше — он тоже не понимает. Ему вообще невдомек, что значит — личность. И тут его снова подстерегают опасности: встают проблемы трусости и храбрости, мужества подлинного и мужества ложного, и товарищества, тоже подлинного и ложного, и вообще проблема человеческого достоинства, патриотизма и отношений с людьми, и положения в коллективе. Ну и, конечно, проблема любви — и опять новые сложности, а вместе с тем и возможности новых ошибок. Как все это не просто и тонко!

долг старшего

Вот здесь-то и нужна помощь общества — и семьи, и школы, и всех наших воспитательных организаций. Но прежде всего нужна помощь человека — мамы, мамы, девушки, учителя, в конце концов, постороннего, но человека, способного понять, и проникнуть в эту хитрую душу, и вызвать в ней отклик, и поддержать, и направить ее на каком-то жизненном, может быть, решающем повороте.

«Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания... без личного непосредственного влияния

воспитателя на воспитанника истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно», — почти сто лет назад сказал, как его прозвали, «учитель русских учителей» Ушинский.

Развивая и утверждая это своим опытом, то же самое сказал в наши дни один из талантливейших учеников этого учителя, покойный В. А. Сухомлинский.

«Никакие коллективные мероприятия не могут заменить этого глубоко индивидуального движения человеческой души... Найдите такую тропку к юному сердцу, чтобы оно увлеклось примером настоящей моральной красоты, чтобы в нем пробудилось чувство удивления, благоговения перед этой красотой».

И глубоко ошибаются те, кто считает, что современная молодежь огрубела, замкнулась, что ее сердце закрыто для таких раздумий. По-моему, это говорят те, кто сам огрубел сердцем и не слышит душевных поисков молодежи.

«Что делать нам, если взрослые оказываются в стороне, когда нам не посоветует ни один человек?» — это пишет комсомолка Галя Короткова из старинного уральского городка. «Где они? Где их мудрость? Почему они на нас, нынешнюю молодежь, махнули рукой, а потом говорят, что мы оплошаем жизнь. Но это неправда. Среди нас есть много хороших девчат и ребят, но мы не знаем, куда себя деть, на что хорошее использовать душевные качества».

Найдутся люди, которые на это ворчливо скажут: «Ну вот! Кругом капит жизнь, растут стройки, воздвигаются города, а они, видите ли, не знают, куда себя деть. Избаловались!»

Отвечу на это письмом матери одного парнишки, успешно окончившего ПТУ в Павлодаре, направленного в числе прочих на работу в большой и, как будто бы, надежный рабочий коллектив Алтайского тракторного завода в Рубцовске, а оттуда попавшего на скамью подсудимых.

«Прежде чем их отправить, — пишет она, — было родительское собрание, где нас заверили, что все будет в порядке, что с ними едут мастера, которые отвечают за ребят. Но мастера занялись совсем не тем, чем надо, на ребят совсем не обращали внимания и даже почти не появлялись на заводе. Ребята тоже не стали ходить на работу, а им не давали за это талоны на питание, и ребята решили наскочничать».

Мой сын приехал домой весь грязный, испуг на лице и вообще

какой-то чужой. На мои расспросы он долго ничего не говорил, боясь расстроить меня, но потом дал намер, что в общении вместе с ними живут условно освобожденные, кругом грязь, нет воды, зачастую и холодной, не говоря о горячей, и нам, говорит, постирать негде.

Я не хотела этому верить и заставила его вернуться обратно, а через неделю пришла страшная весть: 15 человек ребят, в том числе и моего сына, арестовали за грабеж.

Спросим: обязательно ли должно было совершиться это преступление и кто в нем виноват? А к ответу привлекли только их, этих заброшенных, грязных мальчишек. Между тем ясно видна здесь вина взрослого, безответственного, бессовестного взрослого, живущего «своей жизнью» и предающего тех, кому обязан оказать помощь и поддержку.

Приведу еще одно большое, правда, но выразительное письмо. Пишет его не какой-то несмышленный подросток, а девушка, мечтающая, по ее словам, «о красивом будущем». Посмотрите, какими вопросами она «болеет», в чем просит помочь разобратся.

«В нашей школе обсуждалось дело двух парней, которые взломали чужую дачу в надежде поживиться яблоками. На обсуждении мать одного из них говорила, что дома яблоки есть почти круглый год! Ешь сам. Угощай товарища. И вот в ходе обсуждения я невольно подумала: что, если бы ко мне подошел товарищ и сказал: «На такой-то даче яблоки с осени лежат. Пошли!» И я бы пошла, даже не подумав, что такого добра полно и дома. Просто интересно залезть на дачу, пусть даже и не возьмешь там ничего. И никто не осуждал парней за их поступок. Скорее, их были готовы упрекнуть за то, что они попались. Никто не мог согласиться с милицией, когда этих парней назвали ворами. Вор — это бессовестный человек, это преступник! А здесь просто ребята пошалили. Подумаешь, велика важность!

И похожее происходит часто. Ребята восторгаются ворами, хулиганами, и взрослые никогда не принимают это всерьез. Отсюда хулиганство на улицах или тяжкое (ребята говорят «настоящее») преступление. А потом люди недоумевают: комсомолец и вдруг раз! — преступник! А разве вдруг?

И мне хочется, чтобы кто-нибудь старший пристыдил бы нас.

Ведь так дети, пусть бессознательно, привыкают к тому, что в жизни можно сделать любую пакость, лишь бы за нее не влетело,

Совершить преступление, если позволяет совесть, но так, чтобы никто не видел, но только хорошенько замести следы.

А совесть возьмет и позволит, потому что совести-то зачастую нет. Просто есть недоразумение какое-то, которое не мучает.

А отвечать за свои поступки надо! Рано или поздно, но надо. И отвечать нам. Винить во всем будут тоже нас. А вот ответить-то как следует мы и не сумеем. Сами не научились. И никто не научил.

И я надеюсь, что мне все-таки хоть кто-нибудь даст ответ на вопрос: что же, все-таки, делать? Кто в ответе за то, что я и мои товарищи можем пойти и на преступление, если будет кому толкнуть на него, повести на него. Есть ли виноватые в этом деле?»

Да, для вдумчивого воспитателя поле деятельности здесь необъятное и до крайности интересное: разобраться в этой мешанине чувств и понятий, и положительных и отрицательных, и нравственных и юридических. С одной стороны, совесть, которая «возьмет и позволит», с другой — «А отвечать за свои поступки надо!» Мораль и право. Нужно воспитывать и то и другое, и совесть, перед которой отвечаешь наедине с самим собой, и правовое сознание, чувство ответственности перед другими людьми, перед обществом. И не просто чувство ответственности, а полное понимание наказуемости твоих поступков. Потому что у кого-то яблок — «такого добра полно и дома», а у кого-то их нет, а те, выращенные в саду, на даче — «это их труд», и в этом смысле — их собственность. И вот на все это налетает шайка, а на юридическом языке — шайка шальных ребят и девчат, которым «интересно». А следом за этим идет и кое-что похуже, по их же терминологии, «настоящее» преступление. Такова логика вещей.

Тут проникновенных бесед уже недостаточно, не та стадия, тут нужно довести до сознания, что закон не любит и не может защитить, не имеет права — он защищает общество. И вор для него есть вор, а грабитель — грабитель, как бы это ни резало непривычный слух. А до ребят это, действительно, порой «не доходит».

Об этом говорил как-то при встрече с писателями один работник Министерства внутренних дел и сделал в этой связи любопытное признание, что до того, как он стал юристом, слово грабеж вызывало в его воображении жуткую картину: ночь, лес, широкоплечий верзила с дубиной или с топором, А совре-

менные грабители — это шуплые, зачастую просто озорующие ребята, один сорвал с кого-то шапку, другой вырвал сумку... И все-таки они — грабители. А если их двое или трое, значит, группа, шайка, значит, усиленная опасность и усиленная ответственность.

И всегда ли они знают это? И играет ли в таком случае закон свою превентивную, то есть предупредительную, роль? И не задача ли воспитателя довести букву закона до сознания своего невоспитанного воспитанника? Конечно, это еще далеко не все решает, но нужно и это.

Главное же все-таки — та внутренняя работа человеческого сознания, которая начинается где-то, у каждого по-разному, на каких-то ранних ступенях его развития и продолжается на его дальнейших, последующих ступенях и даже там, «в запредельном мире», когда обнажаются все концы и все начала и перед человеком встает жизнь в ее реальном, до суровости, облики.

«Письма оттуда»

«Сталкиваясь с окружающей средой, задумываешься над собственной сущностью, начинаешь взвешивать все, что есть в тебе».

И вот начинаются поиски «собственной сущности», запоздалые поиски. Лучше поздно, чем никогда.

«Вы понимаете, у меня неусидчивая натура, с детства у меня появилось тяготение к дальним странствиям по стране. Если мне холодно, я ищу тепло, а по нахождении тепла мне хочется искать прохлады. Вот так я прыгал с кочки на кочку, а в итоге не смог найти своего места в рядах нашего общества».

А кстати, что, если бы эту «неусидчивую натуру» заметить в свое время и приспособить к какому-нибудь интересному походу, к геологической партии, к мореходному и вообще к какому-нибудь «неусидчивому» делу — глядишь, и нашел бы человек свое место в рядах нашего общества.

«В школе учился плохо, оставался на второй год, связался с друзьями, бросил учебу. Поступил работать на завод и пошел в вечернюю школу. Окончил 8 классов, вечерами ходил к ребятам, курил, пил, дрался. Может, этого и не было бы, если бы они мне не говорили, что я мамин сыночек. А я не хотел им

оказаться. Они научили меня подделывать чеки на водку, и...»

А может быть, не было бы этого самого «и», если бы кто-то вовремя поддержал эту слабую душу с ее ложными, извращенными понятиями о чести, достоинстве и подлинном мужестве?

А вот анализ изнутри. Пишет заключенный, решивший «добраться и обнажить первоисточники Черной Арагвы, потому что не могу, не хочу невозмутимо сознать, что где-то 18-летний парень вступает на ту роковую дорогу, которая в свое время привела сюда и меня». Он пишет о своем разговоре с одним из таких парней, который, заканчивая свой срок, готовится вернуться на свободу.

«Мы разговорились откровенно обо всем, и я спросил его о принципах жизни. И что же он ответил?

— Все для себя.

А он не имеет здесь нарушений, отлично работает фрезеровщиком и находится на хорошем счету у администрации. Спрашивается, что он вынес отсюда и что он понесет на свободу? Он испытал тяготы, лишения. Ну и что? По-моему, гораздо важнее было бы, если бы пребывание здесь перевернуло его взгляды, если бы он всем существом своим понял, осознал, как низко он пал, подчинившись этому категорическому принципу: «все для меня», как опустошился его внутренний мир».

У художника Ярошенко есть широко известная картина «Всюду жизнь». Я бы к этому прибавил еще: «И всюду мысль». Люди думают, разбираются, ищут, теряют, находят. И великое дело — помогать им в этом и самому пользоваться их помощью, потому что мысль — это дело обоюдное, взаимное. В нем стираются грани положений и поколений, лишь бы только мысль, в которой и заключается самая суть человека, не спала, а искала пути улучшения жизни, с одной стороны, с другой стороны, но искала. Так она и растет, тем и живет — поиском.

*

Авторов писем «оттуда» заставляла думать над собой и окружающими жестокая необходимость. Но наш долг, долг старших, сделать все, чтобы молодая мысль не дождалась такого жестокого толчка. Мы должны как можно раньше вызвать у молодежи тягу, стремление к самопознанию, самовоспитанию, саморегулированию, или, говоря шоферским языком, зажечь «искру», а тогда мотор заработает своим ходом.

Где же ты был раньше?

— Дело не простое, — предупредила нас народный судья В. Строкова. — Отец просит вернуть ребенка, которого воспитывает тетка по матери. Поскольку она с девочкой живет в нашем городе, иск передаем нам для окончательного разрешения.

И вот Макаров Василий (фамилии людей, причастных к делу, по понятным причинам мы изменили) излагает свой иск перед судом.

— Шесть лет не связан с женой, она не пожелала со мною жить. Была она зубным врачом, а теща часто попрекала меня: «Моя дочь — специалист, а ты — рабочий». Пришлось уйти... Я буду сам воспитывать ребенка. Моя вторая жена тоже желает взять девочку. Заработок у меня хороший...

Судья спрашивает ответчицу Римму Яковлевну Гринь. Согласно ли она передать девочку отцу. Женщина испугана:

— Ни за что!.. Мама девочки заведет нас вырастить ее, и мы не хотим, не можем отказаться от Олечки...

По делу допрошено немало людей, знающих и Василия Максимовича, и его покойную жену, и причины их разлада.

Все было хорошо, когда поженились молодой врач Лина и бес-

страшный верхолаз Вася. Но только до тех пор, пока супруг не стал являться домой после работы в нетрезвом виде. Жена, понимая всю пагубность увлечения вином, боролась с этим как могла, он же истолковывал это как покушение на свою «мужскую свободу». Подзуживали дружки: как, мол, оно с интеллигентной половиной? «Нет, брат, ты найди жену, чтоб встретила без попреков, раздела и спать уложила. Вот это подруга жизни!..»

Василий покинул семью, когда Олечке было всего девять месяцев. Никто из свидетелей не говорил, что Василия не желают в семье, никто не препятствовал встречам отца с дочерью. Если Лина и просила вахтера общежития, где они жили, не пускать мужа, так — пьяного, чтоб избежать очередного скандала и позора перед людьми.

И в хорошей семье бывают ссоры. Но верх, в конце концов, берет то, что связывает людей, — взаимная любовь и преданность. Но случись беда, перед ней все покажется мелким, ничто не остановит желания помочь, если не жене, которую разлюбил, то своему ребенку. Лину свалил тяжкий недуг, но Макаров не пришел к жене, не спросил даже, с кем осталась маленькая дочь. Летом Лина умерла... Оля осталась у ее сестры. И тут отец не пришел к осиротевшей дочери.

Воспитатели детского сада написали: «Макаров приходил раз, чужую девочку стал звать Олей. А девочка говорит, что она не Оля, а Света. Своей дочки не узнал, потому что никогда ее не посещал...»

Суд постановил: в иске В. Макарову отказать. В решении указано, что советский семейный закон защищает право родителя отобрать своего ребенка у кого бы он ни был, но статья 62 Кодекса о браке и семье Молдавской ССР имеет оговорку: «...если такое отобрание противоречит интересам самого ребенка, в иске может быть отказано».

Макаров обжаловал решение в Верховном суде республики. Но и здесь его жалобу не поддержали.

П. ДОВГАЛЬ
г. Бендеры Молдавской ССР

Так уж случилось, что в аэропорту меня никто не встретил. Может быть, не получили мою телеграмму? Я назвала шоферу такси адрес, и очень скоро машина, миновав холмистый пригород, запетляла по тихим, сонным в это субботнее утро улицам и остановилась у нового пятиэтажного дома. Я позвонила. Дверь открыла девочка лет двенадцати.

— Вы из Москвы? Мама с папой сегодня работают, а я жду вас.

Потом мы пили зеленый чай, и я сказала Кате, что, пока ее родителей нет, я пойду посмотрю город.

— И я с вами. Можно? Я вам все покажу — ведь вы в нашем городе еще никогда не были.

И мой необычный экскурсовод резво и уверенно повел меня из нового квартала туда, где высились голубые минареты города, существующего на земле «со времен неведения...»

Мы провели с Катей весь день, и с этого дня я люблю Самарканд.

Под сводами мечети Биби-Ханым было прохладно и тихо. Колоссальные своды, уходящие в самое небо, казались легкими, почти невесомыми. Катя потянула меня за руку и очень доверительно, как будто знала это она одна на целом свете, сказала:

— Это самая большая мечеть в мире. Красавица Биби-Ханым, жена Тимура, построила ее, когда Тимур был в походе. Биби-Ханым конечно же не любила своего мужа. Он был злой и жестоким.

— Хотя, — добавила Катя уже не так доверительно, — говорят, что никакой Биби-Ханым на свете не было. Но я в это не верю... Хотите, покажу маленькое чудо?

Мы опять вышли под палящее солнце во двор. Катя повела меня в дальний угол и, показав на голубой купол мечети, сказала:

— Если при солнце на него долго-долго смотреть, он сольется с небом.

Мы смотрели — и купол исчезал, таял в небе.

Потом Катя вдруг убежала и ловко вскарабкалась на груды обломков когда-то рухнувшей арки мечети. Вернувшись, она протянула мне несколько камешков, потеряла один из них ладошкой — и он сверкнул на солнце небесной голубиной.

— Это оттуда кусочек, — она показала на купол. — Возьмите на память о Биби-Ханым.

событие семейного значения

ОХОТНИКИ за ЧУДЕСАМИ

Пока мы шли к мавзолею Гур-и-Эмир, Катя рассказывала мне о Тимуре. Рассказывала так, будто знает его лично и не любит так же, как Биби-Ханым.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Катя вдруг сказала:

— А хотите, я покажу вам, каким когда-то был Самарканд? Ведь не одни же дворцы и мечети в нем строили!

И мы попали в старый город. Узкие улочки с глухими стенами по обеим сторонам напоминали лабиринт. Но Катя шла уверенно и все время повторяла:

— Вот сейчас увидите!

Мы остановились в маленьком квадратном вымощенном дворике. С трех сторон в него выходили из глухих стен низенькие дверцы, а с четвертой открывалась маленькая мечеть — простая по формам, какая-то домашняя и удивительно красивая. Среди дворика голубел небольшой бассейн, а из дверц с любопытством выглядывали чернотелые, в пестрых одеждах ребята.

— Это мы открыли этот уголок! — шепнула мне Катя.

— Кто — мы?

— Мы с папой.

Возвращались домой мы уже вечером. Катины удивительные рассказы снова и снова всплывали в памяти.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила я ее.

— От папы. Мы с ним часто по городу ходим и чудеса ищем.

Я удивилась: насколько я знала, Катин папа не историк, а инженер, работает на заводе, да и москвич он!

Дома нас уже ожидали папа и мама Кати — мои давние, со студенческих времен, знакомые. Мы засиделись за полночь, и я узнала, как в Самарканде появился удивительный экскурсовод — Катя.

...Когда дочка была совсем маленькой, папу не отягощали воскресные прогулки с ней. Он выкатывал коляску на бульвар, садился на скамейку и читал книгу — час, два, три. Позже Катя играла во дворе со сверстниками, а папа, приглядывая за ней, читал книгу или разговаривал с соседями. Катя стала уже вполне взрослой, пошла в школу, а в воскресенье по-прежнему, по привычке говорила:

— Папа, пойдем погуляем.

Папу не очень радовало это предложение: он считал два часа хождения с дочкой по улицам потерянным для себя временем. А однажды он подумал: «Ведь не только Катя, я сам не знаю как следует город, в котором сейчас живу. Стыдно ведь это!»

В тот же день он пошел в заводскую библиотеку и забрал все книги, где описывался Самарканд. А в воскресенье он сказал Кате:

— Хочешь, покажу чудо?

И повел ее к мечети Биби-Ханым.

С тех пор так и было: вечерами папа для себя читал увлекательнейшие книжки, а в воскресенье они с Катей уходили в город за чудесами. Катя слушала легенды и были, величественные мечети и медресе раскрывали ей свои тайны.

Папа увлекся не меньше дочки. Выходного ждали как большого праздника — что-то им удастся открыть на этот раз? Катя сторала от нетерпения: что расскажет папа? Куда поведет? Папа рассказывал мне, как они с Катей искали точку на холме, с которой лучше всего были бы видны мавзолеи Шах-и-Зинды. Три воскресенья подряд они с утра уезжали и бродили по холму, карабкались по его склонам. И нашли. Мы с Катей были там — и я до сих пор помню почку разноцветных куполов, поросших рыжей от солнца травой, и город, раскинувшийся внизу. Эта точка — одно из чудес, обнаруженных Катей и ее папой.

Г. ТЕРЕХОВА

УТРО И ВЕЧЕР С СЫНОМ

Я просыпаюсь с сознанием радости. Открываю глаза, поворачиваюсь, приподнимаю голову и улыбаюсь: радость — это свидание с сыном. Он спит на кровати рядом. Лицо у Андрюши — типичное для баловника из детских книжек: он рыжий, курносенький, густо осыпан веснушками и с подкупающей улыбкой — доброй и лукавой одновременно.

Помню, меня везли в палату по коридору, из боковой двери вышла няня и сказала: «Мама! Посмотрите на своего сына». И я увидела запеленутого с головой младенца, который не отрываясь смотрел на электрическую лампочку. На виске блеснули короткие волосики. «Ой! Он рыженький!» — удивленно воскликнула я: никого с такими волосами у нас среди родственников нет.

Одно время меня это несколько беспокоило: найдутся такие, кто будет дразнить мальчика, и он будет переживать. Действительно, Андрюше было всего полтора-два года, а он уже знал, что он рыжий.

— Ты в кого такой рыжий? — заговаривал с ним какой-нибудь подвыпивший субъект в троллейбусе, и Андрюша смущенно, растерянно, как-то виновато оглядывался и его ручонка тянулась к голове.

Не удивительно, что скоро я услышала:

— Мам, я хочу быть черным, как ты.

— Нет, мой мальчик, лучше быть золотым, как ты. Это очень красиво.

И я стала краситься хной. Теперь общительные люди в троллейбусе говорят:

— Мальчик — ну копия мамы!

А мой пятилетний сын чувствует себя уверенней и когда ему говорят, что он рыжий, отвечает весело: «Не рыжий, а золотой!»

Мои воспоминания прерывает ласковое:

— Доброе утро, мамочка!

— Доброе утро, мой мальчик!

Андрюша привык к тому, что пробуждение — это радость, с которой начинается день. Я слежу за тем, чтобы дома была радостная, легкая обстановка, хорошее настроение, чтобы день начинался весело и заканчивался спокойно.

Проснувшись, Андрей начинает играть. Он играет всегда, даже тогда, когда одевается, ест... Может быть, поэтому он все делает медленно. Он ест. Надкусывает хлеб — и вот у него уже пистолет. «Та-та-та» — вместо обеда начинается война. Или одевается и вдруг остановился, смеется: «Мама, посмотри: носок с носком играет!» Меня это не раздражает. Ведь игра — это активная жизнь ребенка. Я просто напоминаю ему о том, что мы спешим.

Нередко я использую эту склонность к игре. С ежедневной гимнастикой под радио у нас не получается. Андрюше быстро надоедает выполнять упражнения под команду и он говорит: «Не хочется!» Я его понимаю: мне тоже надоедает и тоже не хочется. И когда он пробуждается, я начинаю с ним играть: ловлю ручки, толкаю ножки... Так, смеясь и играя, Андрюша получает свой «утренний комплекс».

Бывает и так, что я спешу или —

вечером — устала, нужно скорее одеться или раздеться, а сын шалит. Я напоминаю ему сдержанно один, другой, третий раз о деле и наконец угрожаю:

— Андрюша, ты хочешь, чтобы на тебя мама кричала?

Сказанная строго, эта фраза обычно действует без промедления. Андрей очень привык к спокойной обстановке и ласковому обращению. Резкий тон, когда он совершил какой-нибудь проступок, на него, по-моему, производит большее впечатление, чем даже шлепки. Он начинает горько плакать: «Ты со мной грубо разговариваешь!» Я стараюсь, чтобы слезы лились недолго. Через некоторое время подхожу к нему и, слегка приласкав, начинаю говорить ему «жалкие слова» на тему «Так хорошие мальчики не поступают». Отхожу от него будто за делом — даю ему время продумать мои слова, а затем снова подхожу, обращаюсь с ним серьезно и сдержанно-ласково. Обычно он в это время уже признается, что вел себя действительно плохо.

Утро у нас короткое — просыпаемся, одеваемся, Андрей съедает яблоко и мы выходим.

Здесь последняя игра: Андрей прячется на лестничной клетке за дверь, я должна выйти и, не взглянув на него, начать спускаться по лестнице. Тогда я слышу веселый голос:

— А меня забыла?

Я оглядываюсь, всплеснув руками, удивленно произношу:

— Ой! Мальчика своего забыла!

Мы весело смеемся, быстро идем в детсад и на прощание:

— До вечера!

— До вечера!

Я еду с работами обычно в хорошем настроении. Я люблю свою работу и своих коллег, которые давно уже стали моими друзьями. Но даже и в те дни, когда я чем-нибудь недовольна или взволнована, по мере приближения к дому на меня нисходит умиротворение от предвкушения встречи с сыном.

Прихожу в детсад, заглядываю в группу, отыскиваю глазами золотую головку и некоторое время молча наблюдаю за сыном. Кто-то ему говорит: «Андрей, за тобой пришли». Он оглядывается. Сосредоточенное выражение лица сменяется радостной улыбкой, в глазах появляются веселые бесенята.

— Мама! — он бросается ко мне через всю комнату, бегает в раздевалке вокруг скамеек, вырывается из моих рук, хохочет. Я довольна. Если ребенок вечером шалит — значит, он здоров,

Выйдя из детского сада, мы или гуляем некоторое время на участке или идем в магазин, если мне не удалось купить продукты в обеденный перерыв.

Дома не успеваем раздеться, как раздается стук в дверь. Это пришла подружка Андрея Оля. Сейчас же начинается игра в «дочки-матери». То есть Оля — мама, Андрей — папа, куклы — дети.

Андрюша любит играть в куклы, и я поощряю это. У него много посуды, кухонной утвари, есть и уют, плита, холодильник, швейная машина, словом — все домашнее хозяйство.

Я против резкой грани в воспитании мальчика и девочки (для девочки — куклы, для мальчика — пистолеты). В наше время, когда женщина работает наравне с мужчиной и муж должен разделять с женой все бремя домашнего хозяйства, воспитывать мальчика по старинке просто вредно. И меня радует, что Андрей и Оля вместе готовят обед, вместе укладывают детей спать и, взявшись за руки, «идут на работу». (Иногда Андрей, вооруженный до зубов, ходит на войну). Потом раздается:

— А... а... а...

— Ой! Наши ребята плачут!

И, озабоченные, они бегут к куклам.

По-моему, если мы, матери сыновей, сумеем воспитать мальчиков так, чтобы они считали естественным ухаживать за детьми, без затруднений могли бы приготовить хотя бы элементарный обед, убрать в доме, помыть посуду, мы заложим тем самым основу для их нормальной семейной жизни в будущем.

Чтобы домашняя работа не представлялась бы мужчинам трудной и нудной, у мальчиков и в детском и в отроческом возрасте надо формировать навыки и умения ее выполнять.

Вот поэтому-то я ставила перед двухлетним сыном два таза с теплой водой и он, перекладывая тарелки из одного таза в другой, мыл их, получая при этом массу удовольствия.

У него есть детская щетка, и пока я тружусь над паркетом в комнатах, он моет щеткой пластик в кухне и прихожей. Лужи с пластика я терпеливо вытираю, не переставая хвалить «моего помощника».

Я привлекаю сына к уборке квартиры и обязательно к уборке игрушек.

На мне же лежит обязанность знакомить Андрея с мужской работой. Мне поневоле приходится выполнять такую работу по дому, и я всегда делаю ее в присутствии

сына. Он, глядя на меня, тоже берет молоточек и забивает гвозди (мелкие с большой шляпкой) или берет пилку и пилит картон.

Во всех случаях он выполняет домашние дела только тогда, когда ему хочется, и только до тех пор, пока ему хочется. Я считаю главным, чтобы ребенок (в таком возрасте) охотно брался за работу и с удовольствием выполнял ее, хотя бы непродолжительное время. Думаю, что принуждение в таких случаях приносит больше вреда, чем пользы. Воспитание же силы воли, умения «делать то, что нужно, а не то, что хочется» в этом возрасте происходит в других ситуациях. Жизнь и особенно пребывание в детском саду дает их множество.

Вообще я думаю, что свободу ребенка не нужно стеснять без веских на то причин. Надо уважать и его свободу, и его игру, и мнение, и просьбу. Я не только приучаю сына помогать мне, но охотно откликаюсь и на его просьбы.

— Мама, будь ты мне другом, сделай крючок для удочки, а то у меня рыба не ловится!

— Мама, у меня торшер (игрушечный) не горит!

— Мама, шей мне рюкзак...

И я делаю ему крючок из проволоки, паяю оборванный шнур торшера, шью по всем правилам маленький рюкзак. Словом, стараюсь во всем быть ему другом.

У нас две комнаты. В одной находятся Андрюшины игрушки. Ее отдаю целиком детям.

— В другую комнату не ходите и разгрома там не делайте, — предупреждаю их.

— А можно мы в ней займем одно кресло? Это будет дача для наших ребят.

— Одно кресло можно.

Зато в другой комнате они играют как хотят. Но они знают, что перед уходом Оли надо убрать игрушки. Если разгром в комнате уж очень велик, помогаю им и я.

Если у Андрея и Оли возникает конфликт (это бывает редко), говорю ему:

— Оля девочка и твоя гостья, ты должен уступить.

Уже сейчас начинаю воспитывать в нем сознание, что на нем как на «мужчине» лежат дополнительные обязанности.

Андрей уронил игрушку и говорит: «Мама, подними».

Моя рука по привычке, машинально тянется вниз и вдруг сознание: «Стоп! Мальчик уже большой!» И я ему указываю, что он не только должен поднимать сам то, что он уронил, но если мама, или тетя, или девочка что-нибудь уро-

нут, нужно поднять и подать, сказав: «Пожалуйста!»

— Почему? — спрашивает он.

— Так поступают мужчины и большие мальчики. А ты становишься большим мальчиком.

Иногда говорю ему (пока просто в порядке информации) о таких обязанностях мужчин, как уступать место женщине, или о таких правилах поведения, как «не спорить с женщиной» (в будущем), а сейчас — не спорить с девочкой. Об этом я напоминаю сыну, если у него возникает какой-то спор с Олей.

После ухода Оли и ужина укладываю Андрея спать.

— Мама! Я не хочу один. Хочу, чтобы ты тоже легла, — канючит он.

— Андрюша, я устала. Я целый день работала, потом ухаживала за тобой. Теперь я хочу отдохнуть. Кроме того, мне нужно сделать и домашние дела.

По моему непреклонному тону он понимает, что спорить бесполезно.

— Ну хорошо, тогда Расскажи про Сережу, — просит он.

На это я охотно соглашаюсь.

Рассказы про Сережу начались года два назад. Почти каждый вечер, когда Андрей ложится спать, я рассказываю ему про этого (вымышленного, но конечно, очень хорошего) мальчика. Глаза у Андрея при этом должны быть закрыты. Рассказы эти — бесконфликтные и даже бессюжетные — Андрею почему-то очень нравятся. Каждый рассказ — эпизод из жизни Сережи: Сережа пошел в лес, на рыбалку, Сережа поехал в зоопарк, Сережа летом в деревне у бабушки и дедушки (или с мамой в Евпатории), у Сережи день рождения и т. д. Сначала я придумывала эти рассказы сама, потом, когда моя фантазия иссякла, стала использовать свои воспоминания, потом эпизоды из Андрюшиной жизни и все-таки иногда приходится повторяться. Каждый рассказ неизменно кончается тем, что мама укладывает Сережу спать и он засыпает. Рассказ успокаивает Андрюшу и он тоже вскоре засыпает.

А я либо берусь за домашние дела, либо, оставив их невыполненными (им никогда конца нет!) принимаюсь за одно из своих любимых занятий — читаю, рисую, шью...

Так проходят будни.

В субботние и воскресные дни мы обязательно ездим в гости или у себя принимаем гостей — обычно взрослых с детьми. И это праздники для нас.

*М. НАСОНОВА,
читательница «Семьи и школы»
Москва*

В ПОХОД-ВСЕМ ВМЕСТЕ

Почему не так еще часты совместные «детско-родительские» туристские походы? Если не говорить о тех случаях, когда взрослым «просто не хочется» выходные дни или часть отпуска убивать на это, то их сомнения, как правило, сводятся к тому, не тяжело ли будет в походе детям, не переутомятся ли они, не простудятся ли, не натрут ли ноги...

Сомнения эти вызваны, в сущности, неуверенностью взрослых в своих организаторских силах. А ведь нужно не так уж много: знание (и соблюдение) нескольких основных правил азбуки детского туризма. Ничего особенного в этих правилах нет — это, собственно, самые элементарные и известные медико-гигиенические требования. И если в походе с детьми что-то и происходит, то только потому, что именно здесь об этих требованиях забывают.

ВЫБОР ЦЕЛИ. Отправиться в поход «просто так», «мерять километры» — верный способ сделать его неинтересным и для детей и для взрослых. Всегда поблизости найдутся какие-то исторические или известные своими красотами места. Многие хорошо знакомо вам (а из ваших рассказов — и детям) по воспоминаниям детства. Целью похода может стать и сбор коллекций, гербариев или фотоохота.

Не обязательно выбирать маршрут по совсем неизвестным местам; можно примерно так предложить ребенку: «Вот мы с тобой много раз были на озере. А знаешь, какая туда дорога интересная? Но мы на автобусе ездили, а из автобуса что увидишь! Пошли пешком?» Так ли вы скажете или иначе — не важно; существенно одно: чтобы дети сами загорелись желанием путешествовать; тогда не их придется понукать при подготовке, а они будут вас тормозить.

ПОДГОТОВКА. Она вовсе не сводится только к сбору одежды, продуктов и снаряжения. Тут можно естественно и без нажима научить ребенка множеству полезных навыков. Если вы задумали длительный поход, то предварительную вылазку за город надо посвящать тому, чтобы научить сына ставить палатку, разводить костер, ориентироваться на местности. Найдутся дела и дома: «В походе ты, как и все, будешь дежурным. Чтобы нас не оставить без ужина, возьми-ка ты у мамы несколько кулинарных уроков». И конечно, «технику» для гербариев, коллекций, фотографирования юный турист тоже должен подготовить

сам — вам надо лишь вовремя проверить, все ли собрано. Вам же, кроме обычных забот, еще одна: надо обязательно изучить маршрут — лично, по карте, по рассказам знающих людей; это избавит от неприятных неожиданностей.

В ПОХОД С КАКОГО ВОЗРАСТА?

Конечно же, не с дошкольного — для малышей поход не по силам. Да и в первые школьные годы ребята еще не готовы к настоящим походам. Пусть будут пока недолгие прогулки. Посвящение в туристы лучше начать лет в 10. Возраст младших ваших спутников, разумеется, надо учесть при выборе маршрута.

Однодневный поход для 10—12-летних не должен превышать 10 километров, двухдневный — 18 километров, трехдневный — 25 километров. Для 13—14-летних: однодневный поход — не более 14 километров, двухдневный — 25 километров, трехдневный — 35 километров. Для старших школьников: однодневный — до 16 километров, двухдневный — 30 километров, трехдневный — 40 километров.

Конечно, могут быть и отклонения от этих норм, в зависимости от возможностей детей и характера пути, но «ставить рекорды» не стоит; ребята часто переоценивают свои силы, а вам надо видеть, каковы они на самом деле.

И ЗДЕСЬ — РЕЖИМ? Да. И он нужен не в меньшей мере, чем дома, — иначе все ваши планы могут пойти насмарку да настоящего отдыха не получится. Походный распорядок дня примерно таков.

В 7 часов — подъем, затем зарядка, умывание, уборка ночлега (не оставляйте после себя мусора!).

Пока не очень жарко, трехчасовой переход (с 8 до 11). После каждых 45 минут ходьбы — отдых на 15—20 минут. На этих малых привалах необходимо дать отдохнуть ногам; для этого их кладут повыше: на камень, на рюкзак или упирают их в дерево.

В самую жаркую пору дня, с 11 до 15 часов, — большой привал. В это время — обед и послеобеденный отдых. Место для большого привала надо выбирать поближе к воде и топливу. Если погода хорошая, то до обеда можно выкупаться. На больших привалах, пока дежурный повар готовит обед, остальные играют в волейбол или другие игры где-то в тени. Во время игры проходит усталость, заметно улучшается настроение.

С 15 до 17 — снова в пути. За это

время можно сделать два перехода и привал на 15—20 минут. И наконец, в 17 часов — остановка на ночлег. Место для ночлега должно быть выбрано сухое, недалеко от проточной воды, топлива, по возможности на высоком месте. Тогда, если пойдет дождь, тоже не страшно: палатки не зальет. До 20 часов готовится место для ночлега и ужин.

После ужина — час личного времени (ведение дневника, беседы у костра, обработка коллекций и т. д.). Затем — умывание, подготовка ко сну и в половине десятого отбой.

Дети забегались, заигрались, им не хочется спать — тут уж вы должны быть непреклонны: невыспавшийся турист, особенно начинающий, — плохой ходок на следующий день. Надо не забыть и вот о чем: ребята очень любопытны и в пути их то и дело что-то будет отвлекать, начнут просить: «Остановимся!», «Посмотрим!». Чтобы избежать излишних споров и огорчений, надо путь распланировать так, чтобы большие и малые привалы приходились на самые интересные места (еще один довод в пользу предварительного изучения маршрута). А в остальном, если особой необходимости для остановки нет, вам надо не бояться пускаться в ход и свои командирские права: ты не один в походе, мы идем по плану, так что изволь соблюдать дисциплину (умение считаться с другими в подобных ситуациях очень пригодится в будущем детям!).

НАУЧИТЕ ХОДИТЬ «ПО-ТУРИСТСКИ»! Когда начинающие туристы слышат или читают о маршрутах высокой сложности, о походах мастеров, им часто кажется, что для этого нужна невероятная физическая сила. Но мастерство туриста вовсе не в этом, а в умении распределить силы — и при ходьбе тоже. Вот этому и надо научить детей — умению выбирать посильный темп и не сбиваться с него, отдыхать на ходу на легких участках пути. Юный турист должен стараться идти спокойно, ровным шагом, не раскачиваться из стороны в сторону, не подпрыгивать на ходу, не забежать вперед, как делают иногда, и, конечно, не устраивать из перехода сореволюций «кто быстрее».

В науке ходить есть много мелочей, которые не стоит забывать. Так, при подъеме следует укорачивать шаг, наклонив плечи немного вперед, ногу ставить на всю ступню. Разговаривать в это время не следует — сбивается дыхание. На спуске плечи лучше отклонять назад. Длину шага можно несколько увеличивать, но ни в коем случае не

бежать — падение на бегу при спуске и к тому же с рюкзаком за плечами может неприятно кончиться.

«ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС». Здесь могут быть две ошибки. Первая (если за дело берется мама, обеспокоенная, что «дети плохо едят») — предварительная заготовка разных домашних разносолов. Но в пути они могут перемяться, перемешаться, испортиться от жары. Если же питанием заведуют мужчины, то дело может кончиться кое-как собранной сухомяткой в расчете на то, что «в дороге и подошву съешь», да и вообще стоит ли возиться из-за двух-трех дней.

И то и другое — ненужные крайности. Походный стол, конечно, не праздничный обед, он должен быть простым и незамысловатым. Но и разнообразным и полноценным. Для туриста-пешехода за 6—8 часов движения расход энергии составляет примерно 4000 калорий, таким же должен быть и «приход». Причем «набирать калории» надо не за счет чего-то одного; продукты должны содержать все основные элементы рационального питания — белки, жиры, углеводы, минеральные соли, витамины. В летнее время жиров можно брать меньше постоянной нормы.

Чтобы не обременять себя излишним грузом, надо выбирать такие продукты, которые отличаются не только большой калорийностью, но и компактностью. В сухом виде суточный паек на одного человека должен весить не более 1,5—1,7 килограмма. Вместе с тем желательно, чтобы в паек входило то, что легко усваивается: шоколад, печенье, сгущенное молоко, какао. Суточный рацион рекомендуется распределить следующим образом: на завтрак и ужин должно приходиться примерно по 30 процентов всего суточного рациона (по калорийности), а на обед — около 40 процентов. И конечно же, нужна трехразовая горячая пища, а не сухомятка.

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ. В пути, да еще в жаркий летний день, очень скоро захочется пить. И конечно, нелегко будет вам видеть ребенка, который умоляюще просит то и дело: «Мама, дай воды». Но все-таки лучше набраться мужества и сразу приучить его к туристскому правилу — не пить на ходу. Излишнее и беспорядочное питье лишь ненадолго уменьшает жажду, но не утоляет ее. Чрезмерная перегрузка организма жидкостью затрудняет работу сердца, пищеварительного и выделительного аппарата. И может соз-

дать опасность теплового удара. На больших привалах, во время завтрака, обеда и ужина можно позволить ребенку пить сколько хочется, а в пути лучше лишь прополоскать рот и горло водой. И конечно, на привале не позволяйте ему сразу бросаться к ручью или колодцу: какой бы чистой ни казалась вода, она может быть нездоровой. Надо еще на полчаса набраться терпения и подождать, пока вскипит чайник на костре.

В жаркий день турист, как правило, «весь в поту». Это приводит к тому, что организм теряет не только влагу, но и много солей. Поэтому в туристское питание обязательно должны входить соленые продукты — копченая рыба, селедка.

ОДЕЖДА В ПУТИ. «Чем меньше, тем лучше» — можете вы сказать, отправляясь в поход жарким днем. Но это заблуждение, и небезопасное. Уже к вечеру обожженные плечи невыносимо болят под ремнями рюкзака, и вы будете проклинать необдуманное желание «подзагореть». Для детей же опасность теплового ожога или удара гораздо больше, чем для нас. Поэтому позволяйте им снимать рубашку лишь на короткое время, особенно если приходится идти по солнцу. Голова должна быть покрыта шапочкой, панамой или косынкой. Важно помнить, что у крупных водоемов, в горах, в степи или на открытой местности действие солнца и воздуха более интенсивно — здесь надо быть особенно осторожным.

У РЕКИ. На привале, едва только брошены рюкзаки, уставшие и разгоряченные ребята, естественно, мчатся к воде. Взрослым бывает некогда проследить — надо ставить палатку, готовить еду. Это может кончиться плохо. Поэтому если вы остановились у воды, обязательно проверьте место купания — нет ли камней, коряг, ям, какова глубина. Объясните ребятам, что не надо сразу, потными бросаться в воду. Если же тело охлаждено, то надо разогреться, проделав несколько энергичных гимнастических упражнений, и лишь после этого лезть в воду.

Если ребенок плохо себя чувствует, переутомился, не надейтесь, что купание все как рукой снимет — лучше от него воздержаться.

НЕ ПИЩАТЬ! Как бы турист ни был осторожен, все же не всегда удается избежать «мелких неприятностей» — небольших ушибов, ожо-

гов, растяжения связок, натертости ног. Они не грозят особой опасностью, не требуют обращения в больницу, но все же заметно портят дело. Важно, чтобы вы с первых пор приучили юного туриста здраво относиться к подобным «несчастьям». Не нужно ни паники, ахов и охов, ни раздражения («вечно с тобой что-нибудь случается, вот придется из-за тебя возвращаться!»). Первую помощь вы сумеете оказать сами (заодно и научите «страдальца», как это делается); на этот случай у вас с собой должна быть небольшая походная аптечка: индивидуальные пакеты, бинт и вата, обеззараживающие средства, обезболивающие, противовоспалительные и другие медикаменты.

Впрочем, многого можно легко избежать. Частые потертости ног обычно вызываются неумением подобрать обувь. Она должна быть по ноге (под шерстяной носок) и ни в коем случае не тесна. В свежкупленной обуви в поход отправляться нельзя — ее надо обязательно разносить. На привале надо вымыть ноги, надеть более мягкую обувь, а если позволяет местность, то походить босиком.

*

Мы говорили все о бытовых мелочах, предостережениях и неприятностях и совсем не коснулись туристской «лирики» — радости узнавания новых мест, вечеров у костра... Но все это вы, наверно, сами сумеете раскрыть ребятам. А о мелочах тоже стоит помнить — именно они и могут испортить общее впечатление.

Е. ЧЕРНИК,
старший научный сотрудник
Центрального института
санитарного просвещения

МИТИНА НЕДЕЛЯ

ПОНЕДЕЛЬНИК

Папа встал раньше всех, отодвинул занавески на окне и ушел на кухню. Лежа в своей кровати, Митя услышал стук посуды, ему захотелось есть, он стал кричать:

— Полина! Полина! — чтобы мама встала. Но она поднялась только тогда, когда он закричал: «Мама!»

Наконец ее коса сползла с подушки и легла на коврик около кровати, а затем на коврик стали ее ноги, и наконец она встала и подошла к Мите.

— Ты кушать хочешь? — спросила она.

— Да, — ответил Митя и добавил: — Ав-ав.

— Ему снилась собака, — сказала мама.

— Та-та, — сказал Митя.

— Ему снилась машина, — сказала мама.

Но прежде чем есть, надо одеться, а это очень долго и скучно. Сперва с тебя снимают пижаму, потом надевают рубашку с кружевом, трусики, лифчик, чулки, ботинки. Мите ничего этого не надо, как и пижамы по ночам, он бы с удовольствием жил без всего этого. Но они никогда ничего не пропустят, все напялят и застегнут на все пуговицы.

Покончив с последней пуговицей, мама спросила:

— Холодной водой будем умываться?

— Не-не-не, — ответил Митя.

— Теплой? — спросила она.

— Да, — ответил он.

Она вынула его из кровати и поставила на пол. Он взял ее за руку и пошел в ванную. Там из блестящего крана уже текла вода.

— Только не смей брызгаться, — сказала мама. Но Митя не послушался и немного побрызгался, ударяя руками по текущей из крана

струйке. После этого мама вымыла ему лицо и руки и вытерла шершавым полотенцем. Митя хотел бы, чтобы она ему почистила зубы щеткой, как чистила себе. Но этого она никогда еще ему не делала.

Когда она расчесывала гребешком его намокшие волосы, в комнатах громко зазвонил телефон. Митя сказал:

— Дони!

И его отнесли в кухню, где папа пил кофе, и усадили за стол. А на столе стояли в ряд тарелки, блюда и чашки с разной едой. Мама прочла в какой-то книжке, что ребенок сам должен выбирать себе

ПРО МИТЮ И НАСТЮ

еду, потому что он лучше знает, что требуется его организму. Она это прочла и много раз об этом говорила, и Митя слушал со вниманием, потому что речь шла о еде. В этот понедельник перед ним поставили очень много вкусного: на одном краю было молоко, а на другом — ломтик лимона, который Митя очень любил, а посередине была и каша, и сосиска, очищенная от кожицы, и картошка с соевым соусом, и кефир, и кусочек хлеба.

— Выбирай что хочешь, — сказал папа, и Митя выбрал все и все, что поел сколько мог.

— Мяу, мяу, — сказал он, покончив с этим делом.

Папа понял, что он хочет поздо-

рваться с кошками, и поставил его на пол. Прежде всего Митя пошел посмотреть, что будут есть кошки. В кошачьей миске около холодильника лежало красивое красное мясо. Митя уже протянул к нему руку, желая попробовать кусочек, как вдруг рядом очутилась мама и шлепнула его по руке.

— Не смей! — сказала она. — Лучше иди разбуди кошек.

Кошки, Аська и Кнопка, еще спали в ногах бабушкиной постели, их уши торчали из-под одеяла. Митя поцеловал Аську между ушами, но ей это не понравилось, она высунула лапу с когтями и зашипела, и Митя убежал.

— А, это ты, — сказала бабушка, услышав топот его ног. — Ну, что будем делать?

— А-ах! — сказал Митя, это началось, что будем нюхать цветы. На бабушкином окне очень много цветов, и некоторые пахнут очень хорошо. И занавески у бабушки очень красивые, а за занавесками и цветами по железу ходят голуби, топоча ножками не хуже Мити. Митя протянул бабушке руку и сказал:

— Ам!

В руке у него был кусочек хлеба. Он его принес, чтобы покормить голубей. Бабушка раскрошила хлеб и высыпала крошки голубям. Там одна толстая белая голубка была очень жадная, у всех отнимала крошки.

— Наш Митя хороший человек? — спросила бабушка, и Митя радостно закричал:

— Да! — и пошел за руку с бабушкой осматривать ее комнату.

Ни в чьей комнате нет такого множества прекрасных вещей, как в бабушкиной. Чего стоит один рояль. Если сесть перед ним и ударить по его клавишам, он издает такие громкие веселые звуки.

А кроме рояля есть еще разные коробочки, в которых лежат блестящие украшения, цветные тряпочки и катушки со всякими нитками. В этой же комнате стоит телевизор, перед которым по вечерам усаживаются все, даже кошка, и лежит альбом, в котором есть лица папы, мамы, дедушки, бабушки, другого дедушки и самого Мити.

Митиных лиц там больше всего, его там можно увидеть и в пижа-

ме, и в рубашечке, и в свитере, и завернутого в простыню, и совсем без ничего.

Митя может очень долго сидеть тихо, рассматривая себя во всех видах. При этом он говорит совсем так же, как когда нюхает цветы: «А-ах!», потому что — что скрывать! — он себе нравится.

Бабушка добрая, она позволяет Мите все высыпать из ее коробочек на пол, только один раз рассердился, когда он высыпал пудру.

И в этот понедельник Митя играл с ее коробочками, потом взял карандаш и продел в ниточную катушку, и катушка завертелась на карандаше, как вертятся колеса машин, что бегают по улице.

Вошел папа и спросил:

— А не пора ли нам гулять?

— Да, — сказал Митя, и опять на него стали накручивать всякие одежды. А когда накрутили сколько им хотелось, папа взял Митю на руки, снес его вниз по лестнице, и они вышли на улицу.

Там летали белые снежинки, бегали машины и в колясочках ехали туда и сюда укутанные дети. Пробежало нечто куда более прекрасное, чем машины, — пробежала большая собака с высунутым красным языком. Она сказала: «Ав-ав!» — и Митя ответил ей тем же.

В Таврическом саду было много детей. Одна девочка в красной куртке возила на веревке большой деревянный грузовик. Митя как увидел этот грузовик, так уже не мог отвести от него глаза. Девочкина мама это заметила и сказала ей:

— Дай этому мальчику покатать немножко.

Девочка послушалась, и Митя стал катать грузовик по дорожке.

Он делал это с восторгом и только иногда подходил к папе, сидевшему на скамейке, и брался за его колесо.

Если бы еще пришла та большая собака, то было бы совсем уж прекрасно, но она не пришла. Она не пришла, и на какое-то время Мите даже показалось, что все прекрасное кончилось, потому что папа вдруг встал со скамейки и сказал:

— Ну, теперь отдай грузовик девочке и пошли домой.

Митя не хотел отдавать грузовик, папе пришлось это сделать самому.

При этом папа что-то долго говорил про грузовик и про девочку, но Митя ничего не понял и только говорил, что грузовик отобрали.

Как весело стало ему зато, когда они с папой зашли в магазин и папа купил ему такой же грузовик, даже еще лучше. Потому что в Митином грузовике были кубики с картинками, а в девочкином не было.

— Посмотри, что мы купили, — сказал папа маме, вернувшись, домой.

А потом он стал с Митей играть. Сначала играли в индейцев.

— Как мы кричим, когда выходим на тропу войны? — спрашивал папа, и Митя громко кричал в ответ.

— А как дрожат наши враги? — спрашивал папа, и Митя отвечал:

— Брр! Брр! — и от этого в самом деле начинал дрожать.

Потом, сидя на полу, строили из кубиков высокие дома, а построив, раскидывали их ногами, и Митя говорил при этом:

— Бам!

А бабушка прибежала и спрашивала:

— Что творится в доме?

Вдруг над Митиной головой, на дедушкином столе, зазвонил телефон.

— Поговори с другим дедушкой, — сказал папа, послушав. Он приложил трубку к Митиному уху.

В трубке пощелкало, и голос другого дедушки спросил:

— Что делает мой внук?

Митя не понял и покричал в трубку, как кричат индейцы, выходя на тропу войны. Но другой дедушка, должно быть, его понял, потому что сказал:

— Ну, играй, милый, я приду вечером тебя купать.

Он жил на другой квартире, они с Митей ходили друг к другу в гости.

И в этот вечер он пришел, как обещал, и в ванну налили много воды, и другой дедушка нагрел на батарее купальную простынку, и Митя радовался, глядя на эти приготовления, он не знал, какой ему предстоит внезапный испуг.

Когда уже намылили его от шеи до пяток душистым мылом, сверху на него вдруг шумно упал дождь. Разве дождь идет в комнатах?

Дождь идет на улице, там его место, а не в доме.

Никогда еще Митя этого не испытывал. Шум от упавшего дождя был такой, что он с трудом слышал, что говорили кругом.

— Напрасно ты, — сказал маме другой дедушка. — Надо было, как всегда, полить из кувшина.

— Да неужели наш сын испугался душа! — сказала мама. — Не может быть, тебе кажется.

— Ты испугался, милый? — спросил другой дедушка.

Не зная, что сказать, Митя ответил на всякий случай:

— Да.

— Разве ты трусишка? — спросил папа, но это было уж вовсе непонятно, так что Митя не сказал ничего.

— Ладно, — сказал другой дедушка. — Вынимай его, Поля. Испортили ему все удовольствия этим душем.

Мама вытащила Митю из ванны и подала другому дедушке в нагретую простыню. И все перешли в бабушкину комнату пить чай. Митя тоже пил — с лимоном и вареньем — после купанья это было очень приятно.

Потом его уложили спать, укрыли одеялом и потушили свет. В комнате стало очень темно, только белело окно в блестящих узорах. Вдруг на этом окне появилась большая черная собака. С одной стороны у нее свисал хвост, а с другой — язык, она громко сказала: «Ав-ав». Ей навстречу помчался грузовик на высоких колесах, он освещал своими фонарями собачьи глаза и зубы, стало страшно, Митя позвал:

— Мама!

ВТОРНИК

— Ав-ав, — сказал Митя утром, когда к нему подошли. — Та-та!

— Все те же сны, — сказал папа. Гулять в этот день Митя пошел с мамой.

Она взяла его в колясочке, но посадили его туда медвежонка и зайца, так что ехать было интересно.

Приехали к какому-то дому, прошли по белому коридору, вошли в белую комнату. Там тоже было

много маленьких, как в Таврическом саду, и ходили белые тети, и стояли маленькие белые стульчики. Мама посадила Митю на маленький стульчик, а сама села на большой.

Подошли две белые тети. Одна подняла рукав Митиной кофточки и помазала ему руку чем-то мокрым, а другая по мокрому поцарапала, не очень больно, кошки царапаются сильнее. Но так как было непонятно, к чему эта боль, хоть и маленькая, то Митя заплакал, но мама сказала:

— Стыд и срам, никто не плачет, только наш Митя плачет, — и он перестал.

Маленькие сидели у стенки на стульчиках, и Мите неожиданно подумалось, как хорошо бы из этих стульчиков построить дом, а потом этот дом развалить.

Он взял один стульчик, на котором никто не сидел, и приставил к своему. Маленькие сразу угадали, что он затеял, и стали нести стульчики и складывать вместе.

Когда сложили порядочную кучу, Митя ударил в нее ногой, и другие стали бить ногами и получилось прекрасное «бам!».

Мама сказала:

— Ты с ума, Митька, сошел, нас выгонят с позором.

Но никто их не выгнал, они ушли сами.

Домашняя мама сказала папе, что Митя у нас растет организатором и коноводом, и папа сказал, что если при этом Митя будет умен, то это хорошо.

Рука поболела недолго, скоро прошла, только остались ямки там, где тетя поцарапала, и когда кто-нибудь спрашивал:

— А где у Мити привита оспа? — Митя показывал эти ямки.

среда

В это утро папа не ушел, а занимался с Митей и учил его разным вещам.

Сначала читал ему «Муху-цокотуху», «Бармалея» и толстую книгу из дедушкиного шкафа. Митя эту книгу уже немного знал и когда услышал слова «Прибежали в избу», то договорил: «деди». Надо

было сказать «дети», но «деди» было легче, этим словом Митя называл своих дедушек.

Потом они с папой сложили из кубиков — кошку с мячиком.

Потом делали «ладушки», как они были у бабушки, ели кашку и пили бражку, как кашка сладенька, бражка пьяненька, бабушка добренькая, как они попили-поели, спать захотели, шу! — полетели и на головку сели. Делали и сороку, как она на припечке сидела, кашку варила, деток кормила. От частых упоминаний о кашке Мите и самому ее захотелось, но до обеда надо было подождать.

Еще ему захотелось подмести пол. Он принес из кухни веник и совок, подмел чисто и собрал в совок бумажки и пыль. Но только дошел до самого интересного — запустил в этот сор руки, как вошла бабушка и все отобрала.

— Ты что, сквозь стену видишь, что ли? — спросил ее папа.

— Я же слышу, — сказала она, — слышу, что вы вдруг притихли. То орали-орали, а то вдруг тишина. Ясно, что началось какое-то безобразие.

Митя на нее рассердился, лег на пол и стал колотить по полу ногами. Но папа сказал:

— Разве мужчины так сердятся? Глупые дети так сердятся, а не мужчины. Мужчины сердятся так.

Он стукнул кулаком по столу так, что кубики запрыгали, а один даже свалился.

Мите понравилось, он тоже стукнул кулачком по сиденью стула.

— Вот теперь так, — сказал папа.

Пришла мама и надела на Митю новую кофточку, желтую и пушистую. Бабушка сказала:

— Ты в ней похож на цыпленка, который только что вылупился из яйца.

И поставила Митю перед своим высоким зеркалом.

И ему так понравилось то, что он увидел в зеркале, что он вздохнул громко:

— Аах! — и не понял, почему они все бросились его обнимать и целовать. И показал бабушке и маме то, чему его сегодня научил папа, а бабушка и мама говорили:

— Он у нас не только красивый, но и умный.

Вечером пришел другой дедушка

и с ним другая бабушка. Другой дедушка спросил:

— Митя у нас хороший человек?

— Да! — ответил Митя.

— Я с ним не гулял чуть не две недели! — сказал другой дедушка. — Не погулять ли нам сейчас? Но мама не позволила.

— Уже поздно, — сказала она, — и дождь начинается, лучше завтра прогуляетесь с утра пораньше.

— Что ни говори, Поля, — сказал другой дедушка, — а надо еще внуков. На двух дедов одного внука никак не хватает. На мою долю какие-то выпадают крохи. И ему будет веселей, если рядом будет расти брат или сестра. Тем более что у тебя так славно полчается, — и другой дедушка погладил Митю по желтой кофточке.

Пришли еще гости. Они уговорили бабушку петь, она села за рояль и запела. Митю она усадила к себе на колени, он тоже спел очень похоже — «Чижика», а гости им делали «ладушки».

четверг

На утро другой дедушка пришел, когда все еще спали, и велел:

— Одевайте его, мы пойдем гулять.

— Я выйду с вами, — сказала мама, — проводите меня до рынка, мне картошки надо купить.

Пошли по лужам. И там, куда пришли, были лужи, а кругом ходили серые и розовые голуби, такие же, как у бабушки на окне.

Ходили голуби, ходили, а потом что сделали: вдруг вошли своими ножками прямо в лужу и стали плескаться и брызгаться. И при этом радостно гулькали, так им было хорошо.

Мог ли Митя все это оставить без внимания? Конечно, не мог. И не оставил. Посмотрел-посмотрел и сам вошел в лужу в своих маленьких валенках с маленькими калошами, про которые дедушка как-то сказал, что не видел ничего смешней.

Подошла мама с сумкой и сказала:

— Как ты его пустил, он же простудится.

— Да, попробуй его не пу-
стить, — сказал другой дедушка.

— Ладно, вылезай, — сказала ма-
ма. — Хорошенького понемножку.

Другой дедушка взял Митю на
руки, а мама с сумкой пошла впе-
реди.

— Я купила хорошую картош-
ку, — похвалилась она.

Дома из Митиных калош вылили
воду, сняли с него мокрые вален-
ки и надели сухие чулки и ботино-
чки. И он пошел в кухню, надеясь
найти там мамину сумку.

Сумка стояла у холодильника, за
кошачьей миской. Митя достал
картофелину и попробовал. Кар-
тошка вправду была хорошая, Ми-
тя съел ее с кожей.

Прощаясь, другой дедушка ска-
зал:

— Рекомендуют для него опыт-
ную няню, я ее, может быть, на
днях приведу. А Поля пусть зани-
мается.

Вечером папа учил Митю, где у
него ушки, где глазки, где носик.
И так как Митя запоминал трудно,
папа стал учить его на мамином
лице. Это было легче, и Митя
очень быстро научился показывать
ушки, и носик, и глазки. Он сам
радовался, как это он все так хо-
рошо выучил, но мама вышла из
комнаты. Она вышла, а папа возы-
ми и спроси:

— Где носик?

Митя показал рукой на дверь,
напоминая, что носик ушел и спра-
шивать о нем бессмысленно, и над
Митей все засмеялись. Тогда он
догадался и тем же пальцем пока-
зал на свой собственный нос, и они
опять сказали: «Какой наш Митя
умный».

пятница

Перед обедом вместе с другим де-
душкой пришла какая-то совсем но-
вая бабушка с белыми волосами
под белым платочком.

— Знакомься, — сказал другой
дедушка. — Это няня.

И Митя подумал: «Какая еще
такая няня, это бабушки бывают
с такими белыми волосами» — и
сказал решительно:

— Баба няня.

— Ах ты мой миленький, — ска-
зала она, а другие сказали:

— Хорошо, пусть баба няня, раз
тебе так больше нравится.

— Покажи бабе няне, где ты
спишь, кроватьку и твой шкаф-
чик, — сказала мама, и Митя все
показал.

Баба няня усадила его на стул и
покормила очень интересно — кот-
лету размяла в супе, ему это пока-
залось очень вкусно, потом уложи-
ла спать. Он ее понюхал, она пах-
ла хорошо — горячими котлетами
и душистым мылом. Понравилось
ему и то, что она не надела на
него пижаму, а сказала:

— Днем можно спать и в руба-
шонке, вольнее тельцу.

суббота

— Сегодня, — сказал папа, — мы
поедем к прабабушке, прабабе.

Митя обрадовался, потому что к
прабабушке надо ехать на трамвае
и потому что у нее всегда дают
что-нибудь вкусное и интересное.
Один раз даже давали разноцвет-
ные яички, их надо было стучать
друг об дружку. А другой раз да-
вали даже сладкое вино, какого до-
ма никогда не бывает.

Прабабушка сидела, как всегда,
в своем кресле. На столе перед
нею лежали апельсины и яблоки.
Митю не заставили ждать ниско-
лечко, сразу дали ему апельсин, и
он стал играть в футбол.

Прабабушку он раньше называл
просто «баба», пока она не ска-
зала:

— Я не баба. Бабушки у тебя
другие. Я — прабаба.

Кроме яблок и апельсинов на
стole было много карточек. На од-
ной карточке Митя увидел себя с
мамой и папой. Он сказал:

— Мама, папа, Тата.

— Скажи «Митя», — сказала пра-
бабушка, но он не сказал.

— Он всех детей называет Та-
тами, — объяснил папа. — В том
числе и себя. И машины у него
тоже «таты».

— Значит, ты его не пони-
маешь? — спросила прабабушка.

— Почему же? — сказал папа. —
Понимаю все.

У прабабушки много вещей, ка-
ких больше нет ни у кого. И крес-
ло на колесиках, и высокие под-
свечники, куда вставляется много
свечек, и в углу — красная баноч-
ка, в которой горит огонек. И в
футбол апельсином у нее можно иг-
рать, и подметать она позволяет
сколько угодно, и вынимать из
тумбочки пузырьки с лекарствами.
И если ей говорят: «Ты его совсем
разбалуешь», — она отвечает:

— Детей надо баловать, это дока-
зано наукой.

— Какой же это наукой дока-
зано? — спрашивают у нее, а она
говорит:

— Иначе они вырастают тупыми
и черствыми.

— На мои именины вы приеде-
те? — спрашивает прабабушка.

— Конечно, — говорит дедушка.

Именины — это Митя знает, что
такое. На именинах у прабабушки
бывают пироги и гостей очень мно-
го — и маленьких и больших. Бы-
вает девочка Настя, почему-то Ми-
те велят ее называть тетя Настя,
а она не хочет.

— Какая я тетя, — говорит
она. — Я Настенька.

Прабабушка смотрит на них и го-
ворит:

— Когда вы вдвоем, вы особенно
милые.

Настя поет песню: «Во саду ли
в огороде Настенька гуляла, невелич-
ка, круглоличка, румяное личи-
ко».

«За ней ходит, за ней бродит уда-
лой молодец», — поет она, и Ми-
тя думает, что это про него. Молод-
чик — это он.

«За ней носит, за ней носит
Дороги подарки, —

поет Настенька. —

Дорогие те подарки —

Кумачи, китайки.

Кумачу я не хочу,

Китайки не надо.

Подари, моя надежда,

Алого атласу

На две душегрейки».

Так поет Настенька, девочка с чер-
ными глазками, и в ее песне идет
Митя — большой, и сильный, и кра-
сивый, и умный, он ничего не
боится, все может, он подарит На-
стенке все, чего она хочет, — пре-
красной девочке, знающей прекрас-
ные песни.

(Окончание следует)

*музыка
и каждый из нас*

СЛОЖНЫЙ МИР ШЕСТИ ГИТАРНЫХ СТРУН

Раньше городская юношеская компания ограничивалась проигрыванием популярных пластинок. Технические возможности проигрывателя, включенного в сеть, не позволяли выйти «вместе с музыкой» за пределы квартиры, которая являлась миром взрослых, и потому, покидая дом ради свободы, компания должна была расставаться со своими любимыми ритмами, мелодиями, знакомыми голосами певцов. Потом появились транзисторы. Их можно взять с собой, и это уже качественно новое явление. Но у транзисторов с интересующей нас точки зрения есть недостаток: не всегда просто «поймать» нужную музыку, чаще всего транслируется опять-таки «музыка взрослых».

Другая новинка — верный друг сегодняшней юности «маг», воистину маг и чародей, магнитофон. Верно, что и он на первых порах привлекал к дому. Но сейчас уже все больше выпускается портативных транзисторных магнитофонов. Верно, что он пока дорог, и владелец «мага» — объект зависти сверстников (и заметим, кстати, объект, приобретающий особый вес в своей компании, становящийся в центре ее). Но верно и то, что по сравнению с транзисторным приемником и проигрывателем «маг» имеет колоссальные преимущества. Ведь он позволяет иметь практически любую нужную музыку — надо только достать на время пленку и переписать ее.

И вот в этом-то «достать» и «переписать» заключается самостоятельная притягательная сила. Эти процессы сами по себе есть общение, жизнь подростков. Они привлекают активным характером дел, связанных с «магом»: тут и новые знакомства; тут и овладение, пусть поверхностное, радиотехникой; тут и обмен; тут и купля-продажа. Задумываются ли родители и педагоги, как много мощных «силовых линий» сконцентрировано вокруг этой, доносящейся из портативного магнитофона музыки — музыки, которую мы часто и не хотим принимать за таковую, настолько она, с нашей точки зрения, безобразна? Не будем углубляться в разбор качеств этой музыки, но уж коли она звучит, окруженная вышеописанным эмоциональным «силовым полем», то, следовательно, она *воздействует* на молодежь, то есть музыкально *воспитывает* ее.

Однако на сегодняшний день «юношеская музыка» (да простят мне этот опасный термин) не ограничивается техническим арсеналом проигрывателей, транзисторов и «магов». Не так давно появилось новое «оружие» — гитара.

Вновь обращаясь к недалекому

прошлому, мы видим, что парень с гитарой появлялся внутри компании лишь изредка. Он мог напевать какую-нибудь песенку из блатного репертуара, и слушателям была важна лишь словесная, «литературная» информация, а не собственно музыка. В целом же ни гитара, ни ребята-гитаристы, ни музыка, которую они исполняли, не были характерной чертой быта многих и многих мальчишеских компаний.

Иное дело сейчас. Город наводнили ребята с гитарами. В магазине купить гитару невозможно: этот инструмент дешев, доступен каждому, и, похоже, любой подросток сейчас готов стать его владельцем. Кружки, студии, ансамбли гитаристов при клубах и Домах культуры переполнены.

Сегодня ребята-гитаристы вполне определяют одну из сторон молодежного времяпрепровождения. Гитара решительно вошла в сферу эмоций и эстетических воззрений молодежи четырнадцати — восемнадцати лет, и все, связанное с гитарой, включает сейчас в себя целый круг явлений, разобраться в которых не просто.

Вот, например, такое противоречивое явление. Можно понять, что гитара безусловно привлекла качествами, которых так не хватает другим носителям музыки — транзистору и «магу», а именно дешевизной, большей мобильностью, «интимностью», так что она легко позволяет изолироваться. И ребята с удовольствием музицируют в узком кругу. Но они же к гитаре сплошь и рядом приспособливают динамики, и их электрогитара начинает звучать в огромном помещении и на открытой площадке!

Любопытно, что гитара, этот старый, построенный в средние века деревянный ящик, является теперь нам оснащенной современной радиотехникой, и ребята, конечно же, с удовольствием паяют, конструируют, возятся со всеми этими лампами, сопротивлениями и проводками!

Не так все просто и с музыкой, которую многие готовы назвать и пошлой, и примитивной, и низкопробной. Но отказавшись ради объективности взгляда от раздражения, мы должны заметить, что ребята-гитаристы сплошь и рядом начинают на основе этой музыки импровизировать. То есть у них появляется не только потребительское, «развлекательное», но и творческое отношение к музыке, и этот факт очень и очень значителен.

Итак, если мы обратим внимание хотя бы на эти две стороны «гитарного поветрия» — на наличие в нем элементов технического творче-

ства и творчества музыкального, то уже обнаружим, сколько здесь возможностей для наблюдений и размышлений...

— Хотите поговорить с моими гитаристами? Пожалуйста! У меня их много. — Директор школы невесело усмехается. — Сколько вам нужно — пять, десять? В каждом из старших классов есть таких по несколько человек.

Кто же они, эти ребята с гитарами? Чем живут? Каков в широком смысле уровень развития того или другого из них, и каково, в частности, его музыкальное развитие? Что эти ребята сами думают о своем любимом занятии? Как к ним относятся взрослые?

Примерно так сформулировал я свои вопросы, когда, войдя в одну из московских школ, попросил директора познакомить меня с гитаристами.

Решено было, что сам директор при беседе присутствовать, конечно, не станет, тем более что ему надо идти на урок — он ведет у старшеклассников литературу. Я поинтересовался, в какой мере стены кабинета могут сковывать ребят. Директор ответил: «Любой ученик сюда входит свободно. Мы здесь не стремимся к тому, чтобы директорский кабинет или учительская внушали трепет». И действительно, наблюдая за ребятами, я убедился, что это так.

Директор ушел, пообещав потом, когда я побеседую с гитаристами, рассказать то, что ему известно о них.

Первый из ребят, восьмиклассник Виктор, был очень серьезен, говорил тихо, показался мне чересчур флегматичным. Поэтому я очень удивился, узнав от Виктора, что он играет в эстрадный ансамбль в качестве ударника, что, как известно, требует подвижности, резкости, — словом, темперамента. Виктор четыре года учился играть на баяне в музыкальной школе. «Бросил?» — «Угу». — «Почему же?» — «Так...» — «Что, неинтересно было?» — «Ну да. Ну и баян...» — «Инструмент неинтересный, да? Кому он нужен баян, верно? Даже аккордеона сейчас в ансамблях нет, так?» — «Ну конечно!» Только тут он немного оживляется и, кажется, впервые с интересом смотрит на меня. Теперь «вытягивать» из него стало легче. Виктор ходит в эстрадный ансамбль при одном из заводских клубов, ансамбль этот, вероятно, неплох, их даже показывали по телевидению, они занимали высокие места на московских конкурсах. Но Виктор мечтает о своем ансамбле, и он уже недавно создал его: три гитары (мелодия, ритм, бас), органа, ударник, Ударник — он сам (хотя игра-

ет и на гитаре тоже), органа — его двоюродная сестра-семиклассница (кончает музыкальную школу по классу рояля), гитаристы — ребята из этой школы и соседи по дому. «Все ли знают ноты?» — «Я и сестра». — «Как же разучиваете?» — «Я проигрываю на баяне, все слушают. Они тоже начинают учить и ноты. Без этого трудно». — «А где достаете ноты?» — «Это есть. Пересятые. У ребят в том ансамбле». — «Репертуар у вас уже большой?» — «Не знаю...» — «Ну, десять вещей, двадцать?» — «Нет, примерно пятьдесят». И это за три-четыре месяца существования их оркестрика! «Что же вы играете? Какая музыка?» — «Ну какая... Вот английская...» — «Битлы?» — «Ну да. Советские тоже». — «Назовешь что-нибудь?» Он задумывается, потом говорит: «А вот то, что играют «Голубые гитары», знаете?»

Виктор хотел бы стать профессионалом. Для него это означает «пробиться» со своим ансамблем — и, пожалуй, ничего больше.

Директор затем характеризует Виктора как ученика слабого по всем показателям. «Ансамбль? Еще бы, ведь это же для него способ легко заработать. Он и сейчас поживает».

Миша — десятиклассник. Видели таких скучновато-красивых юношей, которые знают цену своей внешности? Вот он из таких. Он играет на гитаре. Научили его ребята как-то летом. Ноты немного знает: когда родители (он из рабочей семьи) хотели учить его игре на баяне, но он сразу же бросил, вот с тех пор чего-то помнит. Вытаскиваю и показываю ему ноты джазовой музыки с сокращенной записью гармонии — знаком ли он с этой системой? Миша без любопытства заглядывает в ноты и отрицательно мотает головой: не знаком. «А как же разучиваете?» — «А по слуху. Ребята показывают. С мага». — «Маг есть?» — «Есть». — «Ты вместе с Виктором играешь?» — «С ним. Гитара-ритм. И с другими. Человека по три. Да сейчас некогда стало, я в десятом». — «Уроки музыки в школе тебе что-нибудь дали?» Он смеется.

Третий — Ленья, восьмиклассник. Светловолосый, доброжелательный, с хорошей улыбкой. Узнав, что я хочу беседовать с ним о его увлечении музыкой, понимающе кивает, улыбается, и сам, не заставляя через каждое его слово задавать новый вопрос, начинает рассказывать.

— Я четыре года назад стал играть в эстрадный ансамбль. Играю там и сейчас — ударник. В ансамбле все взрослые, работают на заводах, есть студенты, я там младше всех. Меня взяли, потому что сразу

стало получаться. А с этого года поступил в музыкальную школу, учусь на саксофоне-теноре. Саксофон очень нравится. Сейчас уже кое-что могу играть. Саксофон дали в музыкальной школе, своего нет, потому что дорого стоит.

Ленья совершенно определенно отвечает, что его привлекает сама музыка, процесс игры. «Импровизируете в ансамбле?» Лицо его озаряется улыбкой: «Да. Я импровизировать очень люблю». — «Вот выучишься ты играть на саксофоне, а что дальше?» — «Хорошо бы собрать свой ансамбль. Органола, саксофон, гитара-бас и ударник. И играли бы при каком-нибудь клубе».

Ленья рисует мне очень любопытную картину. Оказывается, каждый клуб заинтересован, чтобы был свой эстрадный ансамбль. Ведь клуб должен устраивать вечера, выезжать с программами в учреждения, и если нет своего ансамбля, приходится за деньги нанимать музыкантов со стороны. Поэтому удобнее на основе кружковой работы выделить помещение для репетиций, купить ребятам инструменты, и это обоюдно выгодно: клуб не тратит лишних денег, а ребята музицируют да еще зарабатывают — для клуба и для себя... Спрос на ансамбли велик — только предлагай. С ансамблем обычно выступает девушка-певица. Что они играют? Ленья легко перечисляет: «блюз», «твист», «мелодия», несколько других английских и американских оркестровых пьес, подумав, вспоминает две песни наших композиторов. Он бывает на эстрадных концертах, хотя и редко, называет лучшие эстрадные коллективы: «Голубые гитары» и «Веселые ребята». Не пропускает, когда их концерты передаются по телевизору. Транзистора и магнитофона у него нет.

Директор говорит о Лене совершенно неожиданное. Оказывается, парень заброшенный, родители его в разводе и им до него дела мало, так что Ленья чуть ли не сам должен обеспечивать себя во всем. Учится в восьмом второй год, а перед этим два года был в седьмом. На уроках — полнейшее равнодушие: тихо сидит где-то в конце класса, никому не мешает, но и ничего не делает. «С ним очень трудно. Конечно, после восьмого уйдет, и что с ним будет — не знаю...»

Приходит девятиклассник Коля. С первого взгляда он как на ладони: развязность, прикрытая напряженной сдержанностью, наглость, прикрытая показной уважительностью, полная пустота за внешней заинтересованностью. Глаза бегают, ему явно неуютно, непривычно говорить вот так, один на один с кем-

то из взрослых. Вот уж кому мешают стены директорского кабинета! Если мой вопрос подсказывает «положенный» ответ, этот ответ выдается со скоростью автомата; если надо подумать, следует быстрое «что?» или «а?» — и вопрос приходится повторять. Играет на гитаре. Нот не знает. Их трое. Уже почти ансамбль. «А вот кончишь школу и будет выбор: слесарь или гитарист, — кем бы стал?» — «Конечно, гитарист!» — «Это только ты так думаешь или вы все?» — «Все».

Спрашиваю, какую музыку он знает. Пожимает плечами. «Симфонии? — морщится. — Неприятно их слушать. Да ведь их понимать надо». — «А на гитаре — тут все ясно, да?» — «Ну да!» Уроки пения? Разве это уроки?! Отсидел и все. Лучше бы учили играть на чем-нибудь. Как относится к гитаристам директор? «Что?.. Хорошо. Заработайте, говорит, деньги для школы, куплю вам инструменты и усилители. Мы на вечерах выступаем». Уходит, отдуваясь: тяжело ему дались эти десять минут «умного» разговора...

Директор характеризует Колю как хулиганистого, с темными свойствами парня. Оказывается, были уже в школе и гитары и усилители. Кто-то из гитаристов «навел» посторонних парней, и в воскресенье они попытались совершить кражу. В школе есть сигнализация, и ряд милиции парней задержал.

«Теперь, — говорит директор, — я своим гитаристам сказал, что ничего для них делать не буду. А выступать на вечерах — пусть выступают. Я их не гоню».

Последний — веселый, симпатичный блондин-верзила Дима. Он склонен к юмору. «Все играют — и я. Мода такая». Он единственный говорит о гитаре как о приятной забаве — и не больше. «Быть профессионалом? Да что вы! Не всю ведь жизнь этим заниматься!»

Сестра его училась в музыкальной школе. Он сам может послушать серьезную музыку. «Например? Ну... Бетховен! Как это... «К Элизе»?» — «Наверно, это сестра играла?» Он откровенно хохочет: поймал я его. На гитаре играет с прошлого лета. Учили и учат его старшие ребята, которые скоро уйдут в армию. Тут ему в голову приходит забавная мысль, и он со смехом говорит: «Но это ничего, они уйдут, и тогда уже мы других учить будем!» Я не выдерживаю, и мы смеемся вдвоем. «А вообще-то, знаете, интересно. Сам разбираешься, копаешься, гармонии подбираешь. Мне не так музыка, сколько само это занятие нравится. Ну и с ребятами вечером посидеть, поиграть — это тоже неплохо».

Потом мы еще долго говорим с директором. В каждом классе, начиная с седьмых, есть по шесть-восемь человек, так или иначе связанных с музыкой. Из них девочки обычно проходят через музыкальную школу, ребята — вот эти самые гитаристы. С уроками пения и музыки, действительно, плохо. Высококвалифицированные педагоги в общеобразовательной школе работать не хотят. Учителя пения меняются один за другим, хороших нет. Сейчас у них девушка девятнадцати лет, кончила музыкальную, она тоже уйдет. Она где угодно работает, хоть частными уроками... «Вот, вот чем надо заняться: постановкой музыкального дела в общеобразовательной школе! Здесь узел всего!»

Верно. Надо заняться... А пока, после знакомства с гитаристами, что же мы видим?

Обобщать, особенно когда речь идет об эстетических запросах разных разных по интеллектуальному уровню и по воспитанию подростков, трудно, можно ошибиться. Не хочу сказать, что гитарами увлечено большинство их; не хочу сказать, что все ребята связаны с компаниями (хотя есть исследование по одному нашему областному центру, где процент ребят, прошедших через «группы сверстников», достигает восьмидесяти пяти); не хочу сказать также, что с этим явлением нужно бороться общественности или административно — такие призывы за пределами темы «Музыка и каждый из нас». Но отбросив шелуху моды, тяги к «красивой жизни» и все прочее, что не имеет прямого отношения к музыкальному воспитанию, мы можем все-таки сделать по крайней мере один вполне определенный вывод.

Они — подростки и юноши — откладываются принимать музыку в пассивной форме, только как слушатели. Если им нужна музыка — то им нужно непосредственное участие в ней. Творческое, активное начало, действие, ведущее к внутреннему перерабатыванию музыки — вот что влечет молодежь. Это стремление согласуется с лучшими чертами юности, и было бы непостижительно не видеть того хорошего, что заложено в активном музицировании, пусть даже оно «поветрие».

Эти гитары — весьма сильное оружие, владеть которым подростки учатся сами. Им бы хороших учителей, да не тогда, когда они и без нас уже умны, а пораньше, с детства. И, наверно, не только гитару, а что-то еще можно было бы им предложить?

Что же?

Феликс РОЗИНЕР

говорят дети

Оля, 3 года

Летом в деревне увидела рябую курицу:

— Мама, смотри, на курицу снег выпал!

В праздничный день спрашивает:

— А завтра в садик?

— Нет, завтра и послезавтра выходной!

— Как интересно: праздник к выходному прицепился.

Бахадур, 4 года

Увидел во дворе кошку рядом с ягненком:

— Мама, смотри, кошка ягненку сказку рассказывает.

Марина, 3 с половиной года

— Марина, вам в детском саду дают салфетки за обедом?

— Нет...

— А как же ты рот вытираешь?

— А я облизываюсь...

— А будет так, чтобы вместе с ростом человека и одежда росла?

Илья, 3 года

— Можно я в аквариуме докоснусь до рыбки?

...— А где ключ от этой дырки?

Анюта, 2 с половиной года
Мама подает ей новые сандалии:

— Обуйся сама.

— Не могу.

— А ты попробуй!

Лизнула сандалию:

— Уже попробовала.

Сережа, 4 года

Пришел с прогулки.

Мама:

— Ты, наверное, опять весь мокрый!

— Нет, не весь — ремень сухой и шарф!

Игорь, 4 года

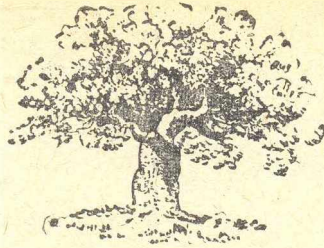
Мама рассматривает его рисунок:

— Что же ты не нарисовал, как хотел, мальчика в клетчатой рубашке?

Игорь удрученно:

— А у меня клетчатого карандаша нет...

Записали наши читатели: В. Павлова (Удмуртская АССР), Р. Муртазина (Чимкентская область), М. Мелкумова (г. Грозный), С. Бодунов (Москва), В. Туракина (Киргизская ССР), М. Петрович (г. Уфа), З. Бапкина (Свердловская область).

дары, а не жертвы

В начале прошлой осени я получил три письма. Все они посвящены каникулам, которые дети провели в деревне.

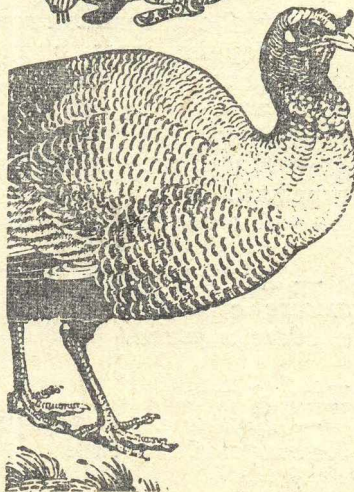
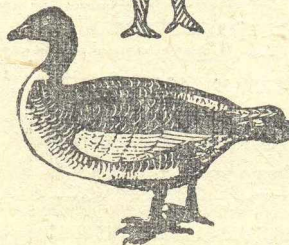
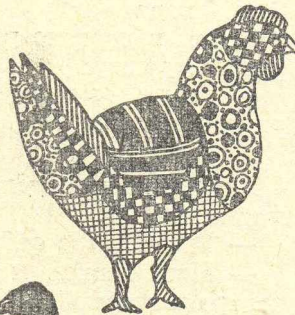
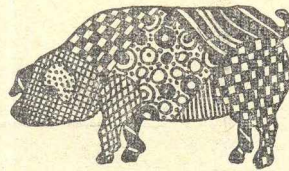
«Моя дочь летом жила у родственников под Рязанью. Она была очень довольна своим отдыхом. Привезла много рассказов о реке, о грибах, о ягодах. Но меня очень расстроило, как она, будто между прочим, сообщила: «В воскресенье мы ели прекрасный куриный суп из петуха, которого дядя Витя забил в честь моего приезда...» Я хочу вас спросить, а не оставят ли такие поездки в деревню у девочки следов жестокости?»

«Мой сын летом жил у бабушки в деревне Псковской области. Я сама выросла в деревне и знаю весь нелегкий крестьянский труд. Люблю и ценю красоту деревенской жизни и считаю, что для мальчика только польза, если он летом поживет так, как жила его мать. А вот наш отец, мой муж, считает, что поездка сына в деревню может родить у него грубость — ведь ему приходится там знакомиться и с «производством мяса», когда убивают для стола скотину...»

Третье письмо тоже начинается со слов: «Мой сын жил летом в деревне...» А дальше так же рядом с описанием прелестей природы перечисляются «грубые стороны» деревенской жизни, говорится, что сын был просто потрясен такими картинами, как «отрубание головы петуху», «убийство поросенка», «убийство кроликов» и т. д.

За прямыми вопросами, которые задают авторы писем, безусловно стоят серьезные проблемы общения ребенка с живой природой.

...В 1944 году родители отправили меня к дальним родственникам в деревню. Жизнь была в ту пору очень тяжелой, в колхозе работали

даже дети. И я никогда не забуду ту миску каши, которая полагалась каждому, кто работал на молотилке. Не забуду я и ранние утренние зори над Окой и ершей, которых мы ловили, походы за грибами и за орехами. Красота природы и польза, которую от нее получают как бы слились воедино. Я любил животных, но вместе с тем быстро усвоил, что кнут существует для того, чтобы стегать лошадей и подгонять стадо коров, что петуху всегда готов котелок в печи, что свинья осенью забивается, чтобы зимой можно было есть щи с мясом, и что собака, отслужившая свой срок, обычно прижимает в голову заряд дробин.

Сейчас, когда прошло много времени, я могу «красочно» рассказать о том, как забивают петуха. Причем могу это сделать так, что у читателей возникает чувство отвращения к человеку, лишившему петуха жизни. Но почему же тогда (и не только тогда, но и много позже — я жил в деревнях часто) эти картины «отрубания головы», «убийства» не оставили своего горького следа? Был ли я мал? Или был не очень чувствителен к страданиям животных? Вроде, нет.

Дело здесь, мне кажется, в том, что для современного городского ребенка общение с природой связано только с временным удовольствием.

В наших домах появляются аквариумы, птички, хомячки, собаки. Но как же часто мы забываем, что общение с природой не ограничивается эстетическим и моральным восприятием леса, воды, облаков, птиц, зверушек! Как мало мы рассказываем детям, что природа требует от человека внимательного ухода, большой работы и только за это она принесет ему свои дары.

Да, дары, а не жертвы. В словах сельских ребят нет таких слов, как убить, уничтожить. Быков, коров, телушек, свиней, кроликов не убивают, а «забивают». За убийство домашнего животного виновные могут понести уголовную ответственность. А за продажу мяса государству, а тем более сверхплановую, колхозы и совхозы получают награды и премии. И это с

природа

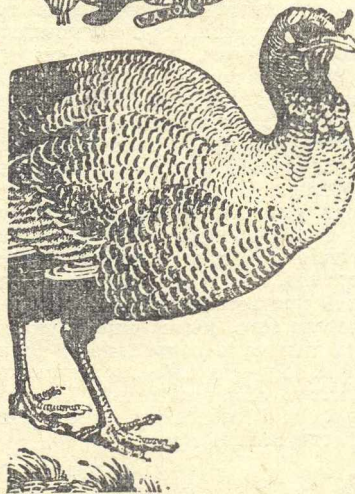
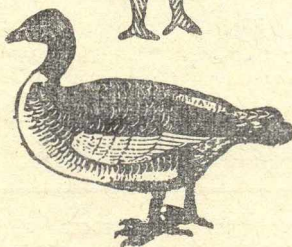
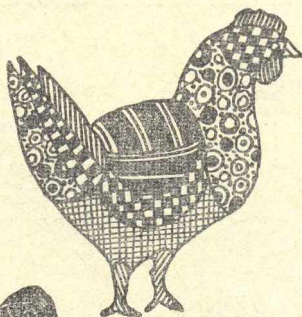
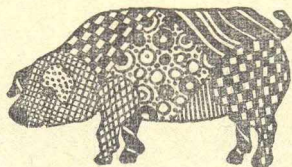
природа

раннего детства известно всем живущим в сельской местности.

Мне приходилось встречаться в селах и деревнях с городскими ребятами, которые приезжали туда на лето. Одни из них быстро познавали мудрость сельской жизни. К концу лета они уже знали, что для коровы надо косить сено, для кроликов носить траву — и делать это изо дня в день. Они знали, что кроликов все-таки едят, и это не оставляло у них вроде бы никаких следов душевной травмы или холодного рационализма. Я разговаривал с этими ребятами, интересовался их жизнью в городе. И почти все из них так или иначе еще до поездки в деревню уже были знакомы с природой, любили (подчеркиваю) по-настоящему птиц и зверей, ухаживали за ними в городе — и теперь живо пополняли свои знания в деревне.

Встречались мне и другие дети. Мне приходилось наблюдать за городским мальчишкой в возрасте 12 лет, который настоятельно требовал у хозяев дома, где он жил летом, чтобы именно ему доверили отрубить петуху голову. Этот маленький гость носился по лесу и разорял гнезда, разорял беспечно, ради озорства. После очередного разбойного налета маленького вредителя на гнезда птиц я попытался с ним поговорить. Начало разговора его удивило — я не ругал его, а просто интересовался, ухаживал ли он когда за животными, сажал ли цветы? Ответ был простой: «Держать дома собак — зачем? От них только грязь». (Как выяснилось позже, эти слова принадлежат родителям). Рыб в аквариуме — зачем, из них уши не сваришь. Дальнейшие наши разговоры помогли установить, что однажды он все-таки принес домой котенка («это было давно» — а мальчику 12 лет!), но мама не разрешила...

Но когда я вспоминаю городских ребят, которых встречал летом в деревне, не могу не сказать и о тех мальчишках и девчонках, которые все-таки не приняли для себя «жестокостей». Эти ребята тоже ухаживали за аквариумами, за птичками, за собаками, они

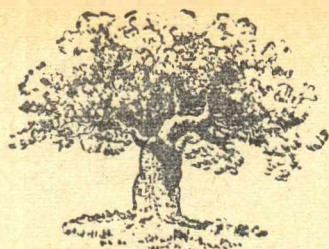
тоже любили все живое, но их любовь не помогла им понять до конца простой (или непростой?) правды отношения человека с природой. В чем же дело?

Я хорошо знал одного умного, задумчивого мальчишку. Он рано утром уходил из деревни, собирал цветы для гербария, ловил бабочек. Мы часто сидели с ним рядом на берегу реки и смотрели на воду. Дома у мальчика был большой живой уголок. Летом за животными ухаживали мама и папа, которые, конечно, поддерживали занятия сына. В живом уголке у мальчика жили рыбки, хомяк, черепаха, певчие птицы и два «ручных и дрессированных» кролика. Эти кролики умели скакать по сигналу, прыгать через обруч. Мальчик очень их любил и считал самыми лучшими в живом уголке. Это были простые серые кролики, точно такие же, каких ребята из сельской школы, что была в той деревне, куда приехал мальчик, выращивали на своей школьной ферме.

Школьная ферма была известна в области, о ней писали в газетах. Кроликов было много, и сельские ребята старательно ухаживали за ними. На ферме был образцовый порядок. И главное, были строго выдержаны все нормы отношения с кроликами. Кроликов на ферме никто не забивал, в деревне этих кроликов никому не отдавали и не продавали. Осенью, когда кролики подрастали, их увозили.

Но никаких переживаний по поводу того, что «моего кроличка убьют», не было. Этому способствовало и то, что на ферме строго-настрого было запрещено «любопытаться» с кроликами. Кроликам нужен уход, нужна пища, внимание. Все. На этом цепочка обрывалась — и кролики передавались другим людям, которые за ними никогда не ухаживали. Любовь и заботу здесь не совмещались — так же, как не совмещается уход за коровой (это делает хозяйка, помогает ей дочь) и заботу коровы (это делает либо хозяин, либо сосед).

Итак, на ферме все было в порядке. И мальчика, который держал в своем живом уголке кроли-

ков, конечно, потянуло к ребятам, которые выращивают (подчеркиваю — только выращивают) точно таких же домашних зверьков. Знакомство окончилось неважно. Гость увидел на стене грамоту, где было написано, что ребята фермы сдали в прошлом году столько-то кроликов. Он тут же покинул ферму и никогда туда больше не заглядывал. Совместить в себе сразу своих любимых кроликов, которые «умеют все делать», и точно таких же кроликов, которых сдают, и, конечно, на мясо, он не мог.

Я думаю, единственный выход такой: никогда не прививать особую любовь, любовь, которую на школьной ферме называли «люлюшканьем», к животным, которые так или иначе используются нами в качестве пищи. Эта любовь-люлюшканье и оборачивается глубокими травмами души.

Невольно задумаешься, когда встретишь в городском дворе девочку, обнимающую кролика, или увидишь в школьном живом уголке петуха или курицу. К этому петушку тянутся детские ручки, рождается любовь — а откуда недалеко до вопроса: «А тот петушок, из которого ты, мама, сварила суп, тоже был живой?»

С кем играют, с кем возятся сельские ребята? С кошками и с собаками. А кошек и собак в пищу не употребляют. И играют ребята и с цыплятами, и с гусятами, и с утятами, и с ягнятами. Но очень скоро цыплята, утята, гусята, ягнята подрастут, и дети их постепенно забудут. Куры будут бродить по задкам деревни, утки и гуси держаться около реки, а ягнята уйдут в стадо. Взрослые птицы и скот уже не вызывают у ребят столько радости. А если мальчишке или девочке и позволено ухаживать за взрослой птицей или скотом, то этот уход уже не та любовь-люлюшканье, которая допустима в отношениях с кошками и собаками.

Ни грубостей, ни жестокой правды, как таковых, нет — есть знание жизни, и это знание мы должны вовремя донести до наших детей.

Анатолий ОНЕГОВ

„добро пожаловать“ или „посторонним вход воспрещён“?

Мы решили написать об одной экскурсии, которую организовали для школьников в городе Няндоме Архангельской области. Учеников пятого класса призели на мясокомбинат. Там им показали способы убоя животных электрическим током, дети видели, как с животных снимали шкуры, разделявали туши. Закончилась экскурсия посещением колбасного цеха. Мы не знаем, какие цели преследовали организаторы экскурсии, но только многие дети были потрясены и травмированы.

Одна девочка возвратилась с головной болью, весь вечер плакала, а вместе с ней и сестренка-первоклассница, с которой старшая поделилась впечатлениями.

Больше того, детям еще дали задание написать сочинение об увиденном. Трудно себе представить, что могут они написать? Нам кажется, что подобные экскурсии приносят только вред.

А. ШИПАЙЛО,
Т. БОНДАРЕНКО
Няндомский леспромхоз

С письмом редакция ознакомила Министерство просвещения РСФСР. Предоставляем слово методисту Центрального методического кабинета воспитательной работы Галине Семеновне ЛАВКОВСКОЙ.

— Что такое экскурсия в школе? Она, скажем, помогает пополнить знания, полученные на уроке, глубже изучить тот или иной предмет. Или ребята могут отправиться с пионервожатым или учителем на местное предприятие. Или в музей.

Обратимся к программам по природоведению или биологии. Здесь предусмотрены, начиная со второго класса, экскурсии в лес, в парк, на водоем, где поют птицы, ползают муравьи, летают бабочки. Полнокровное восприятие животного мира, — когда ребенок присматривается к облику зверей, изучает их повадки, привычки, знакомится с образом жизни, — и рождает любовь к живому.

Программой по биологии исключены такие лабораторные работы, в ходе которых приходилось бы вскрывать млекопитающих и птиц. А если проводят физиологические опыты на лягушке, то ее умерщвляют заранее в отсутствие учеников.

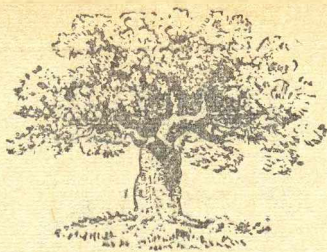
Я думаю, что теперь нам легко будет ответить на вопрос, допустимы ли экскурсии наподобие той, что была проведена в Няндоме.

Конечно, дети понимают, что человек не просто любит животных. Из того же школьного учебника они черпают сведения, кто дает людям мясо и молоко, кто шерсть, кто перья и яйца. Но даже «потребительские» отношения человека с животным миром обогащены культурой и трудом. Не случайно программой предусмотрены экскурсии на животноводческие фермы, где дети могут видеть, как и чем кормят животных, как ухаживают за ними. И разве ближайший колхоз или совхоз не мог бы стать целью летнего маршрута няндомских пятиклассников?

Возможно, в небольшом городке мясокомбинат — ведущее предприятие. Но вход сюда детям запрещен.

Когда мы отправляемся с детьми в кино, мы ведь показываем им не любую картину, а только ту, которую им можно смотреть. И объек-

природа

природа

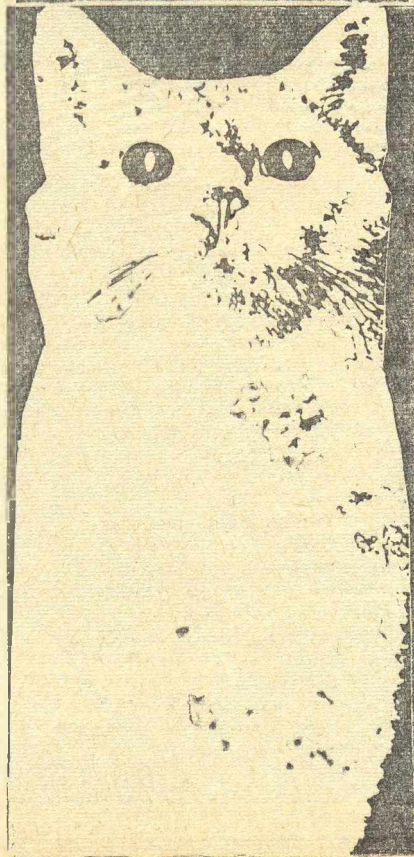
ты для экскурсий тоже надо выбирать вдумчиво. Если это химический комбинат, где есть вредные цехи, вести туда школьников нельзя, потому что мы не имеем права подвергать опасности их здоровье. Нельзя вести детей и на мясокомбинат, бойни, потому что подобные экскурсии наносят вред здоровью их души.

учёный кот, днём и ночью

У нас живет самый обычный зверь — серый сибирский кот Мишка. Но от этого достоинства его ничуть не уменьшаются.

В обед сижу, читаю, а наш кот Мишка занимается тем, что набрасывается на мою руку и начинает неистово ее грызть и поддавать задними лапами. Когда же я его страхну со своей руки, стремглав мчится в другую комнату. Оттуда вскорости наступает снова с вытаращенными глазами, распушенным и воинственно поднятым хвостом и с выгнутой дугой спиной. Если на него шикнуть в этот момент, то он останавливается и угрожающе поводит головой в сторону, явно пытаясь меня напугать.

Вечером, когда Петя нагуляется и сделает уроки, позанимается музыкой и пора уже спать — вот тут-то и начинается у них с Мишкой самое буйное веселье. Мишка чувствует приближение этой минуты и уже наготове. Петя, после неоднократных напоминаний и увещаний оторванный, наконец, от книги или от баяна (особое усердие в том и другом проявляется непременно тем сильнее, чем ближе время ложиться спать), медленными и мелкими шажками отправляется в свою комнату. Мишка принял сигнал, в восторге быстренько догоня-

ет его и зубами и когтями всех четырех лап вонзается в его ногу. Петя кричит и бежит по комнате, Мишка ловит его за ноги и кусает. Оба очень довольны.

Наконец Петя в кровати. Мишка стоит под кроватью на задних лапах и старательно толкает лапку между кроватью и настенным ковриком. Иногда ему удается зацепить Петин палец. Раздается визг и хихиканье. Возмущенная до глубины души, иду к ним — включаю свет. Все тихо-мирно. Петя лежит с закрытыми глазами, Мишки нигде нет. Заглядываю во все углы, достаю его из-под шифоньера и выдворяю на кухню.

Ночью Мишка спит под моей кроватью на картонной коробке со старыми книгами. Утром просыпается раньше всех и явно скучает в одиночестве. Сначала цепляет лапкой за панцирную сетку кровати и раздается звон, от которого я просыпаюсь. Но вставать мне не хочется. Тогда хитрый Мишка слезает со своей коробки и начинает катать какой-нибудь из шариков от Петиних игр. Я встаю и забираю у него шарик. Через некоторое время Мишка отыскивает другой. Сон у меня пропадает, я встаю. Мишка со всех ног бросается на кухню, к холодильнику.

Другой раз у него проявляются совсем уж собачьи наклонности. Вот Петя разворачивает шоколадку. Мишка услышал шум фольги, насторожился и ждет. Петя скатывает фольгу в шарик и бросает в дальний угол комнаты. Мишка мчится следом. Подается команда: «Неси сюда!» Мишка важно шагает обратно, шарик у него во рту. Принес, прилег на живот, положил голову на пол. Нужно его погладить и похвалить и можно начинать все сначала. Эта игра нравится обоим сторонам и вызывает удивление и восторг присутствующих при сем Петиних друзей.

Конечно, я никого не удивлю своим рассказом. Кошки есть в каждой семье. Но обратите на них внимание, приглядитесь и вы увидите, какие это милые и не глупые (как иногда принято считать) животные.

Н. МАРКОВСКИХ
дер. Ельдигово Московской области

у врача

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

Пухлый малыш неизменно вызывает умиление: вот молодец, ест, наверное, хорошо, а то ведь у других с едой одно расстройство. Но подросток, отличающийся своей полнотой, уже наводит на тревожные мысли: у него или сердце большое, или нарушен обмен веществ. Родители начинают беспокоиться, показывать его специалистам. Часто диагноз таков: ожирение. И вот что любопытно: примерно у двух из трех таких детей ожирение начинается с первых месяцев жизни в ту самую «пору умиления».

Дети, страдающие ожирением, по большей части вялые и малоподвижные. Они вынуждены сторониться шумных игр и забав сверстников. Быть может — хоть какое-то утешение! — они болеют реже? Ничуть не реже. Более того, заболевания протекают у них более тяжело — ниже способность сопротивляться инфекциям. Очень склонны полные дети и к проявлению экссудативного диатеза. Итак, не радуйтесь, что ваш малыш такой пухленький. Задумайтесь — не повредит ли ему полнота?

Но и худые дети не отличаются крепким здоровьем! Они чрезмерно подвижны, легко возбудимы, у них часто меняется настроение, они много капризничают. Но где же грань худобы? Если по виду ребенка довольно легко определить, что он страдает ожирением, то худобу не всегда удастся оценить «на глазок». Есть дети, которые лишь кажутся худыми из-за высокого роста, и, наоборот, дети, худоба которых совсем не заметна, так как они малы ростом.

Всегда легко обратиться к нормативным показателям физического развития ребенка — в них обязательно учитывается соотношение веса и роста ребенка (а в раннем детстве принимается во внимание еще и вес при рождении). Не случайно в течение всего первого года жизни ребенка участковый педиатр определяет его росто-весовые показатели каждый месяц. У более старших детей такие измерения проводятся раз в квартал, а затем раз в полгода и раз в год. Беспокойство родителей — не худой ли ребенок или не чрезмерно ли он полнеет — достаточно уважительная причина, чтобы прийти в любое время, не дожидаясь очередного срока, и наметить с врачом общую программу действий.

Прежде всего, вы, конечно, не будете своего сына, страдающего ожирением, стыдить, называть обжорой (хотя бы потому, что ведь это вы, собственно, сделали его таким). Напротив, вы поможете ему —

шуткой, сочувствием, уверенностью, что все поправимо. Дети, страдающие ожирением, обычно готовы съесть очень много. Надо постепенно уменьшать им порции и жестко ограничить мучное и сладкое. Нельзя сокращать рацион за счет молока и мяса, содержащих ценные белки. Всегда должны быть овощи и фрукты.

Ну а плохой аппетит, изводящий (и не зря) матерей и бабушек? При всяком явном нарушении аппетита всегда необходимо удостовериться — не следствие ли это какого-либо заболевания? К сожалению, очень часто ребенок теряет аппетит еще в конце первого года жизни — из-за неправильного режима кормления, из-за недостаточно тактичного введения в рацион новых видов пищи. Здесь нужны терпение и настойчивость. Только они позволят избежать новых ошибок: ведь часто, стараясь, чтобы ребенок хоть что-то съел, ему совсем не вовремя суют сушки, или сладости, или котлеты — в каждой семье свои «традиции». Естественно, нарушение аппетита только усугубляется — ведь детей всегда надо кормить только в определенные часы, с четырехчасовыми промежутками.

Но решающий регулятор нормального аппетита, а значит, и веса — правильное питание. У ребенка все жизненные процессы идут более интенсивно, чем у взрослого, а это требует увеличенного потребления как энергетического (жиров и углеводов), так и пластического (белков) материала.

Усиленные обменные процессы требуют повышенного количества стимуляторов обмена — витаминов, гормонов и ферментов; гормоны же и ферменты в свою очередь требуют для своего образования увеличенного расхода белков и минеральных веществ.

Пусть в пищу ребенка входят самые разнообразные продукты. Обязательно молоко, творог, мясо как основные источники белков. Сливочное и растительное масло — источники жира. Овощи и крупы — источники углеводов. Животные и растительные продукты должны сочетаться друг с другом. Например, гречневую кашу следует давать с молоком, мясную котлету с гарниром из овощей, макаронную запеканку с творогом. Так же обязательно сочетание различных жиров — животных (молоко, яйца, сливки, сметана, сливочное масло) и растительных (подсолнечное, кукурузное масло). В животных жирах содержатся витамины А и Д, без которых невозможен правильный рост и развитие организма, а

растительные жиры содержат так называемые ненасыщенные жирные кислоты, которые принимают активное участие в окислительных процессах. Поэтому ребенку дошкольного и школьного возраста совершенно необходимо 10 граммов растительного масла в день. Этим маслом обычно заправляют салаты.

Что касается углеводов (крахмала и сахара), то рацион ребенка должен содержать их в 4 раза больше, чем белка и жира. Углеводы «экономят» белки, способствуют лучшему их усваиванию.

Летнее время позволит вам увеличить количество овощей и фруктов в рационе ребенка. По возможности, их следует давать в натуральном виде (в салатах, винегретах), делать из них соки. Помните о быстрой разрушаемости витаминов. Овощи и картофель лучше варить на пару, закладывать овощи в кастрюлю только тогда, когда вода или бульон закипели. Овощной отвар хорошо использовать для приготовления подливок, соусов — в нем содержится много солей и витаминов.

Когда вы заботитесь о полноценном питании ребенка, помните об одном: все хорошо в меру.

Избыток белка приводит к тому, что белки не расщепляются до конца, и недоокисленные продукты распада вызывают отравление.

Избыток жира задерживает выделение пищеварительных соков, снижает аппетит и нарушает процесс пищеварения. Это ухудшает также и усвояемость белка.

Избыток сладкого превращается в жир, который откладывается «про запас».

Обильное употребление пищи, богатой сахаром и крахмалом, если ребенок недостаточно двигается, ведет к ожирению.

Все ли родители знают, что есть периоды «округления» и «вытягивания», сезонные колебания прибавок веса и роста? Так, с апреля по июнь, когда в солнечном спектре больше ультрафиолетовых лучей, дети интенсивнее растут, а с августа по ноябрь они активнее набирают вес.

Итак, давайте помнить о главном — ребенок не должен быть ни тонким, ни толстым. Его рост и вес должны соответствовать возрасту. Он должен быть здоровым и жизнерадостным, активным и подвижным. Он все должен делать с удовольствием — бегать, играть и... есть!

*Р. ТОНКОВА-ЯМПОЛЬСКАЯ,
доктор медицинских наук,
Л. ГОЛУБЕВА,
кандидат медицинских наук*

дети
разных народов

ПОД КРЫШАМИ ЯПОНИИ

Рассказывают
доктор исторических наук
С. АРУТЮНОВ
и научный сотрудник
Института Дальнего Востока
Академии наук СССР
А. ТЕЛЕШЕВСКАЯ

ДОМ УЧИТ СДЕРЖАННОСТИ

Японский дом почти пуст. В нем, на взгляд европейца, нет мебели, мало утвари. Жизненный уровень в Японии оставался весьма невысоким до самого последнего времени, и это создавало в каждой трудящейся семье умение экономить, довольствоваться крайне малым.

Японский дом состоит в основном из тяжелой и прочной крыши. Все остальное сделано из очень легких, легко повреждаемых материалов. Соломенные циновки на полу, рамы, оклеенные прозрачной бумагой, вместо стен и окон (в случае непогоды снаружи их закрывают деревянными ставнями), передвижные картонные ширмы вместо внутренних перегородок. Одному из нас неоднократно приходилось жить, хотя и не очень подолгу, в таких домах, и очень скоро обнаруживалось, что всего за несколько часов удавалось нанести хозяевам существенный ущерб. В ряде мест уже видны были дырки в бумаге и картоне, образовавшиеся при неумелых попытках гостя отодвинуть ширму. Судя по отсутствию старых дырок, с жителями дома, даже самыми маленькими, таких конфузов обычно не случалось.

Вся обстановка японского дома воспитывает в ребенке, едва начинающем ходить, сознание того, что его окружают хрупкие предметы, и соответственно очень большую сдержанность, сосредоточенность и четкость в движениях. На небольшой площади дома люди сидят, едят, занимаются всеми делами в основном без мебели, прямо на циновочном полу, а на ночь, перегородив дом ширмами на клетушки, на этом же полу раскладывают спальные матрасы. Картонные ширмы и бумажные стены могут дать только зрительную изоляцию. Не то что крик, но каждое громко сказанное слово будет слышно не только в дальнем конце дома, но, наверное, и в нескольких соседних домах. Поэтому японские дети, даже самые маленькие, почти никогда не кричат громко.

Надо добавить, что в условиях сельской жизни (а еще лет 30 назад 80 процентов жителей Японии были сельскими жителями), где ребенок рано приобщается к крестьянскому труду, в поле действовали почти те же факторы, что и дома. На крошечных, интенсивно обрабатываемых участках каждый росток сорняка выпалывается вручную,

складывается в корзиночку и уносится на корм домашней птице или животному. Весной, когда идет посадка риса, каждый росток рассады высаживается людьми, стоящими по колено в холодном жидком иле, строго по натянутой бечевке на совершенно одинаковом расстоянии один от другого. Четкость, аккуратность, умение стоически переносить неудобства и, наконец, умение работать с утра до ночи, иначе на своих нищенских надеждах японский крестьянин просто не смог бы себя прокормить, — этому учат каждый день, всей своей жизнью.

Понятно поэтому, что в начальную школу приходит контингент уже высокودисциплинированных шестилетних малышей. Дети всюду остаются детьми, и японские дети шалят, резвятся и веселятся. Но даже в самой веселой игре, даже в шалостях, даже в потасовке ощущаются постоянное осознание определенных рамок, какая-то внутренняя сдерживающая привязь, дальняя которой пойти нельзя. Вспоминается то изумление, которое один из авторов этой статьи испытал, впервые попав в японскую начальную школу. Как раз была большая перемена и по длинному коридору мчался поток резвящейся детворы. Но это был не беспорядочно вихрящийся поток: посередине коридора, как по шоссе, проходила пунктирная линия, и поток детей в два ручья организованно тек по двум сторонам ее, соблюдая левосторонний принцип движения, принятый на японских улицах. Прямо под ноги гостю, опять-таки соблюдая левостороннее движение, катился комок из трех вцепившихся друг в друга, тузачих друг друга мальчугов. Внезапно комок остановился и рассыпался. Три карапуза чинно встали, увидев незнакомого взрослого дядю, ответили принятые у японцев поясные поклоны, затем деловито вцепились друг в друга и в прежнем темпе покатались дальше.

Такая организованность и дисциплинированность детей позволяет японским педагогам справиться с огромными, по нашим понятиям, классами по 60—70 человек в каждом.

баловство в рамках

Существует мнение, что японцы очень балуют своих детей. На первый взгляд, это действительно так. Взрослые покупают им много игру-

шек, во время праздников на каждой улице устанавливаются бесчисленные лотки со сладостями. Если ребенок закапризничает и не захочет идти в детский сад — его оставят дома, если он возьмет без спросу чужую вещь — ему скажут, что он поступил плохо и чтобы впредь он этого не делал, но не больше. Ребенка, расшумевшегося в общественном месте, не отругают, как произошло бы у нас, в лучшем случае слегка пожурят, а то и вовсе оставят это происшествие без внимания. Детей в Японии воспитывают уговорами, личным примером, внушением чувства долга перед родителями. К наказанию прибегают лишь в том случае, когда оно действительно считается необходимым. Причем, по старинному обычаю, вся семья просит милости «осужденному», а маленькие братья и сестры настаивают на своем праве быть наказанными вместо него.

Японские родители придают большое значение собственному поведению. В романе Ямамото Юдзо «Жизнь женщины» есть эпизод о том, как маленький мальчик Масао выбросил из аквариума золотую рыбку. Родители пытаются выяснить причину его поступка. И вот что обнаруживается. Оказывается, накануне его отец, придя домой, увидел плавающую на поверхности дохлую рыбку и без долгих размышлений выбросил ее в окно. Масао видел это. Отец совершенно справедливо делает вывод, что возможно ребенок просто подражал ему, совершенно не разбираясь, какие из рыбок живые, а какие мертвые. Но родители, поняв причину его поступка, не ограничиваются этим. Может быть, он просто хотел пошалить, взять золотую рыбку в руки интересно, бросить ее на землю тоже интересно, — почему бы этого не сделать? «Так или иначе, в присутствии таких крошек нельзя быть рассеянным», — делают вывод родители Масао.

Если считать баловством подобные методы воспитания — пусть будет так. Однако попробуй ребенок набраться отцу или занять его место за столом, попробуй он не поклониться, когда тот войдет в комнату, попробуй он ослушаться старшего брата или вступить с ним в пререкания по самому малозначительному поводу — вовсе не так терпимо по отношению к его поступкам будут вести себя его родители в этих случаях. Так что здесь, на наш взгляд, имеет место, скорее, не баловство, а рациональность: если то, что хочет сделать ребенок, не нарушит основных устоев нравственности, если его желание не противоречит нормам, ко-

торые внушаются ему каждый день и каждый час, — то пусть будет так, как того хочет ребенок. Но вот когда дело коснется этих «если», когда поступки ребенка будут расходиться с ними — тогда пощады не жди. Что это: баловство? Нет, скорее, благоразумие или баловство в рамках дозволенного. Если запрещать и в «главном» и во «второстепенном», то внимание ребенка рассеивается по пустякам, а на соблюдение тех правил, которые считаются действительно значимыми, ребенка уже просто не хватает.

об умении кланяться

Мальчик или девочка, старший сын или младший — это важно знать, когда заходит речь о положении ребенка в японской семье. Нет положения ребенка вообще. Есть конкретное положение «тёна-на» (старшего сына), «дзисанна-нов» (младших сыновей) и девочек.

Старший сын, в соответствии с японской традицией, в будущем должен стать главой семьи, остальные же сыновья должны искать другого применения своим способностям. И если поэтому первый с ранних лет готовится воспринять традицию своего «из» (дома), продолжат тот же род занятий, что и его предки, то другие воспитываются в сознании того, что им предстоит приложить собственные силы в выборе дальнейшего жизненного пути.

Что касается девочек, то каждая из них должна стать прежде всего женой и матерью. В них воспитываются послушание, смирение, покорность судьбе. Но есть и путь самостоятельной жизни, когда она идет работать на фабрику или какое-нибудь другое место. Тогда она воспитывается в духе самостоятельности, она может стать гораздо более активной, целеустремленной, полнее осознает себя как личность.

Ребенок уже с момента рождения наблюдает за знаками уважения, которые оказывает его мать главе семьи, его отцу, младшие братья — старшему, а сестра — ко всем братьям без исключения, даже к нему, самому маленькому.

Но ребенок не просто посторонний наблюдатель. Еще нося его на спине, мать уже наклоняет его голову в знак уважения к отцу и старшему брату. На вопрос: «Чему были посвящены первые уроки в жизни вашего ребенка?» — чаще всего можно получить ответ: «Умению должным образом кланяться».

Младший мальчик изо дня в день видит, что к нему относятся не так, как к его старшему брату, что его сестру пожурили за то, за что ему б и слова не сказали. Мальчиков учат быть всегда впереди, а девочек — следовать за ними, постоянно быть в подчинении, обладать терпением, уступать желаниям брата.

Старший ребенок заботится о младшем, тот, в свою очередь, о более маленьком. У каждого есть определенные права и обязанности по отношению к другому. Часто родители даже не вмешиваются. Каждый ребенок четко знает, что ему можно, а чего нельзя. Миссия же родителей сводится, по существу, к так называемому «верховному руководству».

*

Организованность, собранность, деловитость японцев сохраняет на протяжении всей жизни. Как он их использует, зависит уже от обстоятельств, от тех позиций — экономических, социальных, классовых, — в которые жизнь его ставит и которые он сам выбирает. Японский трудящийся — рабочий, служащий — исполнительный, обладающий высоким чувством ответственности, старающийся делать свое дело хорошо.

Но когда политическая обстановка в стране побуждает его покинуть свое рабочее место и стать в ряды демонстрантов и забастовщиков, он становится в них с той же собранностью и дисциплинированностью, молчаливо, локоть о локоть с товарищем проходит перед рядами полицейских кордонов, организованно и четко, зная свою задачу, идет на марш протеста или осаду американской военной базы.

СОЛНЦЕ И МЫ

Несколько лет назад обнаружили поразительную зависимость. Оказалось, что число автомобильных катастроф и других дорожных происшествий заметно возрастает вскоре после того, как астрономы отмечают вспышки на Солнце.

Еще в конце прошлого столетия русский ученый Н. Шведов установил связь между толщиной годовых колец у деревьев и циклами активности нашего дневного светила. Другие ученые установили зависимость между солнечной активностью и ростом морских кораллов, размножением рыб и грызунов, набегами саранчи. Ряд явлений подобного же рода был замечен знаменитым полярным исследователем Фритьофом Нансеном и шведским химиком и космогонистом Сванте Аррениусом.

Были обнаружены и более странные совпадения. Именно в те периоды, когда в природе происходило усиление вулканической деятельности, учащались землетрясения, свирепствовали ураганы и штормы, — целые континенты охватывали эпидемии чумы, холеры и других страшных болезней. На эту непонятную зависимость обратили внимание еще наши далекие предки. Они называли ее «всемирной симпатией».

солнечный генератор

То, что жизнь на нашей планете непосредственно зависит от Солнца, люди поняли очень и очень давно. Недаром у наших далеких предков Солнце считалось одним из самых великих и могущественных

богов. Позднее выдающийся естествоиспытатель К. А. Тимирязев произнес крылатую фразу: «Человек вправе величать себя сыном Солнца».

Но Солнце — источник не только света и тепла; с его поверхности излучаются потоки невидимых ультрафиолетовых и рентгеновских лучей, а также потоки заряженных частиц вещества.

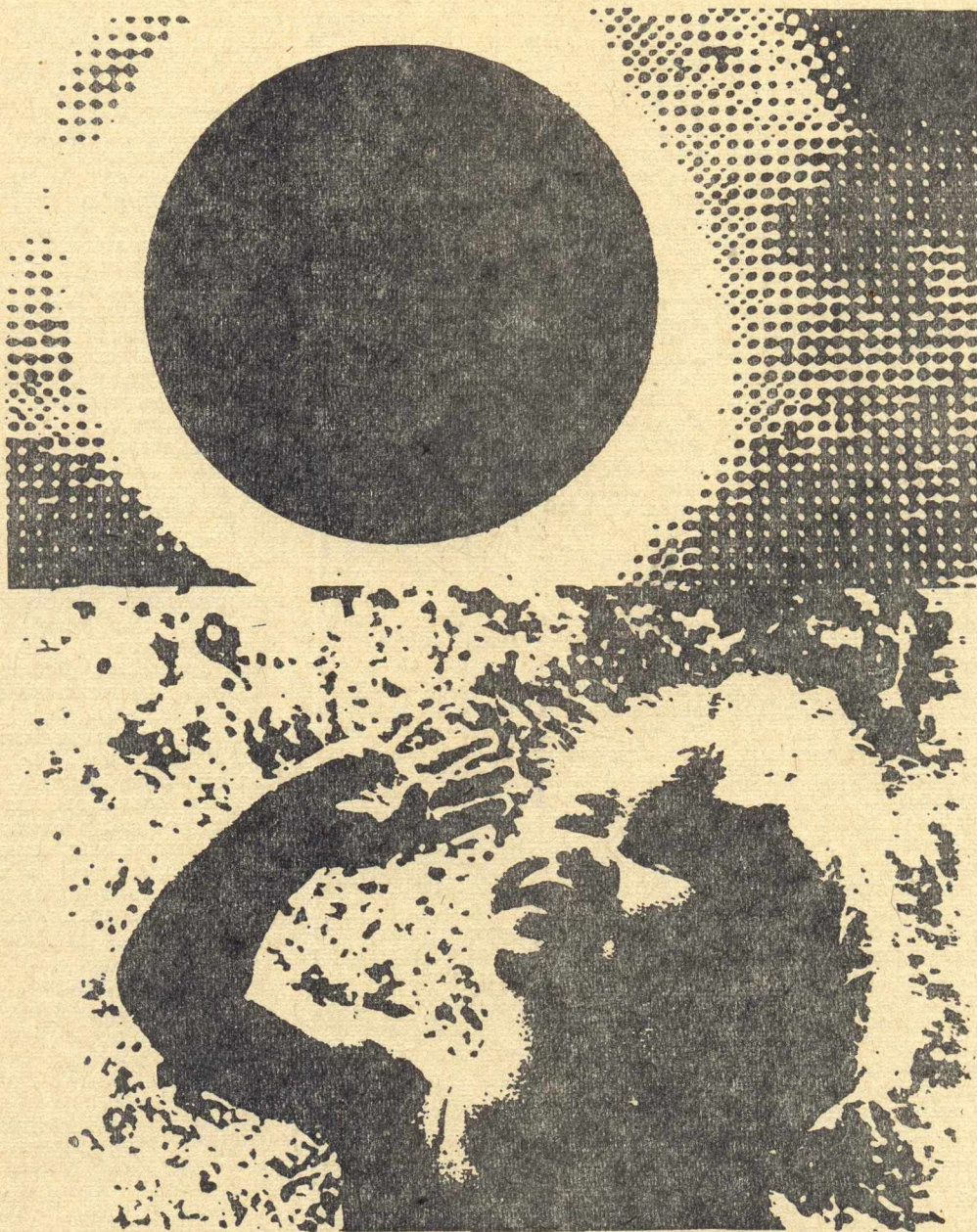
В то время, как количество тепла и света, посылаемое на Землю нашим дневным светилом, уже на протяжении многих сотен миллионов лет остается постоянным, интенсивность его невидимых излучений может испытывать значительные изменения. Она зависит от солнечной активности, которая не всегда одинакова.

Одно из самых мощных проявлений активности Солнца — так называемые вспышки. Энергию наиболее мощных солнечных вспышек можно сравнить с энергией одновременного взрыва миллиона водородных бомб.

В развитии солнечной активности наблюдаются своеобразные циклы, в течение которых она постепенно достигает максимального значения, а затем вновь убывает. Это случается примерно через каждые 11 лет.

Это не проходит бесследно для Земли. Колебания интенсивности невидимых излучений дневного светила влияют на атмосферные процессы на Земле и, в частности, на погоду. От состояния Солнца зависит распространение радиоволн, состояние магнитного поля Земли, возникновение полярных сияний.

Нельзя также не обратить внимания на то обстоятельство, что,

например, новое очередное возращение солнечной активности в 1967—69 годах совпало с явным усилением сейсмических процессов. (Достаточно вспомнить землетрясения в Перу, в Скопле, в Ташкенте, в Афганистане, извержение Ключевской сопки).

микробы чувствуют

Еще в 1934 году по инициативе советского ученого профессора А. Л. Чижевского был начат необычный эксперимент.

В течение ряда лет Международный институт по изучению солнечных, земных и космических излучений, почетным председателем которого он являлся, рассылал французским госпиталям и больницам специальные извещения о предстоящих периодах усиления солнечной активности. В эти периоды врачи должны были с особой тщательностью отмечать различные отклонения в состоянии пациентов, изменения кровяного давления, колебания температуры, появление болей.

Эти сведения пересылались в Институт излучений и сравнивались с астрономическими данными о колебаниях солнечной активности.

Результаты наблюдений оказались весьма любопытными. Так, например, было зарегистрировано 40 тысяч острых сердечных приступов. И когда медики вычертили кривую, показывающую, как эти приступы распределялись во времени, то оказалось, что она является почти точной копией графика изменений солнечной активности за тот же период, составленного астрономами. Именно тогда, когда активность дневного светила достигала максимума, число сердечных заболеваний резко возрастало.

Имеются также данные, свидетельствующие о том, что колебания солнечной активности оказывают заметное влияние и на нервную систему человека. Так, специальные исследования показали, что реакция человека на внешние сигналы после солнечных вспышек замедляется приблизительно в четыре раза. Именно этим, видимо, и объясняется увеличение числа дорожных происшествий после вспышек на Солнце.

Несомненный интерес представляют также исследования профессора Чижевского, проверявшего возможную связь между колебаниями солнечной активности и эпидемиями чумы. Ему удалось составить хронологическую таблицу эпидемий, начиная с 430 года до

нашей эры и кончая 1839 годом. Сравнение этой таблицы с графиком солнечной активности полностью подтвердило предположения ученого. Вспышки чумы совпадают с появлениями на Солнце большого количества пятен. Аналогичная зависимость была обнаружена и для других болезней: холеры, дифтерии, возвратного тифа.

Как показали дальнейшие многочисленные исследования, впервые также начатые профессором Чижевским, солнечная активность оказывает несомненное влияние на свойства некоторых микробов и вирусов. В частности, при очередных максимумах солнечной деятельности нередко происходят изменения типа возбудителей той или иной болезни. Подобные трансформации не раз наблюдались с дифтерийными бактериями.

звено за звеном

Итак, довольно тесная связь между солнечными процессами и биосферой Земли почти несомненна. Весь вопрос в том, каков механизм этой связи, через какие промежуточные этапы она осуществляется?

Около 30 лет назад японский ученый профессор Маки Токата заметил, что свойства крови человека зависят от солнечного облучения. Токата изучал реакцию выпадения белковых хлопьев в сыворотке крови при добавлении определенных реактивов. Оказалось, что ее интенсивность зависит от высоты Солнца над горизонтом: она постепенно нарастает к полудню и снижается к вечеру, причем суточный ход этой реакции не зависит ни от того, где находится человек — на улице или в помещении, ни от состояния погоды. Человек оказался как бы живыми солнечными часами.

Дальнейшие многолетние исследования подтвердили этот вывод и показали, что кровь человека реагирует не только на появление Солнца на небе, но и на солнечные вспышки и образование новых солнечных пятен.

Профессор Токата высказал даже предположение, что в состав солнечной радиации входит неизвестное физике излучение, отличающееся сильным биологическим воздействием.

Еще одно важное звено в солнечно-земной связи было открыто итальянским ученым профессором Джорджо Пиккарди. Он обратил внимание на одно любопытное обстоятельство, которое до этого времени почему-то никого не заинтере-

совало. Ученые-химики не раз сталкивались с тем, что если один и тот же опыт повторять несколько раз, то никогда не удается получить абсолютно одинаковые результаты. Казалось бы, все условия одни и те же: те же реактивы, та же температура, а результат несколько иной. Химики говорили: случайные отклонения, случай...

Пиккарди решил специально проследить, как влияют космические явления на химические процессы. В качестве индикатора он избрал весьма простой «химический тест» — скорость протекания реакции выпадения осадка в водном растворе хлористого висмута.

Во время международного геофизического года в наблюдения по «программе Пиккарди» включались химики всего мира. Каждый день в одни и те же часы в различных точках земного шара на разных меридианах и параллелях ставился один и тот же опыт и регистрировалась скорость осаждения осадка. Результаты оказались чрезвычайно интересными.

Отклонения в ходе контрольной реакции, оказалось, зависят от изменений солнечной активности. Но раз солнечная активность действует на состояние водных растворов, то это означает, что она должна оказывать влияние и на живые организмы. Ведь вода — это основной жизненный растворитель, который принимает самое непосредственное участие во всех биологических процессах. Достаточно сказать, что тело человека на 71 процент состоит из воды...

Итак, оправдываются слова К. А. Тимирязева. Человек в самом деле сын Солнца.

Космос окружает нас повсюду, говорит профессор Пиккарди. Чтобы оказаться в нем, вовсе не обязательно отправляться в межпланетное путешествие. Даже нет необходимости выходить из собственного дома...

В. КОМАРОВ,
лектор Московского планетария

старинные наставления

отведенное проклятие

Возле одного славного замка, среди лесной чащи в маленькой хижине жил древний колдун. И вот как-то раз на его жилище наткнулись сыновья могущественного соседа. Они были вовсе не злые мальчишки, но уж больно озорники. Увидев, что из трубы лачуги идет дым, они забросили в дымоход камень, и колдун чуть было не задохнулся. Взбешенный, он гнался за шутниками до самого замка и там, перед отцом, объявил свою кару обидчикам. Первому сыну он сказал, что тот всю жизнь не будет выпускать ножа из рук, раз уж сейчас он такой законченный разбойник. А младшего осудил на нищету — пусть сам кормится подаянием, коли не научился относиться с почтением к очагу в бедной хижине. Потом он проклял и отца за то, что потакал сыновьям, и предрек ему долгую жизнь, дабы он мог видеть, как злая судьба постигнет его сыновей. Убитый печалью, владелец замка тут же слег в постель, а в окно его спальни влетели три черных ворона. День и ночь злое карканье раздавалось под гулками сводов, и все приглашенные мудрецы не могли придумать, как разрушить проклятие. И вот вести об этом долетели до ушей доброго бедняка Темного Патрика. Жаль ему стало несчастного отца, да и сыновей тоже — как ни была велика их вина, такого страшного наказания они не заслужили. Собрал он еды на дорогу, перекинул свой узелок че-

рез плечо и отправился в дальний путь. Когда он пришел к замку и оказался в спальне, полной злое карканья и безутешного горя, Темный Патрик учтиво поклонился и попросил подробно изложить дело. Потом он обратился к старшему из сыновей:

— Повтори, что сказал колдун.

— «Всю жизнь ты не будешь выпускать ножа из рук...»

— Отправьте его в лучшую школу, — посоветовал Темный Патрик, — пусть учится и станет врачом. Тогда его нож будет исцелять, а не убивать.

И в тот же миг один из воров издал пронзительный крик и вылетел в окно.

— Ну а что было сказано тебе?

— «Ты будешь кормиться подаянием...»

— А этого научите сказаниям и разбудите в нем страсть к песням — пусть станет поэтом и будет получать то, на что расщедрятся слушатели.

И сразу раздался крик второго ворона.

Радость подняла отца с постели и бросила в объятия сыновей, и в то же мгновение третий ворон метнулся в окно.

Вот урок Темного Патрика: нет таких скверных задатков, которые нельзя было бы обратить на доброе дело.

серебряная дудочка

Рассказывают, один молодой шотландец так горячо хотел научиться хорошо играть на волынке, что ему решила помочь добрая фея. «Эйн Маккримонс, — окликнула она юношу, когда тот сидел на холме и вздыхал так, что трава у его ног пригибалась к земле, — вот тебе серебряная дудочка. Стоит вставить ее в волынку, и мелодия станет повиноваться тебе, и твоим сыновьям, и сыновьям сыновей, и их сыновьям... Только помни: к этой серебряной дудочке надо относиться с великой бережностью. Если кому-нибудь из Маккримонсов случится оскорбить ее, волшебный дар навсегда исчезнет». С того дня Маккримонсы поколени за поколением оставались знаменитыми волынщиками и слагателями мелодий.

Но вот однажды вождь клана возвращался с соседнего острова. Место волынщика было, как

всегда, на носу лодки. День выдался ветреный, легкое суденышко так и швыряло, и гребцам было трудно справиться с волной. «Сыграй нам, Маккримонс, — сказал Маклеод, — звуки твоей волынки умеют снимать усталость». Маккримонс начал играть, но тут лодку резко швырнуло и он невольно взял фальшивую ноту. Еще ни один из рода Маккримонсов не исторгал таких звуков из волшебной волынки! «Ах, жалкая дудочка! — воскликнул он в злом раздражении. — Разве из нее выжмешь хоть одну чистую ноту!» Не успел он сказать это, как тут же пожалел о своих словах — ведь он-то прекрасно знал, насколько они несправедливы. Но было уже поздно. Серебряная дудочка выскользнула из его рук и упала в море. Ни сам Маккримонс, ни его сын, ни сын его сына уже не умели так славно играть на волынке.

Эта легенда пусть научит вас бережно относиться к своему дару.

учёность и рассудок

Как-то в дороге встретились трое, превосходившие многие магические науки, но не обладавшие рассудительностью, и четвертый, хотя и не очень ученый, да зато осторожный и мудрый. Шли они, шли и увидели давно заросшие бурьяном кости какого-то крупного зверя. «Судя по скелету, это был хищник», — сказал первый многознающий. «Медведь», — уточнил второй. «Давайте оживим его, — предложил третий, — что толку просто хранить свои знания». И вот один сложил косточку к косточке, другой силой магической науки наделил скелет плотью, а третий собрался было вдохнуть в него жизнь. Тут рассудительный остановил его: «Постой! Это же медведь. Если он воскреснет, нам не сдобровать». Но тот, гордый возможностью показать свое искусство, лишь досадливо отмахнулся. «Тогда подожди минутку, я только спрячусь, чтобы медведь меня не заметил», — попросил осторожный и быстро отбежал в сторону. Когда чары подействовали, оживший медведь вскочил и разорвал всех троих.

Знание полезно не само по себе, а лишь когда оно направлено на разумное дело.

характер с первого взгляда

Есть ли какая-нибудь связь между характером человека и строением его тела? Заведующий кафедрой антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова профессор Я. Я. Рогинский делится итогами своих более чем полувекowych исследований этой проблемы. Еще в 1916 году он сделал наблюдение, что так называемые «чувствительные» характеры (в сегодняшнем обиходе мы назвали бы таких людей «лириками») «уделяют обычно больше внимания психической жизни людей, чем свойствам и устройствам вещей»; напротив, «мало-чувствительные» характеры («физики») «больше интересуются вещами, нежели человеческой психикой, и проявляют интерес главным образом к внешним обстоятельствам, касающимся людей. При этом обнаружилось, что первые значительно чаще, чем вторые, обладают прямым, круто поднимающимся вверх лбом с сильно развитыми лобными буграми, слабо выступающими надглазными дугами, общей округлостью контуров, некоторой суженностью основания черепа по сравнению с шириной свода».

В то же время оказалось, что признаки первого, «чувствительного» типа — это в то же время и признаки, отличающие детский череп от типичного взрослого мужского черепа. Но тогда, наверное, и повышенная чувствительность, и

интерес к внутренней жизни людей связаны с психическими свойствами, характерными для ребенка?

Обозначив «детский» тип как «церебральный», а противоположный ему — как «атлетический», автор статьи провел массу исследований (опросы, анкеты, изучение профильных портретных изображений людей разных веков и пр.) и доказал, что психологические различия между «церебральными», «атлетическими» и промежуточным между ними типом людей действительно существуют, то есть различия во внешних данных подкрепляются различиями внутренними, психологическими. Причем «детскость» во внешнем облике человека отнюдь не свидетельствует о его неполноценности — иначе пришлось бы зачислить в разряд неполноценных личностей таких, например, величайших писателей и поэтов, как Торквато Тассо, Жан-Жак Руссо, М. Ю. Лермонтов, Лев Толстой, Шарль Бодлер, Рабиндранат Тагор... Ошибкой было бы и оценивать названные типы с точки зрения нравственности: люди всех трех типов могут оказаться и «плохими», и «хорошими».

Вследствие этого, говорит автор, «найденные зависимости, хотя они достаточно обоснованы, верны лишь статистически и потому не могут обеспечить надежных прогнозов поведения отдельных людей. Тем не менее каждому человеку необходимо знать, что в его власти усилить в себе, что подавить».

(«Природа», № 2, 1972 год)

странный закономерность

Кому не известно, сколь важен для семейного счастья вопрос о том, кто рождается в семье — девочка или мальчик, особенно если рождаются только мальчики или только девочки?! Стремление выявить причины рождения мальчика или девочки давно занимает ученых.

В этом смысле интересны исследования кандидата медицинских наук Д. Длигача. Давно установлено не только то, что в мире в целом ежегодно появляется почти одинаковое число мальчиков и девочек, но и то, что во время войн, уносящих большое количество мужских жизней, процент новорожденных мальчиков по сравнению с новорожденными девочками непременно растет. В чем тут дело?

Изучая эту проблему, проведя обследование многих семей, Д. Длигач открыл закономерность, которая поначалу кажется странной, даже абсурдной: разность в росте отца и матери влияет на пол детей: гарантирована почти стопроцентная вероятность рождения мальчика, если мама на 5 сантиметров выше папы, и появление на свет девочки, если мама гораздо ниже папы; чем меньше разница в росте у родителей, тем шансы рождения мальчиков или девочек все более выравниваются.

От чего же зависит, чем объясняется такая «странный» закономерность? Почему на пол ребенка влияет не сам рост папы и мамы, а только разность их роста? Подробности здесь излагать трудно, но автор высказывает убедительное предположение, что должны существовать гормоны, ответственные за такое положение вещей.

А как насчет более частой рождаемости мальчиков во время войны? Д. Длигач отвечает: во время войны падает средний рост мужского населения, ибо гибнут в основном наиболее крупные, высокие молодые мужчины, поэтому «удельный вес» девочек среди новорожденных уменьшается, а мальчиков — соответственно увеличивается.

(«Химия и жизнь», № 1, 1972 год)

не отвыкайте от молока

Оказывается, и к еде предъявляют свои требования научно-техническая революция! В статье профессора И. Машена (Прага) «Особенности питания человека в связи с техническим прогрессом» отмечается, что современный рабочий процесс связан с усилением внимания и точности в работе (особенно в вечернее и ночное время), повышением умственной напряженности.

Доказано, что крайне желателен прием теплой пищи в часы напряженной деятельности. Когда повышено нервное напряжение, весьма большое значение имеет белковое питание.

В последнее время вновь обнаружены многочисленные проявления недостаточности железа в организме людей. То же касается кальция. Его недостаток можно восполнить высокими дозами молока и молочных продуктов, которыми молодое поколение, к сожалению, часто пренебрегает.

(«Вопросы питания», № 1, 1972 год)

КТО КОГО выбирает

От чего зависит прочность семьи? Писатели, педагоги, публицисты часто высказываются на сей счет; но суждения их неизбежно субъективны и умозрительны, ибо опираются чаще всего на довольно-таки узкий круг частных наблюдений. А что думают о том же предмете статистика и социология — свидетели куда более объективные? Они пока лишь «пристреляются» и решению проблемы, исследуя разные ее стороны. Одну из таких «пристрелок» произвел Янис Витолс, опубликовавший любопытный статистический материал под заглавием «За кого выходят замуж и на ком женятся рижане» (по данным 1970 года).

Пожалуй, наибольшую пищу для раздумий дает возраст вступающих в брак. По данным Я. Витолса, более двух третей молодоженов самого цветущего (и самого распространенного для Риги) брачного возраста — 20—24 лет — избрали своими супругами ровесников. Это понятно: в таком возрасте человеком движет бескорыстная юношеская любовь. Далее же наблюдается «центробежность»: возраст мужа и жены разнится порой довольно значительно. Это связано с тем, что люди средних возрастов подходят к браку более рассудочно, многие из них вступают в брак не впервые (например, среди мужчин 40—49 лет таковых оказывается 84 процента, а среди женщин — 70 процентов) и уже точно знают, чего они ищут в браке и кого хотят видеть рядом с собой. В самом старшем из взятых Я. Витолсом возрастов (60 лет и старше) снова мы встречаем более половины супругов-ровесников, а в самом младшем (до 20 лет) — напротив, предельно мало, особенно со стороны невест: среди них 4 из 5 выбрали мужа старше себя, иные даже вдвое старше.

Немало любопытного дают и цифры распределения супругов по уровню образования и общественному положению. Данные Я. Витолса позволяют утверждать, что среди мужчин специалисты высшего уровня квалификации и высокого служебного положения жен выбирают, как правило, с более низкими соответствующими показателями. Так же поступают и женщины: руководительницы производства и высококвалифицированные специалисты имеют своими мужьями работников более низкой квалификации и общественного положения.

С другой стороны, среди людей с относительно низким уровнем образования, неквалифицированных рабочих и младшего обслуживающего персонала и мужчины и женщины стремятся выбрать супруга с более высоким образовательным уровнем и общественным положением. Наибольший процент браков, где эти уровни совпадают, дает социальная группа квалифицированных рабочих (22 процента от общего числа обследованных пар).

И еще один показатель, немаловажный для латвийских условий, из которых исходит автор: укрепление социалистических общественных отношений и преодоление национальных предрассудков ведут к постепенному увеличению числа межнациональных браков: если в 1938 году в буржуазной Латвии только 15 процентов браков были смешанными (латыш выбирал русскую, русский — украинку и пр.), то теперь число таких браков в Латвийской ССР достигло 38 процентов.

(«Наука и техника», № 2, 1972 год)

Эксперимент в гетто

Не один век идет спор о том, чем определяются духовные способности ребенка: наследственностью или воспитанием, иначе говоря — генами или социальной средой, в которой формируется данный человек.

В свете этого спора интересны исследования, проведенные американскими психологами Р. Хебером и Х. Гарбером. Ученые исследовали причины психической отсталости детей. По данным официальной статистики, в США имеется 6 миллионов психически отсталых детей, причем у 80 процентов их отсталости является очевидным поражением центральной нервной системы. А раз так, то причиной их отсталости могут быть либо низкокачественные гены, либо окружающая среда. Хебер и Гарбер и поставили своей целью доказать, что в психической отсталости детей виновна окружающая среда. Ими были созданы две группы по 20 детей (в основном из негров), проживающих в гетто. Одну группу детей, начиная с трехмесячного возраста, поместили в благоприятные условия, их матерей учили правильно воспитывать детей. Другая же группа детей воспитывалась в традиционных условиях гетто.

Несколько проведенных тестов

показали, что психический уровень детей первой группы гораздо выше, чем у детей второй группы. Хотя ученые и полагают, что различия, наблюдаемые у детей обеих групп, с возрастом должны постепенно стираться, однако делают заключение, что в дальнейшем психический уровень детей первой группы все-таки нельзя будет сравнить с уровнем детей второй группы, влачащих жалкое существование в городских трущобах.

(«Новости ЮНЕСКО»,
январь 1972 года)

Тайна марки Леваневского

Марки — не только свидетели истории, но с ними самими происходят часто удивительные вещи.

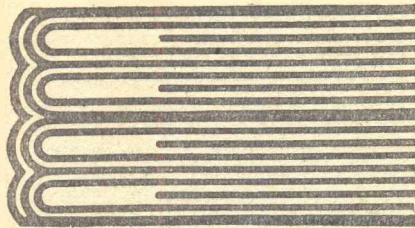
Одну из них мы узнаем из статьи Е. Сашеннова «Из истории первой советской полярной надпечатки».

Период тридцатых годов в истории почты СССР был насыщен марками арктической тематики. Но вот марка с портретом С. А. Леваневского и перевернутой надпечаткой «Перелет Москва—Сан-Франциско через Северный полюс 1935», в которой к тому же буква «ф» была малой, оказалась самой редкой почтовой маркой СССР. Почему же?

Оказывается, при изготовлении печатной доски в типографии допустили две ошибки, приведшие к появлению редкостей. Марки печатались в листах по 25 штук (5×5). В нижнем предпоследнем ряду все 5 надпечаток оказались с маленькой буквой «ф» в слове «Сан-Франциско». Всего было напечатано 1600 листов марок. (Поскольку первый полет на машине «АНТ-25» через полюс оказался неудачным, больше марок с этой надпечаткой не выпускали).

В каждом листе 5 марок были с маленькой «ф», и количество таких экземпляров составило только 8 тысяч. Еще большей редкостью стал единственный лист марок с перевернутой надпечаткой: 25 экземпляров. Судьба пяти марок нижнего ряда этого листа (с маленькой «ф») известна лишь частично. Обнаружены пока лишь два ее экземпляра. Один хранится в коллекции пражского филателиста д-ра П. Лаврова, другой в 1945 году был преподнесен президенту США Рузвельту в качестве дара Советского правительства.

(«Филателия СССР», № 1, 1972 год)

рассказ о партийном съезде

Мария Прилежаева. НАДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМ СЪЕЗДЕ. Макет, оформление, подбор фотографий Г. Кованова и В. Ковынева. М., «Детская литература», 1971.

При всем обилии литературы, связанной с XXIV съездом партии, это первая книга такого рода, специально обращенная к детям. Важную миссию — рассказать детям об этом историческом форуме, о месте его в ряду других съездов, о принятых им решениях, которые воплотятся в жизнь в новой пятилетке, — приняла на себя писательница Мария Прилежаева. Она нашла простую и емкую форму для своего рассказа. Девятнадцать главок, на которые разбита ее книга, — это и части репортажа о заседаниях съезда, это и девятнадцать публицистических отступлений, обращенных в прошедшее и будущее.

В этой красивой, празднично оформленной книге много выразительных диаграмм, характеризующих уровень развития производства в 1970 году — последнем году предыдущей пятилетки, и уровень, который будет достигнут пятью годами позже. Составляя цифры и факты, автор еще более усиливает эту наглядность. За прошлую пятилетку в стране отпраздновали новоселье пятьдесят миллионов человек — много это или мало?

Автор напоминает, что «население целой Финляндии — не больше пяти миллионов. Десять Финляндий, или столько же Даний, или двенадцать Норвегий могло бы разместиться в новых, построенных у нас только за одну пятилетку, домах!

А в девятой пятилетке новые квартиры получат еще шестьдесят миллионов человек».

Главки книги — как лучи, протянувшиеся через всю историю нашей партии — от ее первых съездов и первых замыслов до сегодняшнего и завтрашнего дня.

«...Бедная улица на окраине Минска. Деревянные домишки под тесовыми крышами. Близо подступил глухой лес, словно это и не город вовсе.

Здесь 1 марта 1898 года в маленькой квартире железнодорожного служащего тайно состоялся Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

В комнате с деревенскими половицами, простеньким столом и пузатым комодом собралось девять человек — делегаты Первого съезда!»

А 73 с небольшим года спустя, 30 марта 1971 года, в огромное здание Кремлевского Дворца съездов входили четыре тысячи девятьсот сорок девять делегатов — «с берегов Волги и из студеной Якутии, цветущего Таджикистана и привольных степей Украины, сказочной Грузии и озерной Прибалтики...» Да еще много иностранных гостей — посланцы братских компартий из социалистических, развивающихся и буржуазных стран. Друзья со всего света слетелись в Москву, чтобы приветствовать XXIV съезд самой крупной компартии в мире...

На судьбах делегатов съезда рассказывает М. Прилежаева о переманах в судьбе страны. Выступления знатного шрифтовщика со знаменитого Кировского завода в Ленинграде Евгения Лебедева; колхозники из деревни Урынок Орловской области Клавдии Смирновой, в годы войны защищавшей свою землю на фронте, а потом помогавшей родному колхозу восстанавливать хозяйство и строить новую жизнь; молодого сталевара с «Запорожстали» Егора Проскура; учительницы из Сыктывкара Анелии Горской и других позволяют автору книги нарисовать широкую картину жизни разных слоев народа и разных областей страны, в полный рост показать тех, кто, не жалея сил, борется за счастье народа. И как главный вывод всей книги звучат слова напутствия юному читателю, которому скоро суждено продолжить эту борьбу: «...Чтобы жить хорошо, надо нам хорошо и работать».

Н. КОЖЕМЯКИН

СКВОЗЬ ВОЙНУ

Виктор Голявкин. ПОЛОСЫ НА ОКНАХ. Повесть. Рисунки автора. Л., «Детская литература», 1971.

Игорь Золотусский. ПОКА МЫ ВМЕСТЕ. Повесть. Рисунки В. Юдина. М., «Детская литература», 1971.

Из этих двух повестей многое можно узнать о Великой Отечественной войне, хотя здесь не рвутся снаряды, не падают бомбы, не идут в атаку солдаты; герои их — мальчуганы. Повести написаны ровесниками и очевидцами войны. Война для обоих была не только детством, не только испытанием — была бедой: один потерял там отца, другой — мать. И, вероятно, потому рассказы их получились безусловно, на редкость правдивыми.

Читатели старше тридцати могут оценить правдивость повестей вдвойне: с точки зрения художественной точности и своего жизненного опыта.

«Пока мы вместе» — первая проза литературного критика Игоря Золотусского. Эта повесть — история побега троих мальчишек-сирот. Они бегут из зауральского детдома домой, в Москву, где их никто не ждет: все близкие мобилизованы.

Пересаживаясь с товарняка на санитарный, оттуда на паровоз, с него на цистерны, потом на знаменитый поезд войны «пятьсот веселый», топая по шпалам, став на два месяца оседлыми жителями, потому что не было сил продолжать путь, двое из мальчишек достигают цели. А ведь четыре месяца назад они отправились в дорогу без продовольствия, денег и вида на жительство...

Чем ценно тяжелое военное детство? Почему оно составляет предмет величайшей гордости для тех, кто его пережил? Сильно оно — и это отлично показано Золотусским — двумя вещами: настоящей, мужицкой работой, и ранним, глубоким постижением смысла жизни, вещей, человеческих отношений.

«Раньше я не знал, как хлеб растет. Теперь я знаю, где пшеница, где рожь, где овес, где просо. Я умею косить, полоть, окучивать картошку, рыть ямы. Я знаю, как разводить пилу, как метать стог, как купать лошадь. Что-то, а работать в детском доме люблю...»

В труде, в близости к природе, в общении с добрыми и бескорыстными людьми мукает разум подростка.

Конечно, И. Золотусский далек от мысли, что только суровая школа жизни дает прекрасные результаты. С глубокой печалью пишет он о трагической стороне детства военных лет, о постоянной борьбе с угрозой смерти. Что может быть страшнее и несовместимее этих понятий — детство и смерть? И все-таки детство не гибнет; ни мужицкая работа, ни ранняя зрелость, ни беда, ни сиротство не обрывают его. Страна воюет, люди напрягают силы в борьбе с врагом, но страна и люди всё что могут отдают детям, стараются поддержать, уберечь, сохранить ребятшек, которых война лишила дома.

И та же мысль о живучести детства со всеми неотделимыми его свойствами: весельем, умением радоваться, любить, делать глупости, попадать впросак, с его неподражаемой серьезностью в пустяках и беззаботностью в насущных, жизненно важных вопросах, с его непрактичностью и чудачествами, — становится лейтмотивом новой повести ленинградского писателя Виктора Голявкина «Полосы на окнах».

«Возвращались домой солдаты. Но мой папа, мой добрый папа, он никогда не вернется...» — этой щемящей фразой кончалась лучшая повесть Голявкина «Мой добрый папа». В новой книге те же герои, кроме самого папы. А сыновья его, Боба и Петя, становятся главными героями книги и, каждый по-своему, главой семьи, заменяя отца и в сюжете, и в жизни.

Петя — старший, на него ложится ответственность за семью. Вначале ему нет дела до близких — матери и брата; он готовится к сражениям, мечтает о военных подвигах. С первого дня войны он собирает газеты с описаниями подвигов. Но реальность действительность заставляет его очнуться. «Хлеб по карточке на СЕГОДНЯ мы съели ПОЗАВЧЕРА, а на ЗАВТРА — ВЧЕРА. Дадут ли мне на ПОСЛЕЗАВТРА?» И Петя тащит на базар свое сокровище, чтобы продавать как оберточную бумагу. Пережить потерю ему помогает брат Боба, необикновенно хитрый и умный мальш. «Зачем только я собирал их?» — опланивает газеты Петя. «Чтобы продать», — сказал Боба. — «А дальше что?» — «Снова собрать», — сказал Боба. Просто все у него выходило.

Боба нарочно говорит глупости и представляет напояз свою беззащитность. Он знает, что так он вызовет прилив энергии и мужества у брата и матери...

У юных героев Голявкина есть дар смеяться над бедами, даже над голодом; они легко переносят невзгоды и этим похожи на своего отца. Чувство

юмора их никогда не иссякает, а в активном их отношении к жизни скрыта подлинная поэзия.

«Добрый папа» — чапаевец, музыкант, удивительный человек, покупавший ящиками мандарины, чтобы одарить ими всех соседей, угощавший быка первой редиской, дававший бесплатные частные уроки музыки, уходя на войну, не оставил своей семье «наследства» — жене и детям его пришлось туго. Но он оставил им свое духовное богатство — искусство жить смеясь, не завидуя чужому благополучию, — великое искусство жизни.

А. ЛАВРОВА

Чтение на лето

*О детских книгах,
хороших и разных*

- Люблю веселые книжки.
- Я хочу о войне.
- А мне нравится читать о животных.
- Дайте что-нибудь о путешествиях.
- А мне — приключения.

Зимой, когда свободное время детей ограничено школьными уроками и домашними заданиями, приходится следить за тем, чтобы в первую очередь читали они не то, что «хочу» и «люблю», а параграф из школьного учебника. Но летом...

Эту благодатную пору надо использовать для того, чтобы чтение детей стало полным и разнообразным.

Сегодня мы поговорим о некоторых книгах, вышедших в издательстве «Детская литература» в 1971 году.

...Ее знают дети всего мира. Волшебницей из Швеции, Андерсеном наших дней называют Астрид Линдгрэн. Лучшие произведения Линдгрэн переведены на русский язык: «Пеппи Длинный Чулок», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Карлсон снова прилетел», «Приключения Калле Блюмквиста», «Расмус-бродяга», «Мию, мой Мию!», «Эмиль из Леннеберги», «Новые проделки Эмиля из Леннеберги».

1971 год принес нашим ребятам радость встречи с еще одной книгой Линдгрэн: «Мы — на острове Сальткрона».

Вначале была серия телепередач о веселой выдумщице Червен и ее друзьях. Потом появился фильм «Малютка Червен, Боцман и Мозес». Он демонстрировался на фестивале дет-

ских кинофильмов в Москве в 1965 году. И наконец эта повесть, наполненная поэзией, юмором и правдой.

...Островок Сальткрона. Ветхие причалы, рыбацкие лодки. И одна-единственная старая улица. Громоздятся серые щербатые скалы. Аромат цветущего жасмина и шиповника смешивается с запахом земли и моря. Здесь пустынно, тихо и красиво до грусти.

Живут на этом острове трудолюбивые взрослые и очень самостоятельные дети. Тедди, Фредди и маленькая Червен — любимчики острова.

На этом-то острове и появляется однажды стокогльмский писатель Мельнер Мельнерсон с дочерью Малин и сыновьями Никласом, Юханом и Пелле. Они собираются провести здесь лето.

Много взрослых, много детей. Разные характеры, склонности. Свои слабости, свои напризы...

Мать Червен — Мэрта. Она приходит на помощь всякому, кто в ней нуждается.

Беспомощный Мельнер. Чудаковатый, по-детски восторженный. Порой — смешной. С ним всегда случается что-нибудь невероятное... То он падает в воду, то сваливается с дерева; ему нельзя доверить ни молоток, ни пилу, ни какой-то другой инструмент. Его даже близко к ним нельзя подпускать!

Малин — нежная, заботливая, заменившая осиротевшим мальчикам мать.

Фантазер и непоседа Юхан и Никлас — спокойный, уравновешенный, жизнерадостный.

Пелле. Который может расплакаться оттого, что у незнакомых людей в трамвае грустный вид. Пелле, с его безграничной любовью ко всему живому — будь то маленький тюлененок, собака, кролик или просто кусочек осы. С его удивительной способностью воспринимать как открытие небо и землю, шум дождя и шелест листьев.

Стина. Простодушная и беззаботная. Днимающая всех своими сказками. Даже Мельнер, влюбленный во всех ребятшек, предпочитает обходить ее стороной, хотя и отрицает это.

Дети, подростки, взрослые. Три обособленных, казалось бы, мира.

Свои заботы у детей — Червен, Стины, Пелле. Свои радости у подростков. Свои дела у взрослых.

Торгует в лавке родителей Червен, ведет хозяйство Малин, пишет книгу Мельнер.

Но всех объединяет доброта, чуткость, любовь к младшим, вера в торжество справедливости и презрение к корысти, стяжательству и подлости.

Сменяют друг друга мелкие и крупные приключения. Удивительно смешные эпизоды чередуются с грустными. Забавные происшествия — с дра-

матическими событиями. И ни на минуту не исчезает интерес, не возникает желания отложить книгу.

Закрываешь книгу — и будто расстаешься с близкими людьми.

...Книги о животных любят читать многие ребята.

О необыкновенной дружбе медвежонка Невеи и щенка Мики, о суровых испытаниях, выпавших на их долю, рассказано в повести «Бродяги Севера».

Книга написана известным американским писателем Джеймсом Оливером Кервудом. Охотник, натуралист, путешественник, подолгу бродил он в самых глухих, в самых заповедных местах Северной Канады. Природе этого сурового края, который не прощает слабости ни человеку, ни зверю, посвятив Кервуд свои лучшие книги. Включая и эту.

В книге Кервуда — тонкое чувство природы. Удивление, восторг, преклонение перед целесообразностью и разумностью всего живого и живущего.

Существуют в этом мире и уважение чужих прав, и верность, и любовь, и самоотверженность. Среди животных, как и среди людей, есть храбрцы и трусы, есть и лентяи. Страдают они от голода, боли и холода. Испытывают радость и отчаяние. Как люди, страшатся одиночества.

Послушайте, как рассказывает писатель о медвежонке, потерявшем мать. «...Невеа настороженно высунул мордочку из-за сука. Подождя несколько секунд, медвежонок спиной вперед соскользнул по стволу недр на землю. Он испустил призывное повизгивание, но мать не шевельнулась. Он подошел к ней и остановился возле ее неподвижной головы, втягивая в ноздри воздух, пропитанный страшным запахом человека. Потом он потерся щекой о щеку матери, подsunул нос под ее шею и, наконец, укусил ее за ухо — решительное средство, к которому он прибегал, когда желал разбудить ее во что бы то ни стало. Он ничего не понимал. Жалобно поскуливая, он взобрался на большую мягкую спину матери и прильнул к ней. Его поскуливание становилось все более тоскливым, а потом из его горла вырвался жалобный плач, удивительно похожий на плач ребенка...»

Книга пробуждает добрые чувства. Вызывает желание защитить этот прекрасный мир от бессмысленной жестокости и уничтожения.

Мы говорили о книгах художественных. Но ведь есть и научно-популярные.

«Как открывали мир» — книга о путешествиях. Автор ее — Марта Гумилевская. Если вам кажется, что вы не знаете это имя, вспомните радиопередачу «Клуб знаменитых капита-

нов». Марта Гумилевская — одна из ее создателей.

Путешествия всегда связаны с опасностью, риском, приключениями. Ребят привлекают отвага, смелость, мужество первооткрывателей... Все это есть в книге Гумилевской.

Начинается книга путешествиями древних, тех, кто положил начало открытию и освоению планеты. Заначивается экспедицией М. Лазарева и Ф. Беллинсгаузена к берегам таинственной Антарктиды на Южном полюсе Земли.

Книга содержит массу интересных сведений — исторических, географических. Ребята узнают, что первым полярным путешественником был ученый Пифей. Грек по национальности. Еще более двух тысяч лет назад он рассказал своим соотечественникам о туманных Британских островах. О замерзающем Северном море. О том, что зимой ночи на Севере бесконечно длинные, а дни короткие. Но в те далекие времена не много нашлось людей, поверивших Пифею.

В книге рассказывается о невероятной жестокости Васно да Гамы, уничтожавшего в погоне за золотом целые племена. О доброте Магеллана, снисходительного даже к своему рабу. О походах Александра Македонского и открытии Колумбом Нового Света. О кругосветных путешествиях великого мореплавателя Кука.

Если хочется почитать об искусстве, найдите книгу Э. Александровой «Люблю театр!». Она написана для старших.

Это не сухое теоретическое исследование, а размышление человека, влюбленного в театр. И не просто влюбленного, но и думающего. Испытывающего потребность осмысливать явления искусства.

Что такое условность, натурализм, новаторство? Мастерство и талант? Современна ли система Станиславского, догма она или основа для творчества?

Увлеченно, интересно, остро рассказывает Александрова о театре Станиславского и Брехта, о творчестве художника Рындина и творчестве Акимова-художника.

А рядом с театром живут в этой книге живопись, скульптура, кино, литература. Потому что все это — искусство. Оно несет наслаждение, глубину мыслей, знание жизни и людей.

...Четыре книги всего — можно было назвать значительно больше. Но даже когда эти четыре лежат рядом, невольно вспоминается старая сказка. О том, как пришли к маленькой принцессе добрые феи и одарили ее сокровищами, которых не купишь ни за какие богатства мира.

Г. РУМЯНЦЕВА,
старший библиотекарь
Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР

сфера и атмосфера

Е. Мушкина. ВОСЕМЬ МОИХ ПРОФЕССИЙ. М., «Молодая гвардия», 1971.

Зачем написана эта книжка, ясно с первых же строк. Сфера обслуживания, та заколдованная сфера, до которой столько лет не доходили руки и вот, кажется, начинают доходить. Зачем еще в 30-х годах знаменитый фельетонист Михаил Кольцов садился за руль такси? Почему в последнее время, особенно с появлением в печати социологических очерков, заметное место заняли очерки об официанте, продавце, шофере? Да все потому и затем, что мы уже не по-детски, из книжки Маяковского, а по-взрослому ощущаем, что в каждой специальности есть своя вершина. Что есть и в профессиях, которые принято считать заземленными (почтальон, официант, телефонистка), тот, кого называют Мастер. А то и Волшебник. И пока мы правильно сетовали на несовершенство организации многих служб быта, на недостаточно высокий общий уровень их работников, в этих службах выросли люди завидной квалификации, большого мастерства.

Сейчас объявлен призыв молодежи в сферу обслуживания. И если мы, родители, должны учитывать для своих ребят и эту возможность, то и мы и они должны больше знать о разных профессиях. Не обязательно в форме серьезного исследования, а и в виде живого рассказа. Вот эту цель и поставила себе Елена Мушкина, ненадолго «забравшись» в каждую из восьми специальностей: продавец, почтальон, повар, телефонист, парикмахер, официант, проводник, машинистка. Автору пришлось нелегко: в каждом из этих дел пришлось начинать с азав, с работы самой незаметной, с ученичества. Но ученик, если он любопытен, многое видит. Вот об увиденном, о том, каких высот можно достичь в каждой из восьми специальностей, автор ведет живой рассказ. Порой он излишне эмоционален. Но простим это. В самом деле, почему рассказу о поварском деле повредит вставная новелла о гурмане, проевшем все состояние, а на последние деньги (перед тем, как уйти в иной мир) сварившем овсянку?

Тем более, что автору удалось по-

казать и подлинный драматизм, и романтику простого призвания. Телефонистки со станции международной связи вправе считать себя причастными к жизни далекой девушки из Африки: они поймали сигнал тревоги и выслали лекарство. А машинистки, работавшие на Нюрнбергском процессе? А почтальон, которого знают как доброго гения всего дома?

Есть в книжке и приметы сегодняшнего состояния профессий. Иногда они намечены пунктиром, иногда выступают четче. Речь о реальных трудностях, которые состоят в недостаточной оснащенности техникой и инструментом (труд почтальона, официанта, парикмахера). О том, что все это труд нелегкий. Представляется правильной линия книги — поднять престиж обслуживающих профессий. Окружить их тем уважением, каким в разумно устроенной семье пользуется тот, кто делает самую трудную работу.

С. ДУБРОВСКАЯ

сказать один раз ...

М. Картавцева. РАСТУТ ДЕТИ. Очерки и беседы. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1971.

Книга воронежской учительницы Марины Игнатьевны Картавцевой родилась из ее бесед, которые передавало Всесоюзное радио, из статей, опубликованных в различных газетах и журналах. Поэтому берешь эту книгу, заранее зная, что тебя ждет встреча с умным, тактичным человеком.

За долгие годы учительствования у автора накопилось множество интереснейших фактов и наблюдений. Педагог щедро делится с читателями своим богатым опытом воспитания, и прежде всего — нравственного, справедливо полагая, что самое важное — преодоление бездуховности, ибо «от бездуховности до преступления один шаг».

Пристально вглядывается М. Картавцева во внутренний мир ребенка, бережно, стремясь не обидеть легко ранимые чувства детей, проводит она свои «операции на сердце».

Учительница считает, что воспитание детей требует прежде всего ума, системы и терпения. И как часто

именно последних двух качеств не хватает многим родителям, да и некоторым учителям!

«Вы думаете, я ему об этом не говорила? Да тысячу раз!» — подобные слова вы услышите почти в любой семье. «Но трагедия как раз в этом «тысячу раз говорила», — пишет М. Картавцева. — Следует, видимо, сказать один раз. А остальные усилия направить на то, чтобы это требование было обязательно выполнено».

Простота и убедительность жизненных примеров, которыми оперирует автор, живой и доверительный тон делают книгу М. Картавцевой доступной и полезной любому отцу и любой матери, а педагогическая профессия автора привлечет к ее книге и учителей.

Н. ЩЕРБАТЫХ
пос. Касторное Курской области

память об истоках

Иван Уханов. НЕБО ДЕТСТВА. Рассказы и повесть. Предисловие Ю. Нагибина. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1971.

Иван Уханов — оренбургский писатель, пришедший в литературу совсем недавно. Что привлекает в его первой книге, которая лежит перед нами? Прежде всего — глубокое знание жизни и тот душевный порыв, по которому сразу же можно отличить произведение по-настоящему выстраданное от сочиненного.

У Дымова, героя рассказа «Мама, не умирай...», тяжело заболела мать. Родившийся и выросший в деревне, а нынче «закрученный» обстоятельствами, Дымов забыл о своих близких (живет в городе, где закончил институт, женился, работает над диссертацией), и поездка к больной матери пробуждает в нем освежающее чувство памяти истоков своей жизни.

С тонким лиризмом и проникновенностью рассказывает писатель о сумятице сыновнего чувства. Дымов ехал с твердым намерением помочь матери, но как ошибся он в своей благотворительности! Оказавшись в родительском доме, Дымов вновь почувствовал себя маленьким, нуждающимся в материнской опеке. Почувствовал и понял, что он, отец семейства, остался для матери ребенком, за которым еще нужен присмотр.

Может быть, с этого момента Дымов впервые осознал все величие и силу матери, ощутил свою вину перед ней не только умом, но и сердцем.

Память сердца... Ее изначальность всегда упирается в ту незабываемую пору, когда мир представлялся нам полным чудес и открытий, когда жизнь воспринималась в неповторимо-бережливой тайне, в непрерывных удивлениях, — в пору детства. Именно воскрешение в себе памяти детства помогло герою рассказа «Небо детства» Натальину найти общий язык с окружающими.

«Эпицентром» новых взаимоотношений жильцов своего дома стал мальчишка Борька. Может быть, Борька совершил особенный поступок? Совсем нет. Просто взрослые люди, глядя на мальчишку, вспомнили свое детство, полнокровнее ощутили и поняли, что обособленность их — наносный вздор. Ибо все они способны воспринимать мир широко, улавливать пульс времени чутко, в состоянии, «запрокинув головы, торжественно смотреть в небо», потому что не утратили обостренного удивления жизнью, ощущения запахов ее.

Память о первых шагах по земле — могучая сила человеческого прозрения. Эта основная мысль рассказа «Небо детства» проходит и через другие произведения сборника.

Вот, допустим, в рассказе «Хозяин» писатель тоже испытывает своих взрослых героев, сталкивая их с детьми. Дети невольно оказываются самыми строгими судьями своих старших товарищей. И когда герой рассказа школьник Алеша вступает в борьбу со взрослым парнем Дудином (тот воровал соты из чужого улья), мы, напряженно следя за исходом схватки, верим в победу мальчишки — если не физическую, то нравственную. И Дудик действительно терпит поражение и, наверное, в первый раз, взглядевшись в своего невзрачного противника, чувствует в нем непонятную силу. Имя этой силы — человечность, честный и открытый взгляд на мир.

Николай КУЗИН
г. Свердловск

интересные снимки

У вас в доме фотоаппарат. Наверное, время от времени у детей возникает желание «пощелкать». Но попробуйте поставить перед ними цель: сделать коллекцию фотографий. Темы могут быть самыми разнообразными. Например, «Исторические места и памятники нашего города». Это и архитектурные сооружения, и памятники, и уголки природы, связанные с какими-то историческими событиями. Это экспонаты местного музея краеведения и отдельные предметы материальной культуры прошлого, которые сохранились у вас, у ваших соседей или знакомых. Найти, узнать их историю, покопаться в книгах, справочниках, беседовать с людьми — это наверняка увлечет всю семью.

Ваша улица всегда разная — в праздники, в будни, в разные времена года, даже в разные часы дня. Утром люди спешат на работу. А в полдень улица другая. На ней затишье. Идут в магазины и из магазинов домашние хозяйки. «Улица пробуждается», «На работу», «Час пик», «Улица во время дождя», «Первый снег на нашей улице». Подумайте вместе с ребятами, пройдитесь с ними по вашей улице и вы придумаете еще десятки сюжетов.

Не торопитесь снять все сразу. Но старайтесь не упускать интересные кадры, такие, которые могут и не повториться.

А. СВЕТОВ

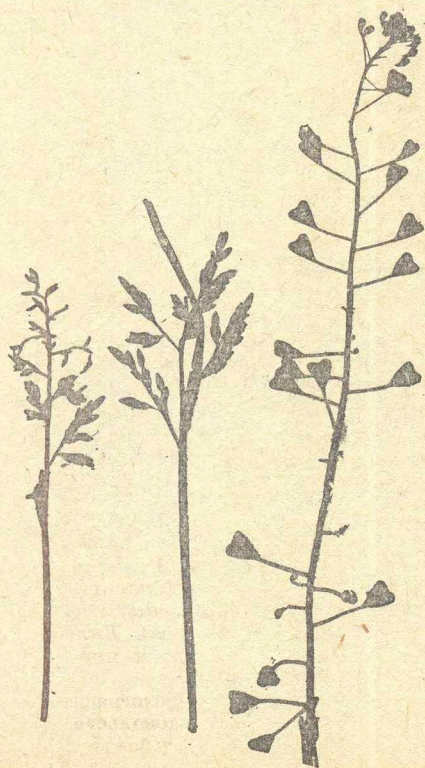
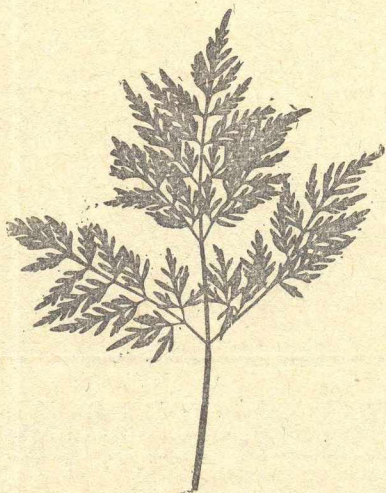
фотографируем без фотоаппарата

Только раз покажите детям, как фотографировать без фотоаппарата и они увлекутся этим. Еще бы: удивительно просто и быстро. И снимки необычны. Делается это так: лист фотобумаги (работа ведется в темном помещении) кладется вместе с расправленной веточкой, листом, травинкой в рамку для контактной печати. Включайте свет и держите столько, сколько сочтете нужным (выдержку нужно установить в зависимости от силы света и чувствительности фотобумаги). Далее процедура та же, что и при проявлении фотоснимков.

Из таких фотографий ребята с большим удовольствием оформляют целые альбомы.

Т. ВАСИЛЬЕВА

фотографируем без фотоаппарата

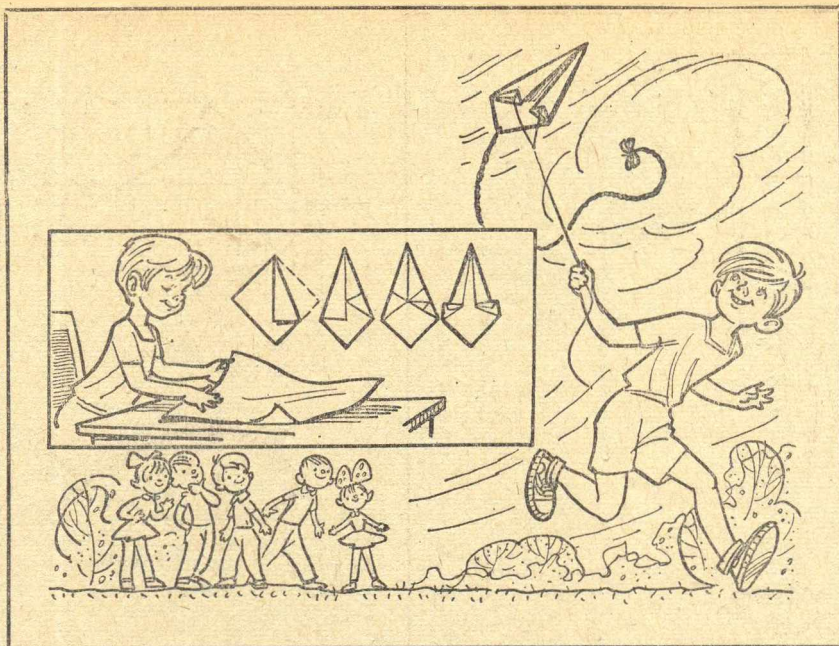

Речь идет, как вы понимаете, не о страшных пресмыкающихся, а о старинной забаве детей и взрослых — воздушных змеях. Забава действительно старинная. Змеи использовал киевский князь Олег при штурме Царьграда. Змеи помогали ученым разгадывать тайну воздушного океана. Известный математик, член Российской Академии наук Леонард Эйлер писал: «Воздушные змеи — это игрушка, презираемая учеными, может, однако, заставить глубоко о себе задуматься».

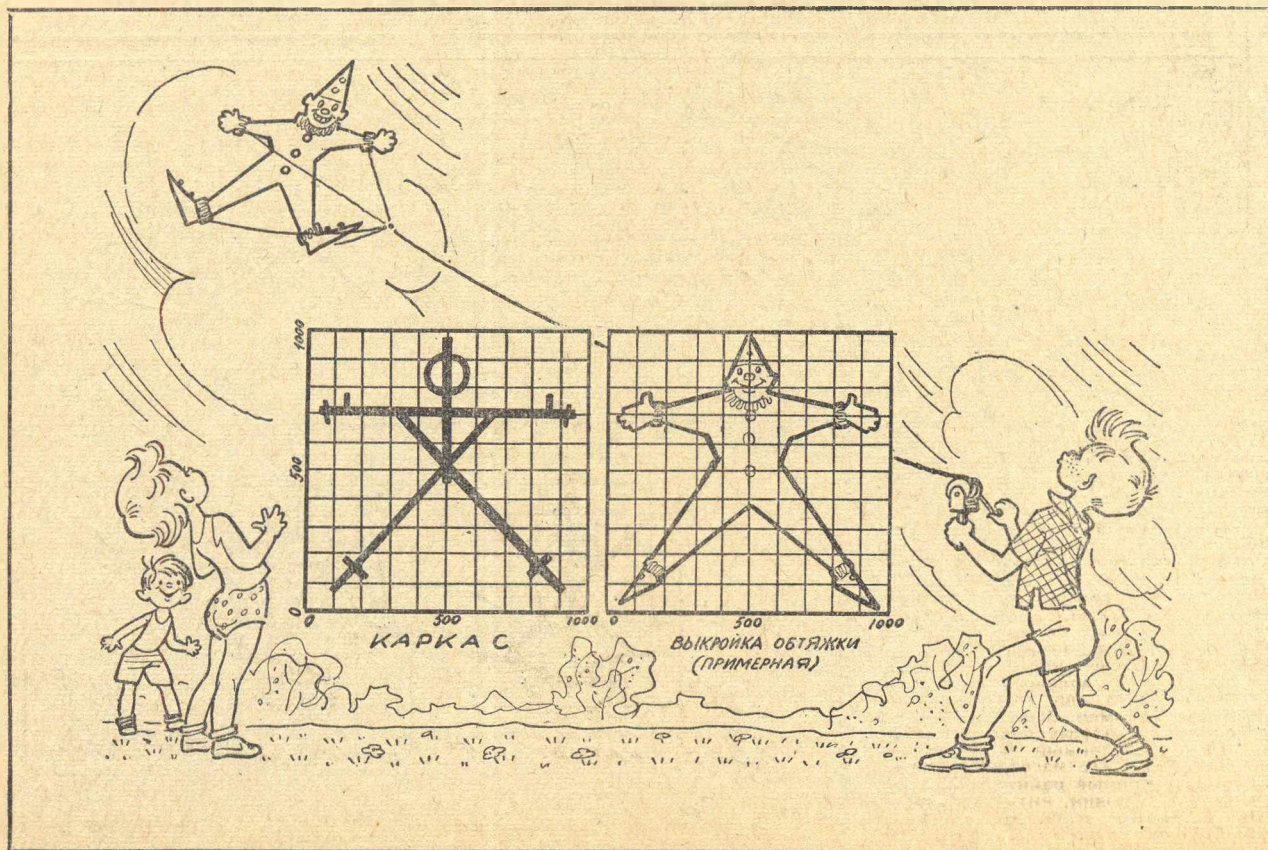
Для ребят змеи открывают безграничный простор творческой фантазии. Важно еще, что змеи очень доступны, в каждой семье их сделают.

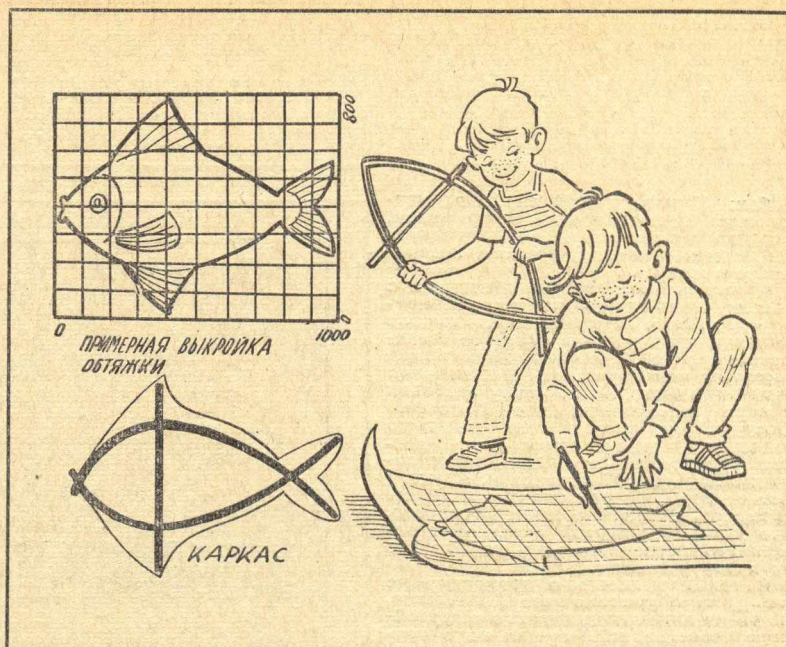
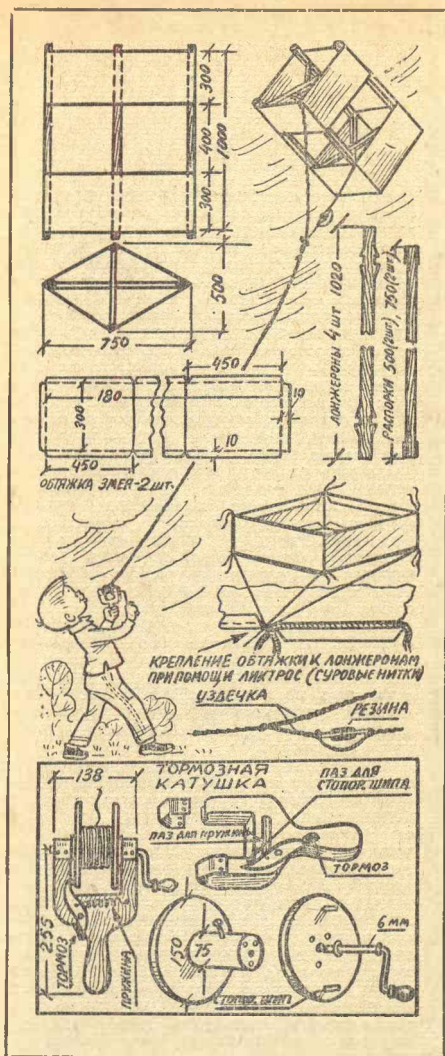
Мы хотим только предупредить, что запускать змеи надо в открытом поле, где нет линий электропередач, телеграфных проводов — тогда змеи не нарушат связь, не приведут к несчастью, а смогут свободно парить в воздухе.

«Монах» — самый простой воздушный змей, который можно сделать из листа бумаги. Размеры его могут быть любыми. Проще всего взять квадратный лист писчей или чертежной бумаги размером 250 на 250 миллиметров и начать складывать, как показано на рисунке справа. Затем привязывают уздечку и хвост (из полоски ткани или мочалы, длиной около метра). Без хвоста «монах» не полетит. Запускают его против ветра.

Змеи, которые летают

Верхняя и нижняя коробки змея равны по величине и поэтому делаются по одной выкройке. При изготовлении выкройки рекомендуется оставлять припуски в 10 миллиметров со всех сторон. Припуск по длине пойдет на загиб кромок внутрь, чтобы получить двойные швы, через которые пропускают нить, придающую обтяжке большую прочность. Такая обтяжка называется линтросом. Нагибах концы линтроса надо выпустить длиной в 70—80 миллиметров, чтобы можно было привязать обтяжки к лонжеронам. Заготовленные полосы теперь необходимо сшить (сшить) в коробки. Для придания коробкам жесткости внутри конструкции змея крепятся распорные рейки — к ним привязывают уздечки и леер — длинную нить, на которой воздушный змей парит в воздухе.

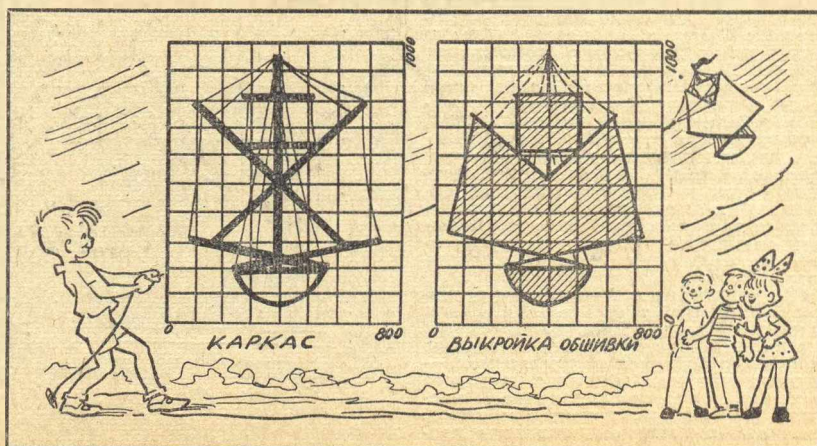
С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта
Художник А. Орлов

«Воздушный акробат» (рисунок на странице 60 внизу) делается из тонких лучинок бамбука. Каркас змея обклеивают папиросной или писчей бумагой. Размеры змея можно увеличить или уменьшить — все зависит от наличия у вас материала. Этот змей может летать и без хвоста, но все же с хвостом он более устойчив в полете.

По тому же принципу делают змея «летучий голландец» и «летающая рыба» (показаны справа внизу и вверху). Следует заметить, что у «летающей рыбы» кроме ее собственного хвоста должен быть еще змейковый хвост для устойчивости.

Коробчатые змеи бывают разных размеров, но наиболее распространен тип змея, показанный на рисунке. Для того чтобы его изготовить, необходимы деревянные рейки, ткань или бумага для обтяжки, нитки и клей.

Очень важно, чтобы все лонжероны — бруски квадратного сечения — имели один вес.

детство замечательных людей

Сын Ножовщина Демосфена, уважаемого и почитаемого гражданина, владельца мастерской, где изготавливали мечи и кинжалы, родился невзрачным и хилым.

Казалось бы, судьба обошлась с сыном Ножовщика достаточно круто — телесная гармония очень многое значила для древнего грека, в отечестве которого даже философ Пифагор гордился своей красотой и занимался кулачным боем. Но ко всему вдобавок вскоре выяснилось, что Демосфен Младший не сможет сгладить свою внешнюю непривлекательность лоском образования и благоприобретенных манер. В 377 году до н. э., семи лет от роду, он осиротел, и опекуны обошлись с ним настолько бесчестно, что через год-другой остатков завещанного наследства уже не хватало на плату учителям.

С тех пор мысль о возмездии не покидала подрастающего Демосфена, но он не видел подходящего и достойного средства, ибо мечтал не о простой мести, а о восстановлении поправленной справедливости. Говорят, решение сделать своим оружием ораторское искусство пришло к мальчику во время выступления Каллистрата. Знаменитого афинского политического деятеля афиняне упрекали вместе с одним из полководцев в крупной военной неудаче. Каллистрат должен был защищаться публично. Демосфен упрямился своего дядьку, который был в дружбе с привратником суда, раздобыть ему место. Мальчик подпал под магию жестов, интонаций и всей ораторской «игры» Каллистрата, увидел, как восхищенная толпа провожает его к порогу дома, и впервые понял силу слова, способную преодолеть и покорить любые препятствия...

Но это — всего лишь легенда, стремящаяся свести воедино два знаменитых имени: во время разбора дела Каллистрата Демосфен был уже не мальчишкой, а зрелым юношей лет под двадцать. По-видимому, в основе предания лежит действительный, но менее громкий и потому забытый случай.

Как бы то ни было, Демосфен забросил все мальчишеские забавы и самозабвенно отдался упражнениям в красноречии. В этой связи древний историк Плутарх, от которого мы и знаем всё о Демосфене, вспоминает некоего Лаомедонта из Орхомена, который страдал расстройством селезенки и по совету врачей стал заниматься бегом на длинные расстояния, «развил в себе эту способность, а потом принял участие в состязаниях и сделался одним из лучших бегунов», — так и Демосфен сначала обратился к искусству красноречия, чтобы наказать своих опекунов, а затем «превозмог всех своих сограждан, поднимавшихся на ораторское возвышение».

Уже в старости Демосфен рассказывал, как ему удалось победить свои природные недостатки, казалось бы полностью устранившие всякую мысль о публичных выступлениях, — носная зияние, слабый голос, короткое дыхание, привычку подергивать плечом... Шепелявый, путаный и неразборчивый выговор он исправлял долгими, упорными занятиями: вкладывал

вал в рот камешки и читал поэтические отрывки, стараясь, чтобы стихи звучали осмысленно и понятно. Для укрепления голоса он придумал систему упражнений, сочетавших постановку дыхания и развитие выносливости — выбирал дорогу потруднее и пускался бегом, выкрикивая на крутых подъемах длинные ритмические периоды; произносил речи на берегу моря, и рев волн заменял ему шум толпы. В мимике и жестикуляции Демосфен совершенствовался перед зеркалом, и спускавшийся с потолка меч колол его всякий раз, когда он по привычке поднимал плечо.

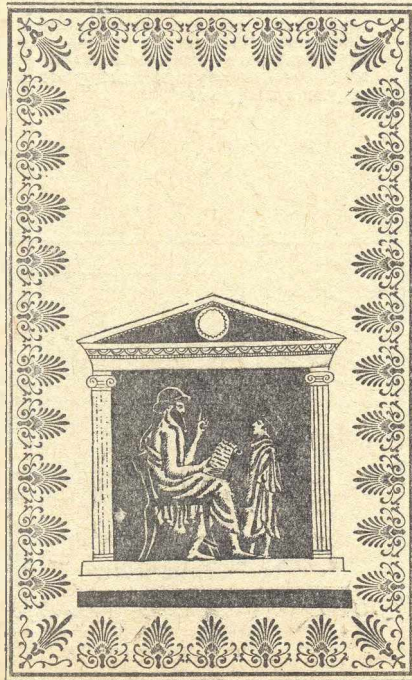
Но все равно первое его появление перед слушателями стало настоящим провалом — из-за сбивчивого произношения речь Демосфена показалась малоосмысленной, спутанной и невнятной. Огорченный оратор уныло бродил по улицам, и тут его встретил Эвном из Трии, уже глубокий старик, отеческие порицания которого еще могло стерпеть самолюбие Демосфена. Эвном беспристрастно выбрал юношу, доказывая, что за шершавой необработанностью его речи угадывается дар логических построений, ясность суждения и основательность выводов, которые заставляют вспомнить Перикла.

Ободренный Демосфен вскоре вновь вышел на ораторское возвышение, но его встретили недовольным шумом и насмешками. Закрыв лицо плащом, он удалился из собрания, сопровождаемый лишь своим близким приятелем — актером Сатиром. По дороге домой Демосфен предался горьким размышлениям, что вот он отдает искуству красноречия все время и силы, а слушатели и знать его не желают, в то время как всякие невежды находят поощрение у толпы. «Верно, Демосфен», — отвечал Сатир, — но я быстро помогу твоей беде. Прочти-ка мне, пожалуйста, наизусть какой-нибудь отрывок из Эврипида или Софокла». Демосфен повиновался, а его случайный учитель повторил тот же отрывок, но с другим выражением и мимикой. В его передаче стихи совершенно преобразились, и Демосфен сам не узнавал их звучания.

Так он осознал, какое всевластное обаяние придает речи актерская игра, и пришел к выводу: его упражнения должны быть направлены не только на то, чтобы вразумить, но и покорить публику. Демосфен понимал, что одного урока, пусть и такого впечатляющего, слишком мало — так же, как мало одной зажигательной речи на поле боя, чтобы неопытные воины прониклись мужеством.

Еще во времена Плутарха, почти три века спустя, сохранилась подземная комната, устроенная Демосфеном для своих ежедневных занятий по актерскому мастерству. Иногда упорный юноша уединялся в ней на два-три месяца, выбривая себе половину головы, «дабы от стыда невозможно было выйти наружу, даже если очень захочется». В 364 году до н. э. двадцатилетний Демосфен, наконец, был готов начать процесс против опекунов, выиграл его, и хотя и не вернул целиком завещанного состояния, приобрел новое — известность первого оратора в Афинах.

демосфен

В. ШАТЧЕНИН

раз, два —
и в дамки!

Отдел ведет
заслуженный тренер СССР
Ю. БАРСКИЙ

называем призёров

На старт нашего новогоднего конкурса новичков (№ 12 «Семьи и школы» за прошлый год) вышло 500 участников. Дошедшими до финиша считались те, кто решил все шесть заданных позиций. Кстати, вот верные решения:

№ 1. Белые: b4, c3, d2, h4, h6; черные: a5, d6, e5, f2. 1. d2—e3! 2. h4—g5 3. g5—f6X.

№ 2. Белые: d.c1, пр.e5, f4; черные: пр.c3, c5, q7, h4. 1. e5—d6! 2. f4—g5 3. c1—h6X.

№ 3. Белые: b2, b4, b6, q5, h6; черные: a7, d2, d4, d6, e5, e7. 1. b4—c5! 2. b2—a3 3. q5—f6X.

№ 4. Белые: c3, d4, e3, e5, f2, f6; черные: a5, b4, b6, c7, q7, h2, h4, h8. 1. e3—f4! 2. f2—g3 3. d4—c5X.

№ 5. Белые: пр.e3, f2, f4, q3; черные: d.c1, e1, пр.c7, e7, f6, f8, q7, h6, h8. 1. e3—f4! 2. 4—e5 3. 3—4X.

№ 6. Белые: пр. c5, d6, q1, h2; черные: d.a3, d2, q5, пр.a7, e3, f8. 1. q1—f2! 2. h2—g3 3. q3—h4X.

Претендентов на призы оказалось значительно больше, чем призов. Условия конкурса предусматривали жеребьевку среди набравших 12 очков. Ее провели, и обладателями призовой книги «Приключения на шашечной доске» стали — Н. Чертков (с. Логачевна Белгородской области), А. Шаронов (г. Дзержинск), Л. Овчинникова (г. Пушкин), А. Кочкин (г. Дмитров), Г. Беспятчук (с. Калинин Винницкой области), Д. Мамонтов (Ленинград), Н. Попова (г. Тула), А. Суганов (г. Кировск), В. Извольская (с. Савелово Калининской области), М. Кузнецов (г. Горький).

Призерам — наши поздравления, а остальным читателям, принявшим участие в конкурсе, благодарности!

вопрос — ответ

«Случается ли в шашках цугцванг?» — спрашивает читатель К. Логинов.

Да, конечно. Хотя в игре чаще всего выгодно иметь свою очередь хода, но встречаются позиции, где обязанность сделать ход приносит лишь урон, а это и есть цугцванг. Вот типичный случай из партии двух любителей.

Шашки расположены были, как на первой диаграмме. Ход черных. Игрок, командовавший ими, предложил противнику мировую:

— Стоит ли терять время? Сейчас я нападу на твою шашку и заберу ее. Как же ты выиграешь?!

— Ходи! — был ответ.

Игравший черными пошел 1. ...a1—c3, а партнер — 2. e5—f6!

— Ты шутишь, что ли? — опять начал владеец черных. — Большая дорога моя? Моя! Здесь и тремя дамами не выиграть, а у тебя будет всего две и простая. Ну?

— Ходи! — партнер был немногословен.

Дальше партия продолжалась так: 2. ... c3:q7 3. d6—f4! q7—c3 4. a3—b2!

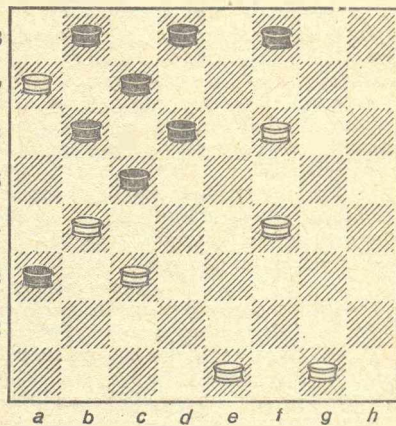
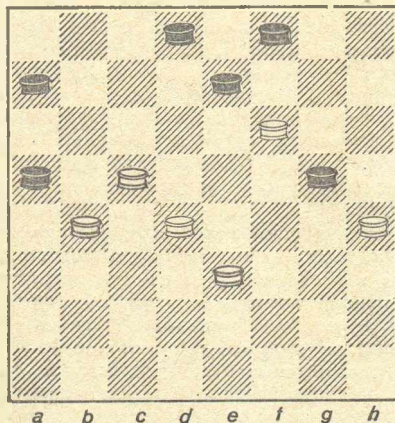
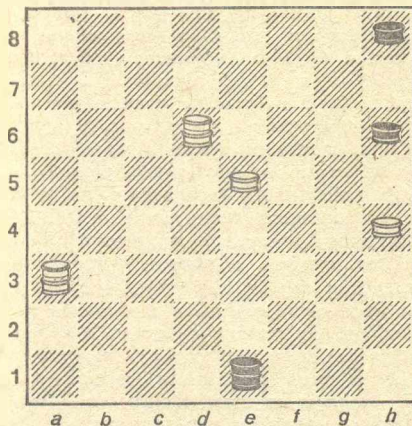
Игравший черными с недоумением взглянул на приятеля, забрал его дамку — 4. ... c3—a1 — и сказал:

— Теперь сам ничью просить будешь!

Однако белые пошли. 5. h4—q5! и выяснилось, что простая e5 и дамка a3 были принесены в жертву не даром. У черных возник цугцванг: они гибнут только из-за того, что их очередь хода! Игравший черными сдался, так как на 5. ... a1—d4 или 5. ... h8—q7 было бы отвечено 6. f4—h2X, а на 5. ... a1—q7 белые сыграли бы 6. f4—d2X.

предлагает наш читатель

Две следующие позиции присланы в журнал инженером В. Савициким (г. Симферополь). В любой из них дела белых кажутся незавидными: либо приходится расстаться с шашкой, либо ее уже не хватает. Однако автор утверждает, что в обоих случаях у белых есть немедленная победная комбинация. Согласны ли вы с ним?

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:
М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДА-
ВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ,
О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ,
Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТО-
ВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУ-
ДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ,
Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИП-
КОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Колышева
Художественно-технический
редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»
Академии
педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:
129278, Москва, И-278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-82-21, 283-82-18

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.
Литературных консультаций
редакция не дает.

Подписано к печати
10 мая 1972 г. А-07222. Тираж
1 300 000 (550 001—1 300 000) экземпляров.
Заказ 316. Бумага 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42).
Уч.-изд. л. 10,85.

Главполиграфпром Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Отпечата-
но в ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградской типографии № 1
«Печатный Двор» им. А. М. Горького,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26. Изго-
товлено в ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградской типографии № 2
им. Евг. Соколовой, Измайловский про-
спект, 29.

ПОТОМОК РЮРИКА

«Из-за моря Варяжского дыбучими болотами, лядинами, дикой корбою показался на Руси муж, как камень, с кремнем и плашкой, высек жаркий огонь и сотворил себе град камен. И на версты вокруг града стал от жарких костров жаркой цвет. А трон его из алого мха, царский венец из лунного ягеля, меч и щит из гранита...

И вот через сколько веков опять показался на Руси, но уже не с моря Варяжского, а из Костромы города, а сел в Петербурге на Мойке, уж не Рюрик, как величали его в Новгороде, а Рерих. И как когда-то он построил свой каменный град. Вспомнил, как сон, и рассказал о морях, где плавал с дружиной, о великанах, о змее, о нойдах, об ангеле грозном, и как строилась Русь, и как измена русских князей отворила врагу дорогу на русскую землю.

Синь его от сини северных сумерек. Зеленъ от морской муравы.

Жарный цвет от жарких костров.

Пламя от пламени стрел

цареградских».

Так сказово и поклонно говорил о Николае Константиновиче Рерихе Алексей Ремизов, писатель, влюбленный в язык древней Руси.

Исторические сюжеты Рериха произвели впечатление ошеломляющей правды, очевидности... Глухой темнотой сходятся на совет старейшины племени, отсветы костра бродят по звериным шурам одежд... Ведуны, жуткие в своем ритуальном вдохновении, творят заклятия в священных рощах... Лесные чужаки подкрадываются к свайным постройкам... Расписные драккары, увешанные хищными алыми цитами, увозят от берегов добычу викингов...

Это настроение подлинности — от убеждающего, исполненного достоинства знания. Рерих не устал искать его всю жизнь, с той поры, когда девятилетним мальчишкой встретился с известным археологом Л. Ивановским и увлекся раскопками. Это было под Петербургом в Изваре — имении отца,

крупного юриста, владельца нотариальной конторы. «Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх тлели старые кости. Желтели, блестели цветы». Раскопки производят неизгладимое впечатление даже на людей, совершенно лишенных творческого дара, — пласт за пластом, бережно и заботливо снимается слой земли, медленно открываются тайники, хранящие следы прошлого, останки жизни, какой она была тысячи лет назад. «Щемяще приятное чувство вынуть из земли какую-либо древность», — писал уже в 1899 году двадцатипятилетний Рерих. — Колеблется вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство... Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!»

Занятия археологией все чаще и чаще побуждали мальчика браться за карандаш в попытках тщательно зарисовать положение найденных черепов и остатков утвари. Рисунки случайно попались на глаза старому приятелю отца скульптору Михаилу Осиповичу Минешину, и тот стал первым наставником Рериха. Мечта о профессиональном служении искусству прочно поселилась в душе юноши. Но отец уже давно расписал жизненную дорогу сына — он пойдет по родительским стопам. И, закончив гимназию, Рерих подает прошение на юридический факультет университета. Но одновременно он начинает готовиться в Академию художеств. Осенью 1893 года Николай Рерих благополучно выдерживает оба вступительных конкурса.

В академии, словно обязательная программа и занятия в университете не в состоянии утолить его познавательную жажду, он начинает разрабатывать темы прошлого, изучая летописи и грамоты в Публичной библиотеке. «Поэзия старины, кажется, самая задушевная... Старина, притом старина своя, ближе всего человеку». Большие картины «Утро богатства Киевского» и «Вечер богатства Киевского» заставляют видеть в нем уже состоявшегося художника. Но это еще «не Рерих» — манера традиционна и сами образы уже не раз встречались: конь — молодецкий, богатырь — добрый, коршуны — злоещие...

Летом 1897 года в любимой Изваре Рерих работает над «Гонцом», принесшим ему диплом художника и первую известность. Картина выпускника, появившаяся на отчетной академической выставке, была сразу же куплена П. М. Третьяковым, собирателем почти безошибочного чутья. Старина здесь была уже не «расписной», не «берендевской», а подлинно живу-

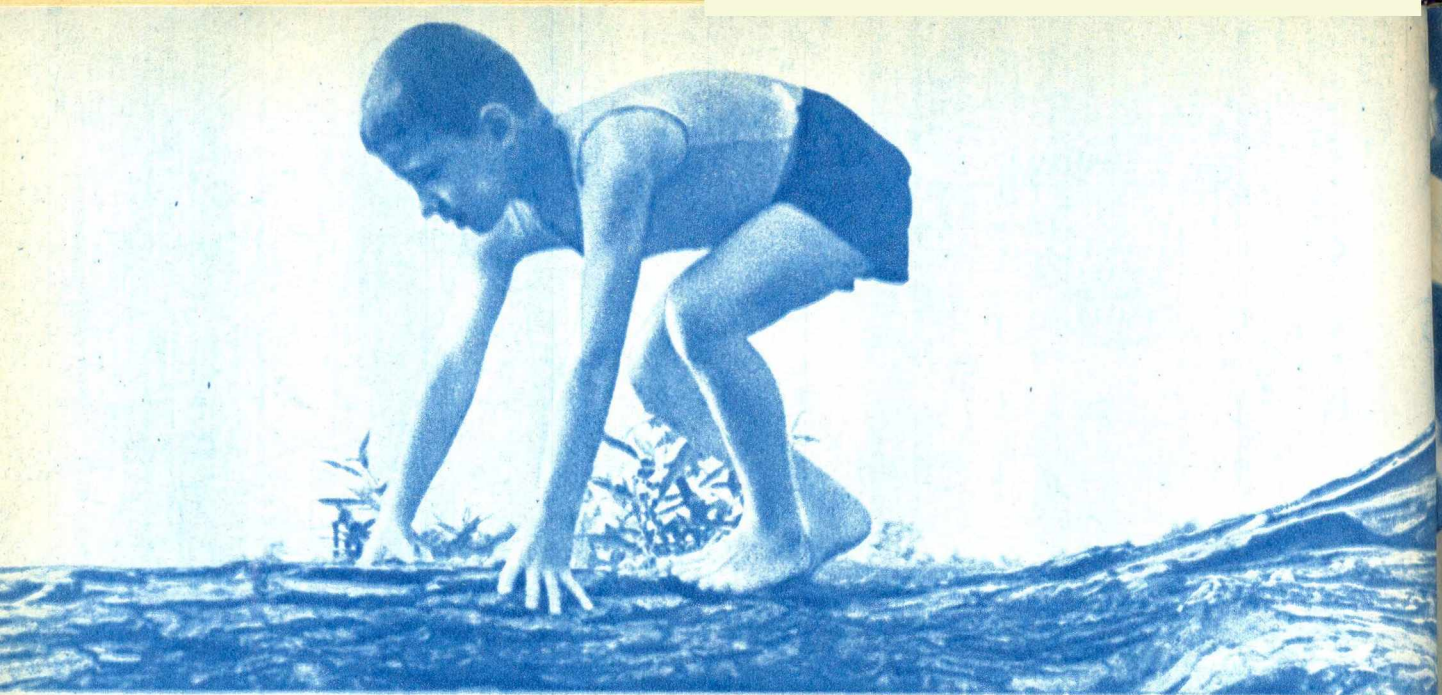
щей, ни в чем не придуманной. Только что найденную, но, очевидно, обладавшую мощными природными корнями самостоятельность Рериха не смогло поколебать трехлетнее пребывание в Париже. В 1901 году художник возвращается в Россию. Теперешнее понимание прошлого все чаще и чаще закрепляется на холсте не в конкретных натуралистических формах, а в более глубинных образах, в «одушевлении» природы вещей, в слиянии с ними человека. Это миропонимание выразилось в 1905 году плещущими у берега драккарами с картины «Славяне на Днепре». Тут взгляд художника полностью совпадает с воззрениями предков, оставивших свидетельства своего жизнеощущения в окаменевших былинных формулах: «У того было Сокола, у корабля, вместо очей было вставлено по дороге камню, по яхонту; вместо бровей было прибавано по черному соболу якутскому; вместо уса было вкнута два острые ножика булатные; высокошенько головушка вздернута, норма сведена по-туриному, бока взведены по-звериному».

Из нашей сегодняшней дали древние холмы видятся потерявшими конкретные признаки — контуры их переданы единой вольной и гибкой линией. Так же не конкретизированы человеческие группы — это не отдельные личности, а «дружина» и «чадь». Судя по характеру построек на берегу и по виду языческого написания, действие картины происходит задолго до времен Владимира. Грубые и простые идолы — это, скорее всего, впечатление от исторических описаний славянских божеств с острова Рюгена. Лошадиные черепа на зубцах частокола говорят о древности культа, напоминающая о длинной веренице умерших священных коней — оживая по ночам, деревянный бог выезжал на них против врагов племени. И гадая об успехе похода, жрецы выводили белого коня и шатким «воротцам», сложенным из трех копий: если конь трижды кряду удачно перешагнет копые-перекладину — это верный признак счастливого возвращения и богатой добычи.

Судя по описаниям, рюгенский идол в правой руке держал рог, выложенный металлическим узором, а левая была изогнута и упиралась в бок. В праздник сбора урожая жрец наполнял рог вином, чтобы через год предсказать по нему судьбу будущих посевов: если вина осталось довольно — быть обилию, если убывало — скудости. Рука «нумира», которого Рерих «поставил на холму» над Днепром, тоже держит ритуальный рог. И древнее славянское божество судило художнику творческое долголетие и неиссякаемое обилие замыслов.

Е. ОВДАК

*каникулы
в деревне*

Фото В. Князева и Б. Романова

